

уральский

следопыт

№3 *** 1976

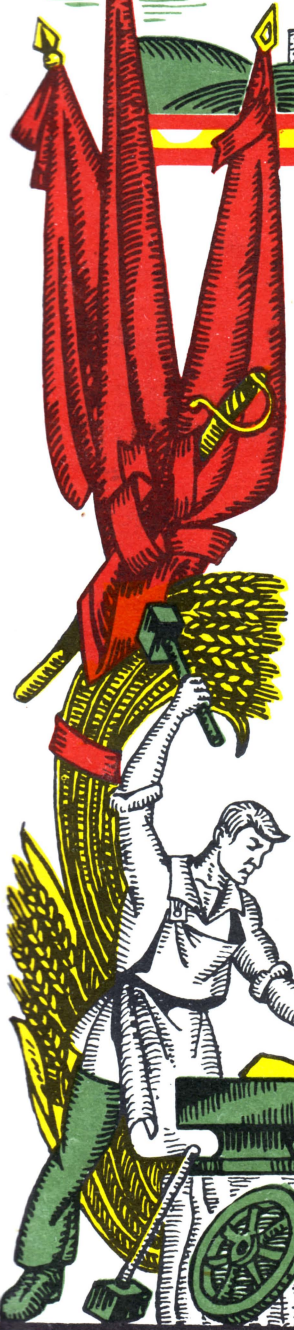

«Командиру 4-го эскадрона 64-го кавалерийского полка Мокину Михаилу Ивановичу. Революционный Военный Совет Первой Конной Красной Армии в исторический день праздника первой годовщины Армии вручает Вам этот документ как свидетельство Вашей самоотверженной работы в рядах Первой Конной Армии на благо великого дела мировой пролетарской революции. Революционный Военный Совет выражает уверенность, что и впредь Вы будете высоко держать знамя Рабоче-крестьянской власти и останетесь неутомимым бойцом за полный успех пролетарской революции».

...Конный разведчик, буденновский боец, командир кавалерийского эскадрона — таким был Михаил Иванович Мокин, житель уральского города Копейска, в огневом двадцатом году. Сейчас Михаил Иванович — почетный гражданин города; за его плечами — многие годы работы на стройках и шахтах, и еще одна война, победу в которой он встретил под Берлином. Но те, двадцатые, годы все еще ярко живут в памяти: и звучит в ушах сабельный звон, и жгут огнем пулеметы с тачанок, и сердце заходится в пылу кавалерийской атаки...

Следопыты Копейского Дворца пионеров, встретившись с ветераном, увидели его редкие реликвии. Нагрудный знак — первый советский знак воинского различия и доблести, такие значки носили в Первой конной командиры. Старые грамоты... Благодарность от командования бойцу-буденновцу — за то, что хорошо бил Шкуро и Мамонтова, Врангеля и Махно, штурмовал Перекоп, насмерть сражался с дутовцами, белополяками, басмачами...

Этим документам более полувека. В них — история нашей армии.

ГРАМОТА ОТ БУДЕННОГО

В номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

С. Батышев Я ИДУ ИСКАТЬ...	2
А. Бабушкин ХИМИЯ УРАЛА	5
А. Поляков ЕДИНОГО ГРАММА РАДИ...	8
Г. Канторович ДЕРЕВЯННАЯ СТРАНА	9
В. Гребенников ПОРТРЕТ ЦВЕТКА	17
О. Поскребышев НА ХОЛЩОВОМ ПОЛЕ ДА НА БЕЛОМ.... Стихи	18
П. Кодочигов КОМЕНДОР ШУРА ПОНОМАРЕВА	20
Л. Фролов ФОНАРИК. Рассказ	24
МЫ — ЮНТЕХИ	32
А. Власов ДЕЛИКАТНЫЙ РАЗГОВОР	34
Н. Барсов СКОЛЬКО ЛЕТ УФЕ!	36
Ю. Курочкин «В ПОЛЬЗУ УВОЛЕННЫХ...»	40
О. Ларионова СКАЗКА КОРОЛЕЙ. Повесть	42
Н. Торский ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ	69
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	70
Л. Горюнов МОРСКИЕ ИСТОРИИ	72
В. Хохлачев НОВЫЕ ПРОФЕССИИ СТАРОГО АУРУМА	76
МИР НА ЛАДОНИ	78

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Борис КОЛЕСНИКОВ,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,
Игорь ТАРАБУКИН
(ответственный секретарь),
Владимир ТРУСОВ.

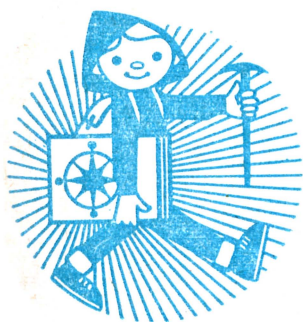
Художественный редактор
Мargarита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:
Индекс 620219
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 28/XI 1975 г.
НС 15018.
Подписано к печати 16/1 1976 г.
Бумага 84×108¹/₁₆.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 9,9
Тираж 275 000 тыс. экз.
Заказ 660.
Цена 30 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ.
Оформление 2-й стр. об-
ложки В. БУБЕНЩИКОВА.

© «Уральский следопыт», 1976 г.

№3 * 1976

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Я иду искать...

Московские следопыты попросили академика С. Я. Батышева рассказать о себе, и он написал для школьного музея коротенькую, в страничку, автобиографию... «Профессиональную учебу начинал со школы фабрично-заводского ученичества. Затем работа на заводе и учеба без отрыва от производства в техникуме. Позднее учился в институте и защитил диплом с отличием... Был директором и преподавателем Саратовского индустриально-педагогического техникума, начальником Калининского областного управления профтехобразования, заместителем председателя Государственного комитета Совета Министров СССР по профессионально-техническому образованию... В 1967 году защитил докторскую диссертацию. В 1968 году избран профессором и член-корреспондентом Академии педагогических наук СССР, а в 1973 г. — академиком. С осени 1973 года — академик-секретарь Отделения педагогики и психологии профессионально-технического образования АПН СССР. Написал 13 книг, 14 брошюр, больше ста научных статей, семь учебных программ... В войну прошел путь от солдата до командира полка спецназначения. Награжден 18 орденами и медалями. За форсирование реки Вислы и создание на ее западном берегу плацдарма, названного Сандомирским, был удостоен высшей награды — Героя Советского Союза. Пятый раз был ранен при штурме Берлина».

Сергей Яковлевич БАТЫШЕВ, действительный член Академии педагогических наук, академик-секретарь Отделения педагогики и психологии профессионально-технического образования АПН СССР, Герой Советского Союза:

— Живет детская игра — в прятки. «Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать!» — зажмурившись, нетерпеливо проговаривает тот, кто галит, и начинает искать... Так же считает классы ученик и потом, окончив школу, идет искать свою профессию... «Главной удачей жизни» называл Г. М. Кржижановский профессиональное самоопределение. «Большое счастье выпадает на долю тех, которые еще в ранней молодости находят самих себя...», — писал он. Стоит добавить: своевременный и верный выбор профессии каждым молодым человеком важен не только для него, но и для общества. Психологи, педагоги, социологи, физиологи единодушны: идти искать сознательно и активно свою профессию юноши и девушки должны не после выпускного бала, а с восьмого класса. Хорошо интересоваться профессиями им следует уже и с шестого класса. Раз, два, три, четыре, пять — я иду искать...

КАНДИДАТ В СПЕЦИАЛИСТЫ

Что сделали мы, ученые, за последние годы для решения проблемы профориентации? Как мы идем навстречу вам, вступающим в жизнь? Вот лишь одна научная работа. Всесоюзный научно-исследовательский институт разработал информационно-поисковую систему для накопления, хранения и оперативного поиска сведений о профессиях. Это не информационный автомат, наподобие музыкального автомата в кафе: заказал рассказ о профессии, скажем, сварщика, и автомат, как пластинку, выдал такой рассказ. Информационная система нужна для всестороннего изучения любой профессии: каков ее престиж? какими качествами нужно обладать, чтобы добиться в ней успеха? какая техника в этой профессии? есть ли вредные для здоровья условия работы? Все эти вопросы должен предъявить и ты, молодой читатель «Уральского следопыта», к профессии, которую выбираешь, и, конечно, к самому себе. И критически отнесись к трамвайно-троллейбусным байкам о своей избраннице-профессии. Тут можно послушаться устарелой информации, ибо облик профессий ныне меняется весьма быстро. Это когда я учился в школе фабрично-заводского ученичества, был «фабзайчонком», то был убежден, что мои знания, полученные в этой школе, всегда будут одинаково ценны, будут служить до конца моих дней...

В некоторых городах уже созданы профконсультационные пункты и лаборатории. Там ты и услышишь точное слово специалиста, а не рассказы. Если лаборатория оснащена приборами и вычислительной техникой для быстрой обработки результатов обследования твоего выбора профессии, то это еще лучше. Здесь дадут обстоятельный совет, рекомендации. И надо найти в себе твердость принять их. Ведь, увы, большинство твоих сверстников не задумываются об осознанности своих намерений. Что я имею в виду? Любая профессия предъявляет к человеку определенные физические и психические требования. Однажды ученые обследовали зное

число подростков на высотобоязнь, и оказалось, что двадцать юношей из ста не могут работать на высоте. А некоторые из них кандидаты в монтажники-высотники, мечтают об этой профессии! Тут ведь и до беды недалеко, если ни врач, ни монтажники не заметят твоего недостатка и пустят тебя работать туда, под облака... Мечтать надо, но всегда оставаясь реалистом!

Вот еще пример. Обследовали группу подростков и обнаружили, что каждый четвертый среди них не сможет выполнять мелкие и точные ручные операции, какие делает, к примеру, часовщик. В общем, руки у этих ребят не совсем такие, как у знаменитого Левши были, и блоху им явно не подковать. И сколько они ни учись ювелирной работе, какую золотую голову с оригинальными мыслями ни имей — точно, быстро им не изготовить тонкие вещи. Но они могут придумать изумительно тонкие приборы и устройства, сделать чертежи — и люди с талантливыми, золотыми руками искусно воплотят их в металл. Словом, не в свои сани не садись... Ты же не стремишься стать чемпионом по городкам, если у тебя великолепная толчковая нога и ты с наслаждением прыгаешь в высоту и, между прочим, выше всех в школе?..

Мало того, иные твои сверстники не отдадут отчет, учась уже в старших классах, как важно уметь соотносить мечту со своими возможностями. И в профессионально-технических училищах исследователи обнаружили до пятнадцати процентов подростков, у которых нет согласия между возможностями организма и требованиями, предъявляемыми к их организму профессией. Эти юноши и девушки, закончив училища, не потянут на работе и неминуемо станут менять специальности. Потерянное время! Невосполнимые затраты на обучение!

Молодые люди учатся также и не в «своих» техникумах и вузах. А тут — еще больший урон. И себе, и обществу.

И о таких вещах задумайся... Если ты будешь работать вопреки своим психофизиологическим данным, ты можешь навредить своему здоровью. Если ты попал не в ту профессию, вряд ли ты с блеском овладеешь мастерством и будешь трудиться, испытывая глубокую радость от любимой работы. Скорее всего ты надеешься браку и даже (это уж совсем худо) допустишь аварию...

Мудрость и мужество самооценки... Чем раньше ростки этих бесценных качеств разовьются в твоей душе, тем счастливее сложится твой путь в профессию, без драмы неосуществленных желаний.

Ученые считают: основная проблема профориентации — профсиноведение. Ученые хотят точно и полно знать, как ты выбираешь свою профессию из тысяч других, чтобы увидеть твои промахи и не допустить твоей ошибки в жизненно важном выборе — выборе любимого дела. Профсиноведение — молодая наука. Она использует методы многоопытных наук о человеке и обществе — социологии, психологии, физиологии. Управлять социальными процессами, управлять тем, как миллионы подростков из тысяч профессий и специальностей выбирают, находят путь к своим профессиям, невероятно трудно, а идеально — невозможно. Это намного сложнее, чем управлять термоядерной реакцией. Потому что человек никогда не будет по команде определять свой жизненный путь. Он хозяин своей судьбы. Но самостоятельность в выборе профессии может обернуться упрямством. А ныне ошибка личности приносит большой ущерб обществу — ведь человек в наше время управляет такой могучей техникой, такими масштабными производственными процессами! И если он делает это недоучившись, халатно?.. Не пренебрегай советами знающих людей, но и не жди, что кто-то разумный-превразумный придет и поведет тебя за руку. Педагоги и психологи знают: ты, любознательный, рационально мыслящий, деловитый, можешь скорее и глубже осознать, к чему у тебя интерес — к музыке, к технике, к экономике? Для этого надо быть еще внимательнее ко всему, что слышишь и читаешь, видишь в кино и на телеэкране, быть внимательнее ко всему, что дает конкретное представление о мире профессий — о музыке,

о технике, об экономике. Лови мгновения той особой радости, какая вспыхивает от встречи с какой-то профессией — возможно, это и есть она, твоя заветная! Но это еще пассивная позиция. Даже если ты пойдешь во Дворец культуры на вечер-встречу с лучшими людьми профессии. Если и отправишься на выставку, посвященную тем или иным отраслям народного хозяйства. Если ты и участвуешь в дискуссиях, где разговор о том же — о профессиях. Это все не активность. Это ты лишь понемногу просвещаешься... И на уроке физики, на котором тебе учитель не только объяснил, как действуют физические законы в радиотехнике, но и познакомил тебя с радиотехническими специальностями.

Кратчайший путь к истине лежит через практику. Истинный ли у тебя интерес к профессии, ты это проверяй на уроках труда, на производственной практике, в спортивно-трудовом лагере, в кружке. Проверь себя в деятельности — не в созерцании. Просто? Но простые-то истины и есть самые трудные! Да к тому же, свершающаяся ныне научно-техническая революция все то, о чем мы привыкли думать, как о чем-то простом, безмерно усложнила...

ТЫ И НТР

Каковы характерные черты научно-технической революции? Открытие новых видов и источников энергии. Проникновение науки в глубь материи. Создание искусственных материалов. Автоматизация производства. Использование ЭВМ. Но самая суть ее — это небывалое, теснейшее соединение науки с производством. Знания действуют. Действия разумны. Под этим девизом и надо готовить себя к вступлению в современную профессию, отражающую в себе НТР. В чем смысл такой самоподготовки? Укрепиться в этой самой мысли, которая никогда не устареет: думать, действуя, и действовать, думая. Усвоил на уроке какой-то закон, примени это на уроке труда. Выполнишь на уроке труда задание, используй знания. Так и только так тебе трудиться, кем бы ты ни стал.

НТР ускорила темпы обновления техники и заводского оборудования. Раньше станки заменяли через четверть века, а теперь этот срок сжат в три раза. Это значит, что рабочему надо, овладевая новой техникой, усвоить новые знания. А иные подростки думают о современных рабочих профессиях, как отсталые старички: мол, там, в цехах, все без изменений, крути-верти ручки станков, как это делали отцы и деды. Разберемся. Ныне машиностроители производят сто двадцать тысяч различных типов машин, аппаратов и приборов. И уже половина всех выпускаемых станков — автоматы и полуавтоматы. К 1980 году автоматизация производства завершится полностью. Что это значит для тебя, кандидата в рабочие? Многопозиционный станок позволяет на одном рабочем месте совмещать различные виды обработки, изготавливать изделие целиком. Станочник-операционник с его монотонным трудом исчезает в современном производстве. Не его ли фигура заслонила тебе коренные изменения, которые происходят на заводах? Сейчас рабочий становится контролером и регулировщиком машин. Ориентируйся на эту фигуру. Машины сменяют операционников. В машиностроении, к примеру, около полутораста профессий заменяют почти три тысячи специальностей, существовавших ранее. Вместо специальностей — специальные станки. Вот что происходит. Нынешний рабочий-универсал вооружен не набором инструментов, как это было, а с ним дружина станков, к тому же оснащенных самым разным инструментом. У него как бы появилось множество рук — механических, разумеется. И он превращается в наладчика своих строгачих, сверлящих, шлифующих стальных исполнителей. Этой работой он уже занят половину рабочего времени. Сюда входит чтение технической документации, измерения и контроль,

управление. Все это элементы умственного труда. Тот, кто забыл физику, математику, не сможет удержать в своей власти, не сумеет управиться с работающими станками. Они начнут «забредать» не в те допуски, не в ту чистоту обработки. А умственный труд у химика-аппаратчика занимает уже девяносто процентов рабочего времени. Это совмещение функций рабочего и инженера, новый тип рабочего в условиях научно-технической революции. Так что со школьными «тройками» на должность аппаратчика просто не пройти по конкурсу.

Но вернемся к рабочему-универсалу, управляющему дружиной станков. В перспективе он станет управлять целой технологической линией. А потом появятся самонастраивающиеся, с помощью кибернетических блоков поточные линии. Тут кандидатом в рабочие может стать лишь человек с высшим образованием. И будет это не в тридцатом веке, а в нашем.

Как это происходило — качественное изменение труда рабочего. Сорок лет назад токарь должен был уметь управлять станком определенной конструкции и знать соответствующий режущий инструмент. Он, как шофер, прежде всего был обязан хорошо «водить» свою машину-станок на высоких скоростях. Тогда их так и называли — токарь-скоростник. Через десять лет его труд мало изменился. 1965 год... Уже токарь знает не только свой станок, а все типы, он применяет универсальные приспособления и режущий инструмент разного вида, он имеет основное понятие о классах точности и чистоты обработки. А это — начатки технического мышления. И вот — семидесятые годы. Назову лишь одно требование к токарю: «знать допуски и посадки, классы точности и чистоты обработки, свойства обрабатываемых материалов». Это знания не исполнителя, а технолога. И теперь в промышленности каждый четвертый рабочий имеет диплом техника-технолога.

Десятая пятилетка — пятилетка качества. Не может человек выпускать продукцию высокого качества, не обладая высококачественными профессиональными знаниями. Оттого главным в системе технического обучения становится среднее профессионально-техническое училище с трех-четырёхлетним сроком обучения. Это новый тип учебного заведения. Зарубежные специалисты очень заинтересовались новым курсом нашей системы профтехобразования. Среднее училище должно стать лучшим учебным заведением, ведь здесь готовят рабочий класс! Тут можно получить и профессию, и законченное среднее образование. В 1975 году уже сорок процентов молодежи, обучающейся в дневных профтехучилищах, учились именно так. Обрати внимание на среднее профессионально-техническое училище.

Век НТР требует: кем бы ты ни мечтал стать, обязательно приобрети сумму технических знаний, навыков и умений. Это нужно тебе хотя бы для того, чтобы без потрясений решить проблему перемены профессии. Ведь при первом прицеле на профессию ты можешь и промахнуться. А ничего не зная про другие профессии, растеряешься. Но главная сила политехнического обучения, какое ты получаешь в школе, в том, что оно дает тебе свободу выбора профессии. В каждом школьном уроке подмечай отблеск жизни. Очень ценное качество уметь постоянно учиться. Но намного оно ценнее, если дополнительно потребностью всегда применять знания на практике. Эта потребность — высшее человеческое свойство. И в век НТР без него не обойтись ни в одной профессии, ибо научно-техническая революция — это и есть теснейшее сочетание науки с производством, знания с действием.

Записал Ю. Липатников

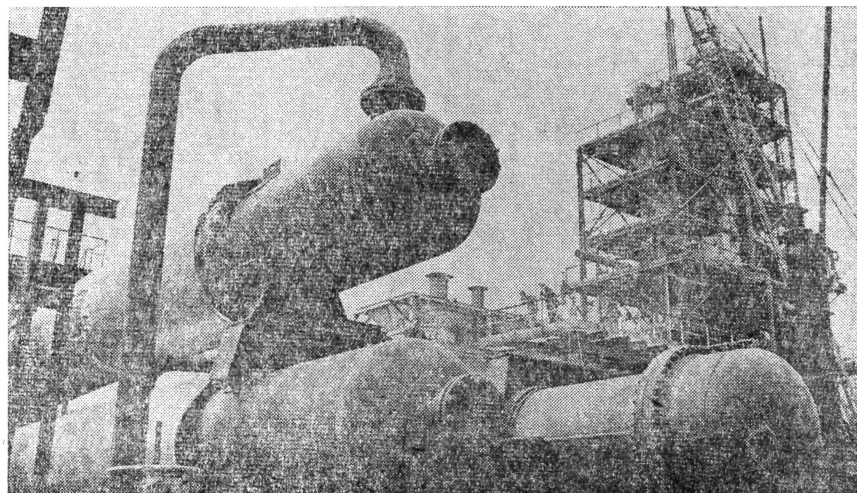
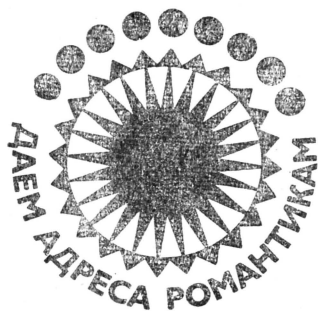
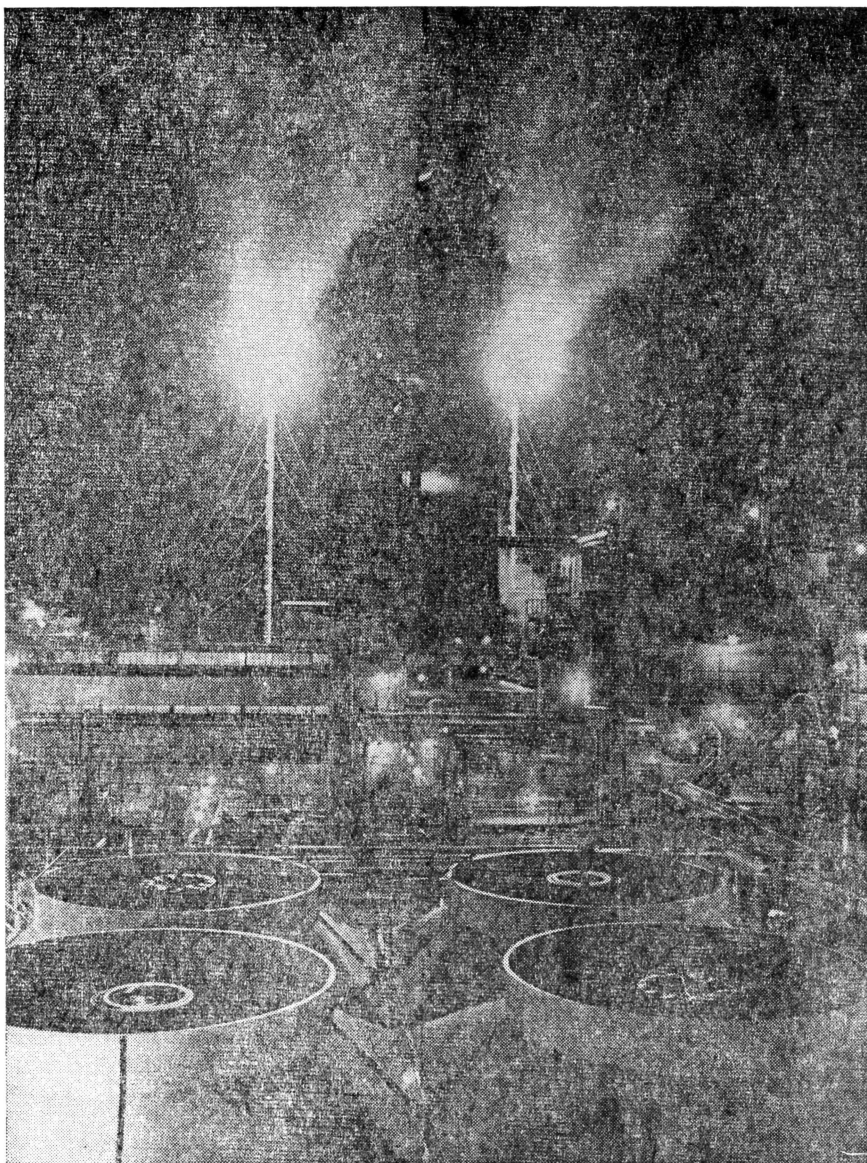
ХИМИЯ УРАЛА

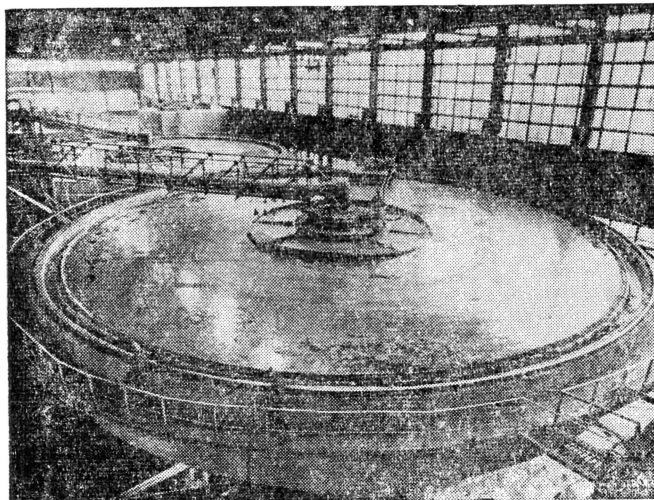
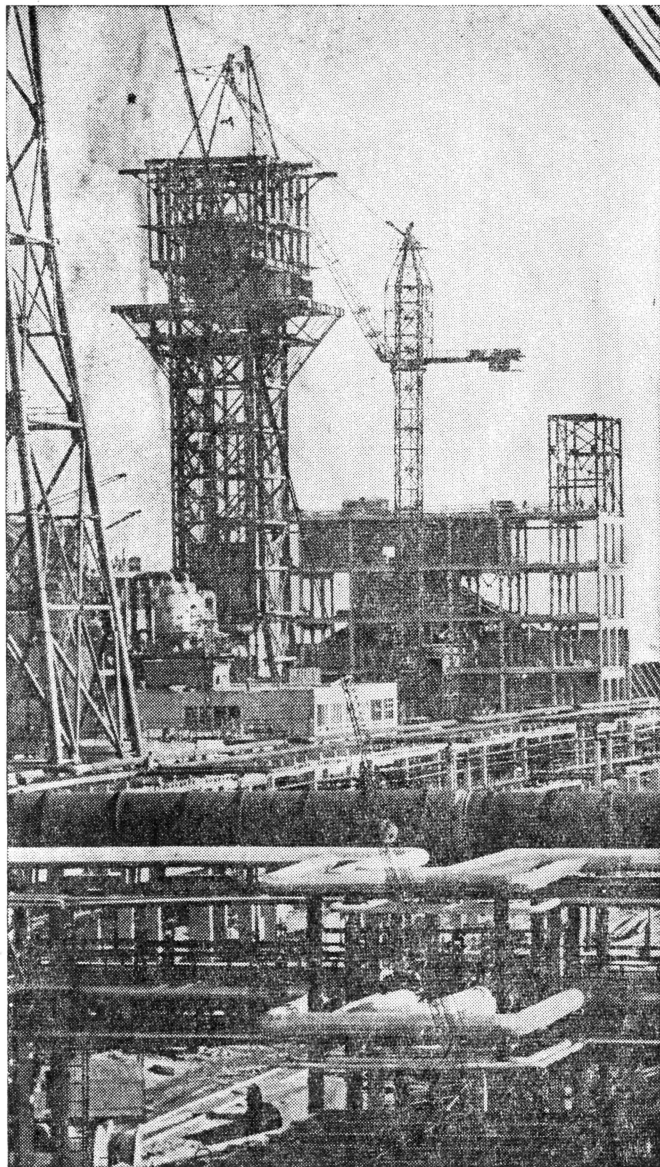
Фотосочерк
Алексея БАБУШКИНА

Эта гигантская нитка газопровода будет протянута через всю европейскую часть нашей страны. Длина ее 2750 километров, толщина нитки — почти полтора метра. Наверно, в ней смог бы покатить «Запорожец», но по ней под давлением семьдесят пять атмосфер полетит природный газ. Стройка газопровода Оренбург — западная граница СССР — одна из самых «ярких» в десятой пятилетке.

Оренбургское газоконденсатное месторождение — это не только голубое топливо. Здесь уже построены две и сооружается третья очередь газового комплекса. Ведь конденсат — его еще называют белой нефтью — таит в себе немало ценных вещей: автомобильный бензин, химические волокна (а это синтетическая одежда), полиэтилен (а это все-

На снимках:
Оренбургский газовый комплекс.
Ново-Уфимский нефтеперерабатывающий завод.

На снимках:
Монтажник Павел Коновалов на строительстве аммиачного комплекса в Березниках награжден знаком «Молодой гвардеец пятилетки». Вот она — стройка Павла Коновалова. Соликамск. Так делают удобрения (снимок внизу).

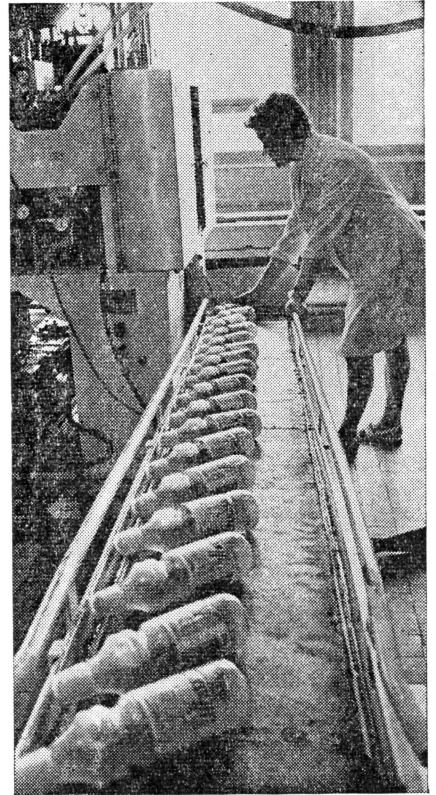
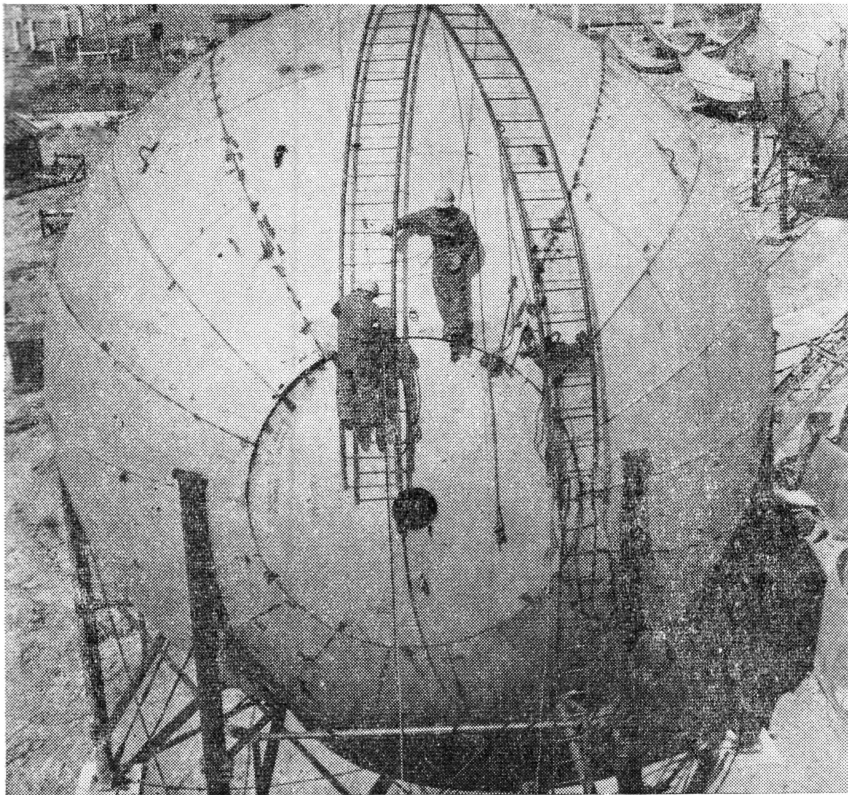
возможная тара, детские игрушки). Потому на Оренбуржье растет гроздь заводов и населенных пунктов.

Химики не могут лишь копировать то, что дает природа. Долгим и тернистым был путь получения синтетического каучука, который бы не страшился высокой температуры и оставался эластичным. Растут скорости автомобилей, они сходят с конвейера все более могучими, а без надежных шин с каучуком, какого не делает природа, далеко не уедешь. Около уральского города Чайковского и построен крупнейший в Европе завод синтетического каучука...

Славится химическими заводами Башкирия. Стерлитамакский содово-цементный завод, Стерлитамакский завод синтетического каучука, Салаватский нефтехимический комбинат, в Уфе построен завод, перерабатывающий нефть.

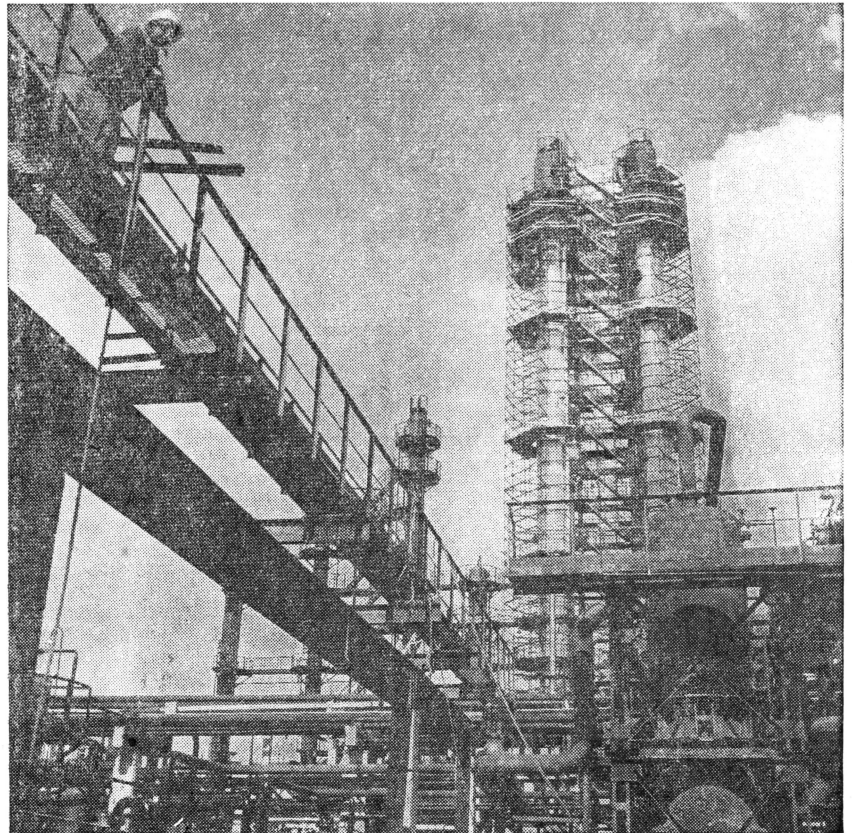
Один из центров химической промышленности Западного Урала — Березники. Здесь сооружен еще один комплекс — аммиачный. Его продукция особой ценности, это удобрение: аммиачная селитра.

На XXV съезде партии говорилось: химии быть все более укрупняющейся отраслью народного хозяйства. И химия Урала станет еще мощнее. Она дает криолит, чтобы выплавить самолетный металл, дюралюминий, и у нее есть возможности готовить вязкое волокно. Экономисты считают, что это лучше всего было бы делать в Арамиле, укрупнив там завод химического

На снимках:
Около уральского города Чайковского строится крупнейший в Европе завод синтетического каучука. Конвейер домашней химии. Пермский нефтехимический комплекс.

волокна. Урал производит кислоты и краски, резину и реактивы, и по экономическим прогнозам он способен поставлять стеклопластики и корд. Заводы по переработке вторичных пластмасс, резинового лома — будущие предприятия. Увеличится масштаб переработки отходов горной промышленности. Это наиболее выгодная химия Урала. Возрастет мощь химических заводов в десятой пятилетке и за счет реконструкции.

ЕДИНОГО ГРАММА РАДИ...

**Анатолий
ПОЛЯКОВ**

Явление радиоактивности ученые начали изучать сравнительно недавно. В развитых странах создавались специальные институты. В России института не было, однако действовало так называемое «Частное общество по добыче редких металлов».

1918 год. Гражданская война, голод, разруха... По инициативе В. И. Ленина при ВСНХ создается химический отдел, и Советское правительство ставит перед учеными задачу — получить из конфискованной у частного общества руды радий.

Радиевый завод был организован в Петрограде. Но к столице подошел фронт, и секретное оборудование, 60 тысяч пудов ценнейшего сырья решено было эвакуировать в Березники.

«Какой такой радий? Кому он сейчас нужен?» — не понимали ученых-химиков в Березниках. Однако радиевый завод снова был создан благодаря вмешательству В. И. Ленина. 28 октября 1918 года Владимир Ильич подписал такую телеграмму:

«Перь, Уралсовнархоз...

Предписываю Березниковскому заводу немедленно начать работы по организации радиевого завода согласно постановления Высовнархоза. Необходимые средства отпущены Совнаркомом. Работы должны вестись под управлением и ответственностью инженера-химика Богоявленского, которому предлагаю оказать полное содействие.

Предсовнаркома ЛЕНИН».

Декабрь 1918 года. К Уралу подошел фронт. Березники заняты белыми. Богоявленский остался на заводе, служил колчаковцам, чтобы только сохранить оборудование, спрятать и спасти сырье...

В декабре 1921 года из того самого сырья были получены первые в России 20 миллиграммов препарата с содержанием радия! Это была первая крупная победа советской науки...

Об этом интересном эпизоде из истории советской науки рассказано в очерке Н. Аликиной в краеведческом сборнике «Отчий край», выпущенном Пермским книжным издательством.

Листаешь книгу и словно совершаешь увлекательное путешествие по родному краю.

«Подлинник. Публикуется впервые». Такая сноска часто мелькает в сборнике. И ценнейшие все это документы истории. Вот выдержки из одного — из рапорта первого секретаря Свердловского райкома партии г. Перми Н. А. Завирохина первому секретарю Пермского обкома ВКП(б) Н. И. Гусарову:

«Все мои братья на фронте дерутся за Родину, все мои личные друзья на фронте сражаются с врагом... Неоднократно с первого дня войны прошу послать меня на фронт... Хорошо владею всеми видами стрелкового оружия, знаю тактику современного боя, хожу на лыжах, на отлично закончил военные курсы партийных работников... Так почему же меня не послать на фронт? Что, я хуже моих друзей знаю военное дело?.. Нет, товарищ Гусаров, военное дело я знаю, а что не знаю, научусь в бою; нет причин не послать меня на фронт...»

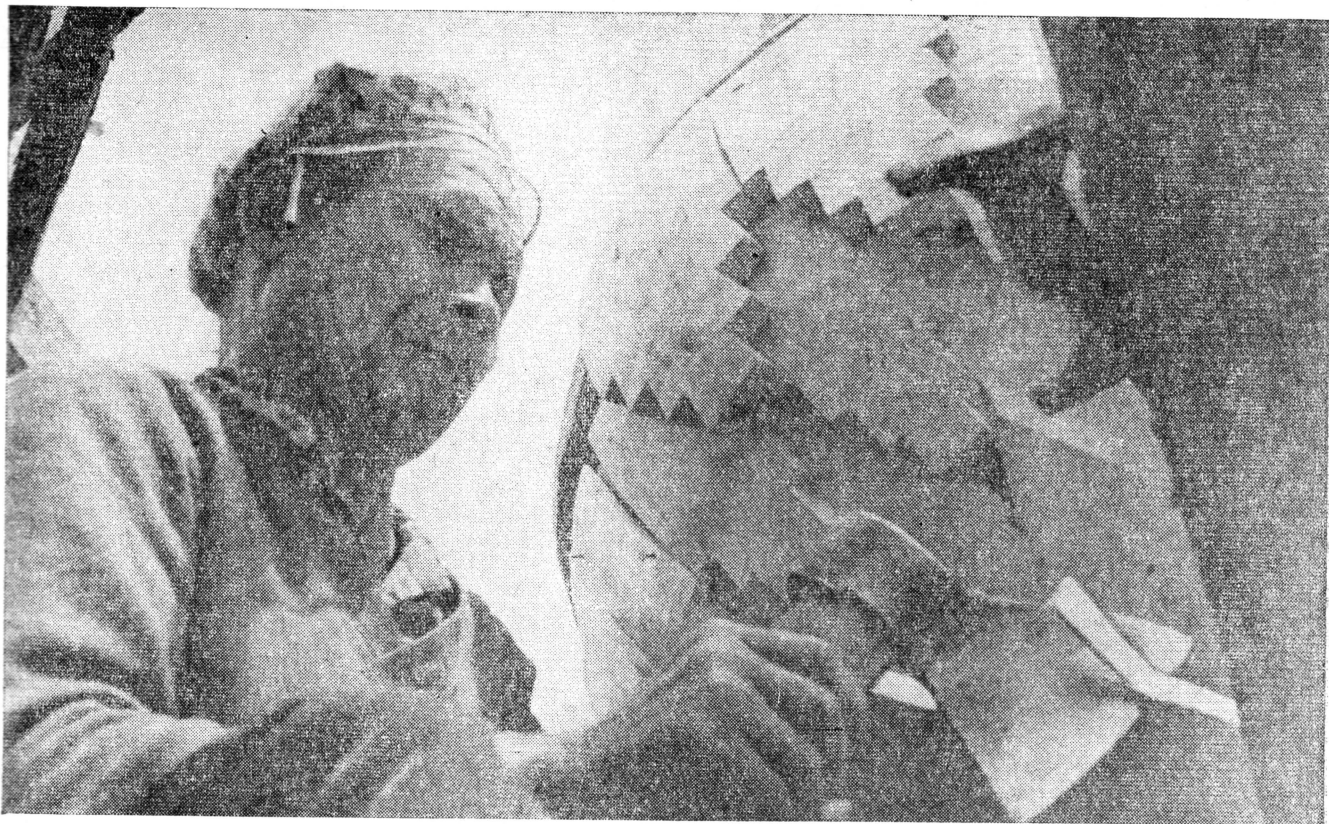
На работе здесь меня заменить легко, состояние здоровья нормальное, тренировка выносливости есть. Остаться здесь в тылу и спокойно провожать друзей и товарищей на фронт больше не могу...»

Николай Александрович Завирохин погиб смертью храбрых. И таких людей, как он, мы, потомки, должны помнить.

В сборнике «Отчий край» опубликована документальная повесть Арнольда Ожегова «На рассвете», воспоминания Веры Пановой «Перь в моей судьбе», материалы на историко-революционные темы, посвященные 30-летию Победы, об индустриализации Прикамья, множество заметок о поисках краеведов...

Для юных следопытов, изучающих свой край, для историков и краеведов, для всех читателей, эта книга — просто клад. И только об одном можно сказать с сожалением: интересная и нужная книга вышла мизерным тиражом — всего 7 тысяч экземпляров.

ДЕРЕВЯННАЯ СТРАНА

*Деревянные страны...
В этих странах живет
каланчей деревянных
кособокий народ.*

В. Шапошников
«КИТЕЖ».

**Григорий
КАНТОРОВИЧ**

Рисунки автора

Это и вправду как сон. На склоне холма висит древняя сторожевая башня. Верх сруба нависает над нижней частью, образуя боевой выступ — облам. Из четырехскатной крыши вырастает небольшой приземистый восьмерик с прорезями волоковых окошек. Над ним шатер, крытый «красным» — с вырезными концами — тесом. Еще выше наблюдательная вышка — теремок.

Вращается наверху маленький флажок — прапор. Сменил ветер направление — прапор остановился, вздрогнул и сделал обратный поворот, будто само время повернуло вспять, и пока-

Вверху на фото плотник-реставратор Аюп Асыллов

жется путнику, что вот-вот на смотрельне мелькнет силуэт дозорного, а в темной глубине бойницы матово блеснет ствол пищали...

Но нет дозорного с пищалью и не слышно выстрелов. Кругом тишина, которую нарушают лишь стрекот кузнечиков да... перестук топора — здесь строят.

...Здесь строят музей.

Первый такой музей появился у нас в 1930-е годы. Под руководством и по инициативе архитектора-реставратора Павла Дмитриевича Барановского в подмосковное село Коломенское были перевезены надвратная башня XVII века из Николо-Карельского монастыря, находящегося на берегу Белого моря, домик Петра Первого из Архангельска, медоварня из подмосковного села. Позже, в 1958 году, сюда же переехала крепостная башня Братского острога. Так возник музей под открытым небом — одна из форм охраны и пропаганды памятников архитектуры, быта и народного творчества.

Сейчас такие музеи есть в Прибалтике — Рижский этнографический музей, парк-музей в Рокка-аль-Маре, в Карелии — музей в Кижях, в Российской Федерации — под Костромой, Суздалем, Вологдой, Новгородом, Горьким, Архангельском — всего около тридцати. Одни из них созданы на месте существования самого памятника, архитектурного ансамбля или целого селения. Другие — на новом месте, куда перевозятся памятники из разных районов, расположенных вдали от туристских маршрутов. Макеты уникальных памятников сооружаются в натуральную величину.

Каждый из этих типов музеев под открытым небом имеет свои достоинства и недостатки, о преимуществах их спорят, но оба они имеют право на существование.

Что может быть лучше сохранения памятников на месте, в естественных природных условиях, в исторически сложившейся окружающей среде? Памятник здесь возник, он составляет неотъемлемую часть пейзажа, часто отражает конкретные исторические события. Такой естественный заповедник сохранит для людей и древнюю планировку села, и связь каждого памятника с окружающим пространством.

Зато второй тип, пожалуй, единственно возможная форма сохранить памятники народного зодчества, находящиеся в глухих, отдаленных местах.

Древние здания и сооружения перестраивают и приспособляют для современных нужд или забывают о них, не ремонтируют — они ветшают, разрушаются и исчезают.

Безнадзорность грозит даже уникальным сооружениям. К примеру, каждому известна двадцатиглавая церковь Преображения, что в Кижях, но мало кто знает, что у нее была предшественница — двадцатипятиглавая церковь в селе

Анхимово Вытегорского района Архангельской области. Этот шедевр деревянного зодчества сгорел по вине нерадивых людей.

Многие памятники вообще невозможно сохранить на месте, так как они находятся на затопляемых территориях или в зонах нового строительства.

Перевозка памятника создает замечательную возможность для его полноценной реставрации. Памятник как бы оказывается в роли больного, перевезенного из полевых условий в стационарный госпиталь. Диагноз ставится здесь более точно, да и курс лечения более надежный.

Вылеченные памятники наполнят содержанием, соответствующим их первоначальному назначению, расположат в определенном порядке, и музей готов для обзора, для глубокого научного изучения, для использования древнего опыта в современном строительстве.

Ну, а что касается утраты первоначальной окружающей среды, то нельзя забывать, что сегодняшнее окружение памятника не является изначальным — с тех времен многое кругом изменилось. К тому же деревянные постройки на Руси часто перевозились с места на место, из села в село. Это было обычным явлением.

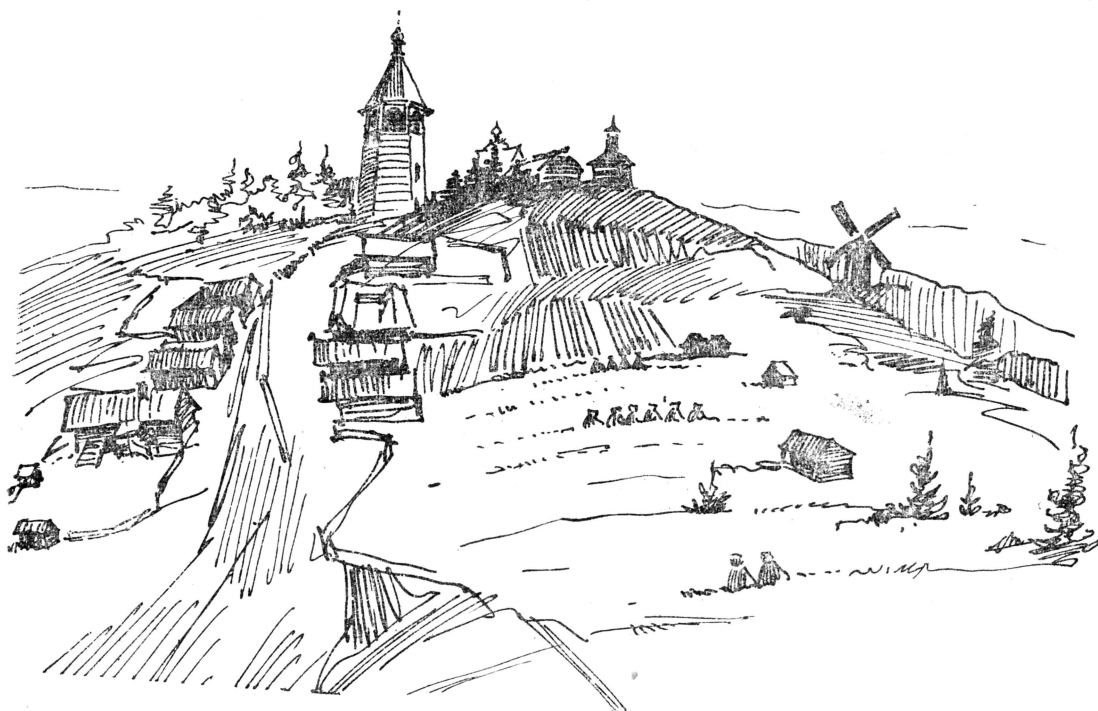
Прикамье богато памятниками деревянного зодчества. Созданные в глубокой древности, многие из них дошли до наших дней.

Среди редчайших построек — загадочная храм-башня в селе Пянтег, построенная в XVI веке. Это едва ли не единственный в русской архитектуре шестигранный храм-шестерик, начинающийся от самой земли и увенчанный шатром. О его происхождении до сих пор спорят историки. Есть предположения, что это крепостная башня, приспособленная под храм, а уральский ученый А. С. Терехин даже выдвинул любопытную гипотезу, что перед нами — уцелевший остаток Анфаловского укрепленного городка, одного из первых русских поселений в Прикамье.

В прикамских селах сохранились удивительные по красоте клетские храмы (от слова «клеть» — сруб). Если сравнить существующие постройки с фотографиями и описаниями исчезнувших (например, с уникальной клетской церковью в селе Монастырь Гайнского района), то невольно приходишь к выводу, что в Прикамье к концу XVII века сложилась школа местных мастеров плотников, своеобразная ветвь могучего древа русской архитектуры.

В селе Сыра уцелела единственная в крае шатровая колокольня XVIII века. До наших дней сохранились и другие постройки из дерева: мельницы, часовни, пожарки, кузницы и т. д. Большинство памятников расположено в отдаленных районах, где очень сложно организовать их охрану, ремонт и показ туристам.

Чтобы сохранить это богатство, Пермский

Музейный холм

облисполком принял решение организовать архитектурно-этнографический музей под открытым небом. Место для будущего заповедника выбирали долго, со спорами, пока, наконец, не нашли прекрасный участок в 40 километрах от Перми вверх по течению Камы. Это — небольшой, площадью около 50 гектаров, полуостров. С севера и востока его омывают воды Камы, западной границей служит река Хохловка, на противоположном берегу которой расположены одноименная деревня и пристань. У этого места много достоинств — типичный для Прикамья пейзаж, изолированная территория. Высокий холм — 50 метров над уровнем реки — с трех сторон опускается к воде крутыми увалами, поросшими хвойным лесом и вереском. С южной стороны холм постепенно переходит в долину, по которой подходит к музею дорога из Перми.

Удивительная по красоте панорама открывается с вершины холма. На юго-западе — зеркало Хохловского залива, образованного Камским водохранилищем, а за ним — куда только хватает глаз, до самого горизонта, — поля и леса. С севера и востока — тоже река да лесные дали. На западе, у подножия еще более высокого холма, прилепилась деревушка, и дороги от нее идут вверх круто, точно поднимаются в самое небо.

Кстати, у выбранного места богата и историческая биография. Мимо этого мыса некогда проплывали узкие лады новгородских ушкуйников и боевые струги Ермака, готовившего поход в Сибирь. Здесь проходили огромные соляные баржи Строгановых, Турчаниновых и других землевладельцев. В XVIII веке поблизости располагался Хохловский медеплавильный завод. Деревушка была основана в 1755 году, как поселение этого завода. Завод был закрыт в связи с истощением запасов медной руды. Сейчас его территория стала дном Камского моря.

Деревянная страна на полуострове будет хорошо просматриваться и с холма, и со стороны реки — с проходящих мимо судов. Водная дорога свяжет музей с историческими памятниками верховьев Камы. Заповедник станет одним из центров туризма на Урале.

Старина, история здесь будут взаимосвязаны с географией и этнографией. Три сектора музея представят северное Прикамье, южное Прикамье и Коми-Пермяцкий национальный округ с их историческими и этнографическими особенностями. Экспонатом станет и окружающий пейзаж.

Народные зодчие, выбирая место для постройки, учитывали не только красоту округа, но и множество других факторов — удобство

сообщений, ориентацию по странам света, господствующее направление ветров и многое другое.

Такие древние селения Прикамья, как Янидор, Пянтег, Редикор, Торговище, Тохтарево, интересны не только уникальными зданиями, но и своей планировкой. Это — памятники градостроительного искусства.

Перенесенная в музей типичная планировка сел и усадеб не только сохраняет памятник, но и как бы реставрирует впечатление.

Так, например, для сектора северной деревни музея в Хохловке прототипом послужит планировка села Янидор в Чердынском районе, с его уникальным памятником русского деревянного зодчества — церковью Преображения, построенной в 1702 году. Село сохранило древнюю кучевую планировку, и в северной деревне постройки будут размещены кучно.

В секторе Коми-Пермяцкого национального округа запроектирован фрагмент коми-пермяцкой деревни. Кроме четырех усадебных комплексов, здесь будут курная изба, часовня, пожарка. В лесу разместятся охотничьи становые: избушка и чемья — сруб на стволе дерева. Здесь охотники оставляли на хранение добытую дичь, припасы.

Прикамье — колыбель уральской промышленности. Еще в начале XV века новгородские посадские люди Калининковы завели солеварение на речке Боровице, притоке Камы. Около 1430 года они переселились южнее, на реку Усолку. Район новых солеварен дал начало городу — Соли Камской. К концу XVII — началу XVIII века Прикамье стало главной солеварней России, оно давало больше половины всей российской соли.

В XVII веке здесь начала развиваться металлургическая промышленность. Велика роль соляного дела и в развитии, уже позже, в XIX веке, химической промышленности.

С развитием соляного производства в Прикамье возникает и промышленная архитектура. Естественно, что в крае, богатом лесом, и пер-

вые промышленные здания строились из дерева. Причем, по оригинальности конструктивных решений, по своим размерам они не имеют себе подобных ни в нашей стране, ни за рубежом.

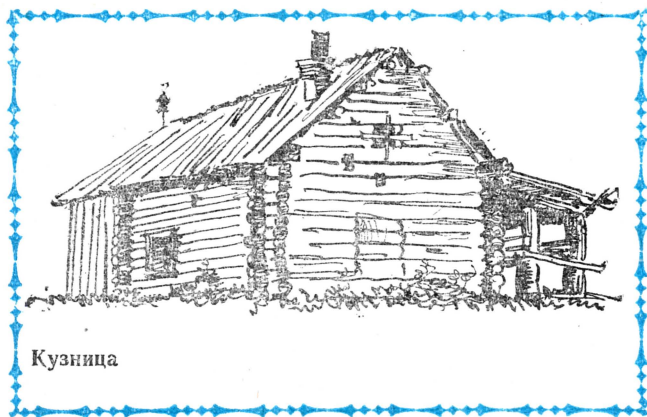
Промышленный сектор занимает особое место в музее. Это будет та изюминка, которая отличит его среди других музеев страны, так как подобных сооружений не сохранилось больше нигде. Произведения промышленного зодчества вызывают чувство гордости творческим трудом наших предков — это памятники высокого искусства русских мастеров, зодчих.

Большинство этих сооружений необходимо сохранять на местах. Так сохраняется на месте и соляной завод в Соликамске. Лишь часть завода — рассолоподъемная башня, соляной ларь, две варницы, амбар — перевозится в музей.

Музей строится. Работа предстоит огромная, не на один год. Изучаются местные и центральные архивы, отправляются в путь экспедиции для выявления будущих экспонатов. Представляющие интерес сооружения обмеряются, фотографируются. Ведутся поиски старинных предметов домашнего обихода для обстановки интерьеров изб, амбаров, церквей, чтобы посетитель музея мог получить представление не только о внешнем виде давних построек, но и об их внутреннем убранстве. Собранные предметы — деревянные зыбки, прялки, ткацкие станки, посуда, кухонная утварь, бочки, ведра, корыта, колodки для лаптей — помогут правдиво воссоздать обстановку быта ушедших поколений. Смотришь на все эти поделки, и приходят на память слова Л. Н. Толстого, что русский человек «одинаково верно со всего размаха раскалывал топором бревно и, взяв топор за обух, вытачивал им тонкие колышки и вырезал ложки».

На территорию музея уже перевезены такие памятники, как сторожевая башня и колокольня из села Сыра Суксунского района, три постройки соляного завода из Соликамска, изба из Коми-Пермяцкого национального округа. Некоторые из них уже собраны на месте. Давайте познакомимся с ними поближе, заглянем в их прошлое, посмотрим, как они себя чувствуют в новой обстановке.

Умение русских людей возводить надежные оборонительные укрепления, своеобразие крепостных построек не раз отмечали иностранные путешественники, посетившие Русь в XVI—XVII веках. К сожалению, наиболее ранние памятники этого типа сохранились лишь в виде отдельных фрагментов, найденных археологами, а из крепостей XVII века уцелели единицы. Это остатки трех сибирских острогов — Якутского, Илимского и Братского — да несколько башен. К их числу относится и крепостная деревянная башня из села Торговище Суксунского района. Это часть острожка, возникшего в XVII веке (село основано еще во времена Ивана Грозно-

Кузница

Пожарка

го). Расположенное на водном пути — сплавной реке Сылве, близ сибирской дороги, село служило опорным пунктом, противостоящим набегам немирных племен на русские поселения в этом районе.

Хорошая обороноспособность и близость к путям в Сибирь способствовали тому, что село стало значительным торговым центром. В нем устраивались ярмарки для сбыта сельских продуктов и кустарных изделий. Отсюда пошло и название села — Торговище. Село было окопано ровом и обнесено частоколом с восьмью сторожевыми башнями. Одна из них, въезжая, имела ворота, которые запирались на огромные замки. Это дало повод иногда называть село Торговище — Запертые ворота.

Во время осады острожка войсками Пугачева все башни сгорели, кроме одной, проездной, с двумя воротами. Над южными воротами был устроен мостик и над окном в раме помещена икона — образ Спаса, отчего башню называли Спасской. Однако в народе за ней прочно утвердилось и другое название — Пугачевской.

Сотрудник Пермских реставрационных мастерских, историк Аркадий Михайлович Федотов обнаружил в архиве церковную летопись села, составленную когда еще «не особенно давно были живы старики, помнившие, как ходил Пу-

гач». Летописец сообщает, что жители села воевали в «шайках» Пугачева. Выстоявшая осаду башня была для них не символом обороны, а живой памятью о борьбе за свободу. Она простояла почти без всякого изменения свыше двух столетий. Но «в ночь на 3-е июля 1899 года в весьма древнем селе Пермской губернии, Торговижском, произошел страшный пожар: при сильном ветре сгорело 23 двора и старинная деревянная сторожевая башня», — пишет историк В. П. Поляков, прибывший сюда на другой день после пожара. Его глазам предстала печальная картина разоренного огнем села и остатки башни. «Заметно было только место, где она стояла, да складено было на нем оставшегося от нее «казенного» железа пуда три: разные дверные петли, скобы... Так исчезают и исчезли бесследно многие ценные памятники русской старины», — заключает очевидец свое грустное описание.

Фотография Торговижской башни помещена в первом томе известной «Истории русского искусства» Игоря Грабаря. В очерке «Крепостное и гражданское зодчество», отмечая, что наряду с крепостными башнями были еще сторожевые или дозорные с вышкой для стражи, автор пишет: «Чудесный образчик этого типа представляла дозорная башенка в селе Торговище Пермской губернии Красноуфимского уезда... Она срублена восьмериком на продолговатом четверике и на срезанной верхушке ее шатра приспособлена дозорная вышка, совершенно тождественная по приему с устройством звона в колокольне... Только вместо обычной главки с крестом она завершалась пряничного пошиба двуглавым орлом».

О том, насколько ценили сгоревшую башню местные жители, говорит тот факт, что через несколько лет после пожара ее возобновили из более мелкого леса. Новая постройка отличается от древней и своими пропорциями — она менее приземиста.

Особый интерес представляет конструкция венчатого шатра. Он близок самым древним шатрам сплошной рубки с восьми углах.

В новой башне конструкцию шатра слегка упростили — все-таки рубили в XX веке — и облегчили, шатер рублен с зазорами между венцами, в режь, — как говорят специалисты.

Любопытно, что и за новой постройкой сохранилось прозвание Пугачевской башни — велика в народе любовь к крестьянскому вождю. Название это известно до сих пор местным жителям, в то время как прежнее — Спасская — давно забылось.

Редким памятником деревянного оборонного зодчества интересовались многие известные исследователи древнерусской архитектуры. Впервые его описал еще в 1838 году А. Г. Глаголев в «Кратком обозрении древних русских зданий

и других отечественных памятников». Его изучали, описывали, восхищались им и позднее — вплоть до наших дней.

Время изменило облик и этой, уже XX века, постройки. Не уцелели фигурные свесы шатра и полип. Тесовую кровлю заменила железная, прорезаны новые оконные проемы. Несмотря на это, остроумная конструкция башни, великолепная рубка стен, углов красноречиво говорит о мастерстве пермских древоделов.

Осенью 1971 года старую башню обмерили, разметили и разобрали. Двести бревен знаменитой постройки погрузили на автомашины — три панелевоза и одну бортовую машину. Ценный груз доставили специальным рейсом на Хохловский мыс. Реставраторы восстановили башню, поставленную сельскими мастерами в память о сгоревшей предшественнице из Торговижского острога. Плотники-реставраторы из бригады Аюпа Асылова заново возвели лишь нижние прогнившие венцы сруба, вывели на полную высоту старый четверик, затем вынесли вперед консоли для боевого выступа. Шатер и дозорная вышка тоже были полностью собраны из перевезенных деталей.

Кровлю шатров покрыли «красным» тесом с вырезными концами, и старинная башня словно помолодела. Верх увенчали флажком-прапором. Изображение башни из древнего пермского села скоро появится на значках, сувенирах, открытках — станет эмблемой всего музея.

В северной части города Соликамска, на берегу Камы, при впадении в нее реки Боровицы высятся постройки Усть-Боровского солеваренного завода: пирамидально уходящие вверх рассолоподъемные башни, похожие издали на большие избы соляные лари, длинный ряд варниц, громадные амбары.

Современному человеку непривычно видеть такие гигантские постройки из дерева. А оно всюду — всех цветов и оттенков, изъеденные временем, дождями и ветрами бревна башен; задубелые пепельно-серые, местами закопченные стены варниц; темно-коричневые брусья

ларей и пропитанные солью, точно окаменевшие венцы амбаров — настоящее деревянное царство. Весь этот уникальный архитектурный ансамбль связан с добычей и вываркой соли.

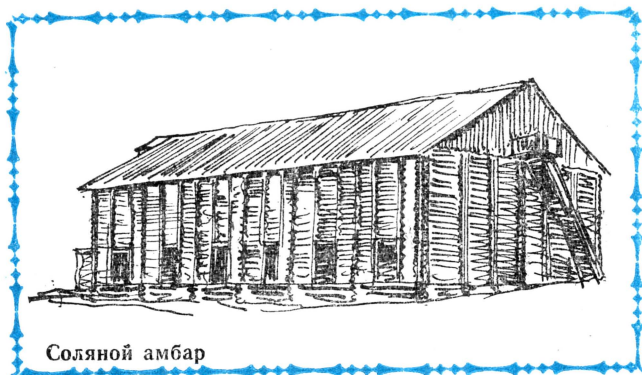
Усть-Боровской сользавод часто называют Рязанцевскими солеварнями по имени местного солепромышленника А. В. Рязанцева, основавшего завод в 1882 году. Это еще недавно действовавшее предприятие единственное в своем роде. Весь процесс солеварения осуществлялся на одном участке — варничном дворе, обширном хозяйственном комплексе, включавшем в себя не только уже упомянутые башни, лари, варницы, амбары, но и вспомогательные постройки — кузницы, конюшни, бани, а также жилые избы и контору. «Завод-динозавр», так метко окрестил предприятие один из приезжих журналистов. В этом шутовском названии большая доля правды. Хотя все постройки возведены в XIX веке, они сохранили много особенностей своих предшественников — первых деревянных промышленных построек Прикамья.

Известно, что русское деревянное зодчество достигло такого совершенства, что не менялось веками и дошло без изменения до начала XIX века. Помогли этому и отдаленность Прикамья от центра страны, и прочные местные традиции. Поэтому через XIX век здесь можно заглянуть глубже, в века более далекие — в XVII и XVI.

Соляной промысел на Руси — один из древнейших. Уже в XII веке киевский князь Святослав разрешил собрать налог с соляных варниц, а в житии соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия говорится, что на многих реках жители «обычай имут соль варити». В начале XV века этот обычай занесли и в Прикамье.

На месте первых варниц, поставленных выходцами из Вологды Калининковыми, выросло поселение Соль Камская, а потом и город Соликамск. В 1579 году здесь уже числилось 190 дворов и 16 соляных варниц. Через сорок лет количество варниц удвоилось — доходный промысел привлекал многих. Но постепенно мелкие хозяева разорялись и все солеваренное производство сосредоточилось в руках крупнейших промышленников края — Строгановых, Демидовых, Турчаниновых.

Кому бы ни принадлежали соляные заводы Прикамья — технологический процесс на них был одинаков, и почти не изменился со временем. В течение нескольких веков здесь выкачивали из-под земли рассол и вываривали из него соль-пермянку. Первоначально рассол черпали деревянными бадьями прямо из трубы-скважины. Позже, в конце XVI века, стали применять насосы. С их появлением трубу вместе с насосным механизмом стали обстраивать деревянным срубом. Так появился новый ведущий тип сооружения — рассолоподъемная башня. Исследо-

Соляной амбар

ватели отмечают, что прообразом ее послужила крепостная сторожевая башня. Над скважинами стояли высокие — 10—12 метров — четырехгранные бревенчатые башни. Любопытно, что все скважины имели названия, иногда в честь мастера — Лапинская, часто по дню закладки — скажем, Троицкая, в троицу и т. д. От башен тянутся рассолопроводы к ларям-отстойникам — бассейнам для хранения добытого рассола.

Ларь — это изба на подклете, с тесовой кровлей. Основной этаж — глухой деревянный чан, вмещающий до 300 кубических метров раствора. Он выполнен из плотно подогнанных друг к другу брусев. Чтобы стены ларя не выпучивало, к ним приставлены попарно вертикальные бревна. Вся эта конструкция, точно бочка, стянута обручем — горизонтальной рамой, сжимом из бревен. Восхищает не только мудрая простота замысла, но и его добротное исполнение.

Чан поставлен на подклет — небольшие по высоте бревенчатые клетки. Они служат прочным основанием и как своего рода технический этаж, облегчая доступ к днищу ларя. Все лари поставлены в период закладки основных зданий завода — с 1882 по 1888 год. Обычные размеры ларей в плане 13×7 метров, высота 5—6 метров. Средний ларь двойной, поставленные через равные промежутки, строго вертикально столбы в сочетании с треугольным фронтоном напоминают колонны классического храма. Ни дать, ни взять — деревянный Парфенон!

Из ларей рассол поступал в варницы — квадратный в плане сруб, перекрытый четырехскатной крышей с деревянной вытяжной трубой посередине. Внутри варницы — печь, над которой

подвешивался цирен — огромная (10×10 метров) металлическая сковорода-жаровня. В нейто и выпаривали соляной рассол. Над циреном расположены деревянные палаты для сушки соли.

Среди сооружений промыслов наиболее внушительное впечатление производят соляные амбары или, как их называли, соляные магазейны. В них хранили соль, добытую в течение года — до 100 тысяч пудов. Отсюда и большие размеры амбаров: ширина 16—18 метров, высота — от пола до конька крыши 15 метров, а длина — до 80 метров. Этот размер определялся длиной пермской ладьи, служившей для перевозки соли и имевшей в длину 40 сажен.

Амбары приближены к самой воде и поставлены на ряжи — бревенчатые клетки. Они служили не только фундаментом для амбара, но и предохраняли соль от попадания воды во время весеннего половодья. Под крайние клетки, со стороны реки, уложен сплошной бревенчатый настил из коротких бревен. Такая плита равномерно распределяет давление и придает зданию особую устойчивость.

На торцовых стенах амбара устроены балконы, поддерживаемые мощными выпусками бревен — консолей. По крутым, открытым лестницам, приставленным к этим балконам, поднимались рабочие. При помощи ворота они поднимали мешки с солью и загружали их через чердак. Амбар разделен на отдельные отсеки-закрома. При полной загрузке стены здания испытывали значительное давление и иногда делались двуслойными. В сохранившихся амбарах с двух сторон здания поставлены вертикальные брусья, стянутые между собой железными болтами. Они предохраняют стены от выпучивания.

Амбары относили к важнейшим городским зданиям. Так, соликамский летописец, перечисляя лучшие постройки, сгоревшие при пожаре, наряду с земской избой, таможней и церквями упоминает и соляные амбары.

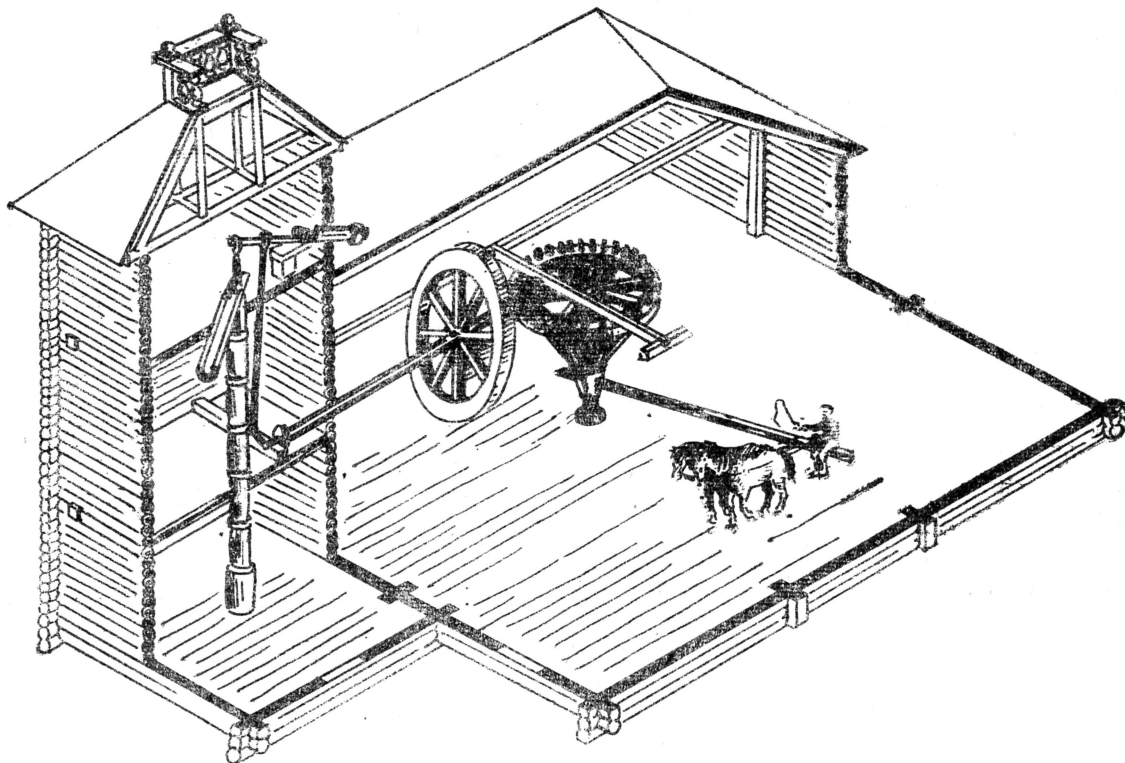
Кроме башен, варниц, ларей и амбаров сохранившийся заводской комплекс включает кузницы, жилые избы, бани, конюшни, мастерские, заводоуправление — всего более пятидесяти зданий. Хотя построены они все недавно, в XIX веке, но сохранили многие особенности своих предшественников — первых промышленных зданий Прикамья.

Весь уникальный заводской комплекс предполагается сохранить на месте — это уже готовый музей под открытым небом. Но одна технологическая ячейка завода — башня, ларь, варницы, амбар — перевозится в музей. Сюда же доставлены по Каме разобранные рассолоподъемная башня и соляная варница.

По проекту предполагалось также перевозить и ларь. Разобрать постройку — дело нехитрое, а вот как собрать пропитанные рассолом брусья,

Церковь в селе Пянтег Чердынского района

Рассолоподъемная башня в разрезе. Реконструкция

да и удастся ли их довести до музея в пригодном для сборки состоянии?

Такие вопросы задавал себе главный архитектор Пермских научно-реставрационных мастерских Генрих Лукиянович Кацко. После некоторых раздумий он предложил перевезти ларь целиком. Такое предложение сулило и некоторую экономическую выгоду: разборка и сборка такого памятника гораздо дороже его перевозки. Но, конечно, не экономические расчеты решили дело. Главное здесь — сохранить эффект подлинности, который мог исчезнуть после замены утраченных элементов стен.

Но одно дело выдвинуть такую идею и совсем другое — осуществить в натуре. Ведь ларь весит около 100 тонн и отстоит от берега на 300 метров. При помощи домкратов и систем блоков ларь подтащили к берегу и погрузили на баржу. В Хохловке все повторили, но в обратном порядке. Трактором затащили ларь на заранее подготовленные фундаменты.

Соляной ларь стал первым экспонатом промышленного сектора. Сейчас восстанавливаются остальные здания. После окончания работ по памятникам сользавода музей примет первых посетителей.

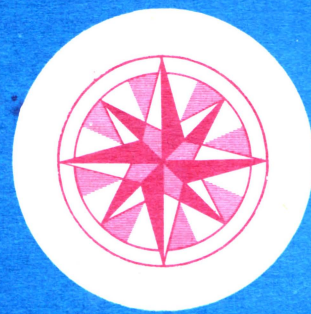
Пройдет несколько лет, и станет возможным путешествие в пермскую старину. Вместо уэссовской машины времени воспользуйтесь рейсовым автобусом. Час времени — и он доставит вас из центра Перми на Хохловский мыс (к тому времени он, наверное, обретет более звучное название). Пройдите мимо Пугачевской башни, поднимитесь на холм к деревянной колокольне. Оглянитесь окрест — деревянная страна перед вами. Видны крестьянские дома, на взгорке прилепилась ветряная мельница. К реке спустились соляные великаны — амбар, варницы, башни. Все это рублено сноровистым топором не только ушедших поколений. Добрую заботливую руку современника ощущаешь здесь на каждом шагу.

Возобновленное вчера откроет нам новые страницы в истории русской культуры. Эти страницы бесценны...

В тексте и на 1-й стр. вкладки фото А. Александрова, И. Арапова, С. Корепанова.

Оформление 1-й стр. вкладки. З. Баженовой.

ПЕРМСКИЙ АРХИТЕКТУРНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ОФОРТНЫ Наташи Домрачевой

ХУДОЖНИЦА

«КАЖДЫЙ РЕБЕНОК СТАНОВИТСЯ
ВЗРОСЛЫМ».

По мотивам и рисункам сказки
Антуана де Сент-Экзюпери
«Маленький принц».

КАРЛСОН.

О своей тематике, исключительно своих средствах выразительности в творчестве Наташи Домрачевой говорить, вероятно, рано: художник она еще молодой, не так давно закончила Свердловское художественное училище. Но что привлекает в ее работах — это во многом уже свое видение жизни. Рассказывает ли она языком графики о безудержном фантазере и добряке Карлсоне или Маленьком принце Сент-Экзю-

пери, — мы чувствуем озабоченность и лиризм главных героев, заостренную иронию некоторых сопутствующих персонажей. А вообще — радостное удивление, что мир так разнообразен, и хорошего в нем неизмеримо больше. Такое же ощущение и от гравюры совсем другого плана, почерпнутой в реальности наших будней, — «Студенческая осень».

Известный французский публи-

цист Жюль Ренар, остроумные фразы которого вошли в поговорки, как-то сказал: «Талант — это количество». Тут есть, конечно, спорность. Но думается, что любая творческая личность может сформироваться лишь при условии огромного труда и беззаветной преданности избранному пути.

У Наташи Домрачевой — хорошее начало.

Л. ГРИНЕВ

Портрет цветка

**Виктор
ГРЕБЕННИКОВ**

На вкладке рисунков
З. Баженовой,
фото автора

* Лесная лужица. На гладком иле, у самой воды и по-дальше — следы птиц, выпуклые нероглифы ползавших под самой поверхностью личинок насекомых, отпечатки лап — еж ночью приходил сюда на водопой. Здесь же, извилистыми красивыми цепочками, следы совсем уж крохотных существ: жуки бегали по илу.

Пока я разглядывал следы лесных обитателей у маленького водопоя, сам наследил изрядно: подошвы сапог, гигантских по сравнению с ежинными и птичьими лапами, тяжело и убедительно вмялись в сырой грунт. Заметен каждый гвоздик, каждая трещинка на подошве. Не утерпел, нагнулся и оставил в мягком иле отпечатки ладоней, и даже попытался (вспомнил детективные рассказы) изобразить пальцами «след» пещерного медведя. Только эта последняя «работа» получилась слишком уж грубой...

Но пора и назад. Бросил на лужицу последний взгляд — и вдруг заметил какое-то движение. Это выпрямилась травинка, высвободившаяся из ила, куда она была вдавлена сапогом. И я увидел аккуратный отпечаток стебля с зубчатым листом...

Подумалось: вот бы залить ямку гипсом! Ведь биологи коллекционируют следы животных, заполняя их гипсом. Получаются более или менее точные слепки лап. Но нигде я не читал о том, что так можно получать слепки растений.

Первые опыты с глиной и землей успеха не дали: растения прилипали к грунту. А такого ила, как тогда в лесу, найти так и не удалось. Пластилин! Попробовал — растения в нем давали четкие отпечатки. Но раздавливались зрелые ягоды и расплющивались нежные цветки. Выход был найден и тут. Пластилин сильно разогревался в лучах электрокамина, тщательно замешивался руками, из него быстро формировалась толстая «лепешка» — будущая форма для отливки. А чтобы выровнять поверхность «лепешки», на нее кладется лист бумаги, сверху книга, на которую с силой нажимаем рукой — и поверхность готова к работе.

Быстренько (чтобы не остыл пластилин) кладем растение, поверх него — бумагу или ткань, и снова, через доску же, с силой вдавливаем растение в мягкий пластилин. Уберем доску, бумагу или ткань, и за стебелек, чтобы не наделать лишних вмятин на форме — вытаскиваем растение.

Но как сделать, чтобы гипс вошел в самые тонкие канавки формы, оставленные былинками? Ведь пузырьки воздуха в гипсово-водной суспензии оставят после себя раковины, портящие изделие! «Выгонять» их кистью, пока не застыл гипс? Но кисть оставляет царапины.

Выход опять нашелся: нужно охладить пластилиновую форму с отпечатком растения в ванне или даже в холодильнике. Материал станет твердым.

Гипс быстро разводим в воде до состояния «сметаны». Затем акварельной кистью, обмакнутой в «сметану» и слегка потертой о кусок мыла, быстро «прокрашиваем» форму, стараясь вогнать суспензию в самые узкие ее канавки. Подольем еще немного гипса, потрясем форму руками, а доску, на которой она лежит, ударим снизу несколько раз молотком, — чтобы пузырьки воздуха всплыли. Теперь можно вылить и весь гипс — до самых бортиков формы, и, пока он жидкий, вставить проволочное ушко для подвески будущего рельефа.

Затвердевает гипс обычно за несколько минут. Отливки можно уже извлекать из формы. Чтобы при этом не сломались тонкие детали (изображения стеблей, тычинок, тонких листьев), пластилин нужно сделать снова мягким, то есть опять разогреть. Лучше всего всю форму вместе со слепком погрузить на несколько минут в теплую (если рельеф не очень высок) или горячую (если рельеф сложен, изобилует тонкими деталями) воду. Осторожно отворачивая размягченный пластилин, освобождаем слепок.

Этот момент самый волнующий и самый ответственный во всей процедуре. Под пластилином появляются выпуклые, точные, необычайно красивые белые стебли, листья, цветы, наконец, весь «двойник» растения, лежащего тут же, рядом...

...В обычных гербариях более всего страдают цветки — чернеют, ссыхаются и сплющиваются. Новый способ получения ботанических препаратов, возможно, в чем-то пополнил средства гербаризации, а художникам-флористам, особенно юным, доставит немало радостных минут. Не знаю, удастся ли мне самому выполнить все замыслы — создать серию декоративных пластин на «травяные» темы, пополнив коллекцию цветков сибирских медоносов, заложить гербарий галлов (особых наростов на растениях) — это очень много работы. Но уже более полусотни наиболее интересных экспонатов «ботанической глиптотеки» находятся в музеях СибНИИХИМа, Всероссийского института защиты растений и Главном Ботаническом саду Академии наук СССР.

Как все-таки хорошо, что упругая травинка, попавшая когда-то у лесной лужицы в след сапога, тут же выпросталась из ила и выпрямилась, оставив после себя столь замечательный отпечаток!

На холщовом поле

Олег
ПОСКРЕБЫШЕВ

Рисунки
М. Паукера

Я на возу катил росистым лугом,
А после — вдоль засеянных кулиг
И на одной развилке срезал угол,
По озими проехал напрямик.

Врубилась в зелень бледную копыта.
Осела в мякоть четверня колес.
И сколько же былиннок было сбито,
Как много корешков оборвалось!

Порой всю жизнь
Бездумно что-то носим,
Но лишь вспоминая
расстреножь —
И под копытами забьется озимь,
И под колесами заплачет рожь.

Прямых путей, решений,
Взглядов стрелы —
Я понял вдруг — тогда лишь хорошо,
Когда идут не сквозь живое тело,
Не через озимь чьей-нибудь души.

Заздравная

Пласт перевернутой плахою
Грузно ложится направо.
Пахарю,
Пахарю,
Пахарю,
Пахарю — слава!

Гордое летней рубахою,
Поле гудит величаво.
Пахарю,
Пахарю,
Пахарю,
Пахарю — слава!

Жернов рокошет и ахает,
Льется мука от постава.
Пахарю,
Пахарю,
Пахарю,
Пахарю — слава!

Старица

Она почти на нет иссохла,
Став глуше, пасмурней, темней.
Ей грудь насквозь резун-осока
Пронзила тысячью ножей.
Закрыли дно наплывы ила,
Затмили небо ивняки...
И думаешь — вольно же было
Ей отделиться от реки.

Возле льна и над излукой
Молодой ходил-мурлыкал:
— В поле елка зелена —
Далеко еще зима!

Дни бежали — стал постарше,
Но припевочка все та же:
— В поле елка зелена —
Далеко еще зима!

На висках снежок нетальей,
А ему и горя мало:
— В поле елка зелена —
Далеко еще зима!

Тешил все себя да нежил,
Жизнь прошла, а будто не жил:
— В поле елка зелена —
Далеко еще зима!

На холщовом поле да на белом
Колоски, ромашки, васильки.
Ах, какое платье ты надела —
В гости позовут из-за реки!

Так и станут изнывать у лодок
И аукать хором от воды.
Краше всех зареченских молодых,
Всех девчат заречных краше ты.

Оттого, что не страшишься дела,
И что руки-ласточки легки,
Не сама ль земля тебя одела
В колоски, ромашки, васильки?

да на белом...

За реку зовут, а ты не ездил,
Пусть прошепчет над водой камыш,
Что и в нашем золотом созвездьи
Ты не бледной свечкою горишь.

Не случайно, накупив гармоней,
Встав, чуть вечер, у своих оград,
Парни на тебя из-под ладони,
Жмурясь, как на солнышко, глядят.

Песня ложечника

Ах, ложки, вы, ложки,
Летуньи мои,
Как в шелковой роще
Щеглы-соловьи.
У ваших ли песен
Распев глуховат,
Но все-таки есть он,
Особенный лад!

Ах, ложки, вы, ложки,—
Удмуртских кровей —
В подмогу гармошке —
Ударьте бодрей;
Дуде-разливайке
Смягчите-ка вздох;
Вослед балалайке
Рассыпьте горох.

Ах, ложки, вы, ложки,—
Лазурь да желток.
На струганой ножке
Черпалка-цветок.
Возьму вас все вместе,
Сожму вас в горсти,
Заставлю вас в песне
Букетом цвести.

Ах, ложки, вы, ложки,
Пылайте в цвету,
Веселье умножьте,
Развейте беду.
Вам черпать досталось
Не кашу да щи,
А песни, и радость,
И свет для души.

От нищеты и бедности ушли.
С иным житьем сумели породниться.
Колесиками катятся нули,
Чтоб встать скорей
В затылок единицам.

В многоколесных цифрах —
Общий труд
И отблески большой рабочей славы.
Они по линиям страниц идут,
Как по путям тяжелые составы.

В них сыщешь все,
Чем каждый день богат,
Все,
Что зовется меж людьми достатком:
Уют в дому, одежда без заплат,
И суп с наваром, и чай внакладку.

Но и сегодня вовсе неспроста
Тревога бьет в свое глухое било,
Чтоб душу человеческую никогда
Колесами нулей не задавило.

Солнце в небо скачет
рыжей векшей.
Льется ткань холщовая ручья.
Под черемухой, вчера
отцветшей,
Лепестки, как рыба чешуя.

Птица веселей в кустах
щебечет,
У шмеля удвоенная прыть,
И, видать, решил с утра
кузнечик
Новой жостью крышу перекрыть.

И в себе я чувствую такое,
Будто снова начал жизнь свою:
Распрямяюсь под тяжестью любой
И беду веревочкой совою.

КОМЕНДОР ШУРА

**Павел
КОДОЧИГОВ**

*Рисунок
Н. Мооса*

В октябре сорок второго года Шура Пономарева закончила Кронштадтскую школу связи имени Попова и вместе с Зоей Нечаевой была направлена в 402-й ОЖДАД — отдельный железнодорожный артиллерийский дивизион 101-й морской железнодорожной артиллерийской бригады.

Командир дивизиона майор Гранин, коренастый, плотный человек, с большой окладистой бородой и живыми пронзительными глазами, принял комсомолок радушно, весело, как он умел это делать. Зоя Нечаева через пять минут стала телефонисткой. С Шурой же длинный разговор получился:

— Не понимаю, зачем вас ко мне направили? Нам электрики не нужны — у нас стотридцатимиллиметровые орудия, снаряды в них пневматикой досылаются, а не электричеством, как на больших калибрах. Вам в другой дивизион надо или на форт куда-нибудь... — Гранин замолчал, разглядывая стоящую перед ним девушку.

Среднего роста, коротко, по-мальчишечьи, подстриженная, она смотрела на него прямо и, пожалуй, несколько даже с вызовом. Полные губы решительно сжаты...

Шура Пономарева рано осталась без матери. Ее, старшего брата Михаила, служившего на Дальнем Востоке, оставшихся дома в Асбесте младших Алевтину и Гришку поднимал, ставил на ноги отец, и потому не была размазней Шура Пономарева, за жизнь держалась цепко и в подпорках не нуждалась. Мужчин тоже не боялась. На Асбестовском карьере, где она работала, были почти одни мужчины.

Еще до встречи с Гранинным Шура узнала, что электрики не нужны дивизиону, и поэтому слова командира дивизиона не были для нее неожиданными. Перед тем, как представиться командиру, Шура успела обежать расположение дивизиона, заглянуть во все его уголки, поговорить с артиллеристами, и очень уж ей в дивизионе понравилось. Ребята показали ей фотографию Гранина, найденную у убитого фрица. Весь в порыве, в азарте боя был снят на этой фотографии Гранин, с гранатами за поясом, с развевающейся на ветру бородой...

— Это финны его успели «шелкнуть». А знаешь, зачем? — тут ребята назвали такую сумму, назначенную за голову Гранина, что Шура ахнула.

...Гранин хмурился, обдумывал что-то и вскидывал на Шуру изучающие глаза.

— Хочешь остаться в дивизионе? Ах, понравилось у нас? Ладно, будешь хозяйкой дома, Шура Пономарева. Печки будешь топить, палубу драить и щи варить... и не смотри на меня исподлобья — это пока, там видно будет...

Всего сжидала Шура, но такого... Шутит, конечно, Гранин, а ей было не до смеха: написала Шура еще из Кронштадта Михаилу на Дальний Восток, написала и Гришке — в Асбест, что заканчивает учебу и едет в часть электриком, обслуживать морское орудие, а вместо этого...

Но смолчала Шура — с самим Гранинным все-таки разговаривала, а потом — не сразу и Москва строилась...

В январе сорок третьего, перед прорывом блокады, Гранин направил группу девчат из дивизиона на батареи, чтобы помогли артиллеристам подготовить снаряды, на

ПОНОМАРЕВА

постах вместо них постояли в горячее время, а нужно будет, так и обеды подготовили.

Шура попала на батарею капитан-лейтенанта Копейко, и определили ее зарядным в расчет сержанта Щеголова. Обязанности несложные: извлечь заряд из футляра и вставить в казенник. Заряд в шелковой оболочке, не рассыплешь, вот только крышку с железного футляра снимать неудобно. Если стрельба непродолжительная, еще куда ни шло, а двенадцатого января, когда дивизион выкуривал немцев из Шлиссельбурга и в последующие дни бил и бил по тылам противника, Шура все ногти пообломала, все казанки на пальцах сбила.

Жарко было в те дни и ночи, и весело, весело от того, что взяли Шлиссельбург, прорвали кольцо блокады, соединились с волховчанами. А может, и потому еще было весело артиллеристам, что впервые рядом с ними работала девушка, девушка сноровистая и собой ладная — один взгляд чего стоит, — и каждому хотелось показать свою удаль, отличиться перед ней, да над ней же и посмеяться. И посмеивались, особенно ночью, когда Шура с непривычки перед выстрелом вместо того, чтобы открыть рот и закрыть глаза, сжимала рот так, что белели губы, а глаза, наоборот, широко открывала, слепла от яркой вспышки, ощупью находила следующий заряд и ощупью же вытаскивала из футляра. Через неделю соединился Ленинград с Большой землей, и батареицы стали приводить орудия в порядок. И эта работа шла споро — приятно видеть свое орудие без единой пылинки, отлично вычищенным и смазанным, и еще приятнее восстанавливать на стволе яркие звезды и к старым пририсовывать новые, заслуженные в боях по прорыву блокады Ленинграда.

После январских боев Гранин отозвал девчат в дивизион, и Шура снова стала «хозяйкой дома». Не обременительное это дело, привычное, и относилась к нему Шура добросовестно, как привыкла выполнять любую работу. Однако сердце Шуры уже прикипело к батарее, она уже понюхала пороху и рвалась в расчет, стрелять хотелось Шууре, а не полы мыть. И как-то, после удачной стрельбы, воспользовавшись хорошим настроением командира дивизиона, Шура попросила перевести ее на батарею. Гранин по-новому, заинтересованно взглянул на нее:

— Вон что ты, хозяйка, надумала! Стрелять тебе самой хочется, жить ты без этого не можешь! А о том, что и по тебе стрелять будут, подумала? Нет, нет, не уговаривай — не женское это дело около орудий хлопотать, они ведь у нас тяжелые, морские, не сорокапятки какие-нибудь.

Отказал Гранин и был доволен собой — такие веские доводы привел, что ни словечка не возразила бойкая на язык Шура Пономарева. Но не тут-то было. Скоро перед ним предстали трое: Шура, Аня Втектина и Аня Бояринцева.

— Так, явление трех мушкетеров! И всех отпустить на батареи? Это ты, хозяйка, воду мутить? — обратился к Шууре и, не дождавшись ответа, пообещал, прищурясь на комсомолок: — Ладно, потешу я вас. Будет у вас пушка, будет, а сейчас идите — некогда мне.

Гранин сдержал слово, достал где-то платформу с венитным орудием, наверное, у какого-нибудь бронепоезда

выпросил, пригнал в дивизион, похлопал по обшарпанному стволу — видно, давно орудие было без дела — и изрек:

— Ваше! Приводите в порядок, осваивайте и стреляйте по самолетам, сколько душевныке угодно. Все! — ушел улыбочивый — отделался от настырных девчат.

Девчата тоже были вне себя от счастья. В их распоряжении пушка! Настоящая! Привели ее в божеский вид быстро, стрелять научились тоже быстро — рвались выпущенные девчатами снаряды на нужной высоте, как и положено рваться зенитным снарядам.

Как-то раз, когда в небе снова фашистские самолеты, неожиданно появился у нештатного расчета Гранин и шутливо скомандовал:

— А ну-ка, ткните один в землю!

Старались девчата, очень им хотелось сбить самолет на глазах командира дивизиона, но не удалось. Пугнуть, правда, пугнули: вильнули в сторону, ушли от греха подалее вражеские самолеты.

— Не научились еще стрелять, — жестко подвел итог Гранин, но посмотрел на расстроенных комсомолок и смягчился: — Ну вот, сразу в панику. Да, скажу я вам, настоящие зенитчики и то не каждый раз самолеты сбивают, а вы у нас все-таки самодеятельность. Пугать станете, и то хорошо.

На память об этом дне и об этой стрельбе осталась у Шуры Пономаревой фотография: Шура у прицела горизонтальной наводки, Аня Втехтина — у вертикальной. На обороте командир дивизиона написал: «Пономаревой Александре Михайловне, мечтающей сбить в одном бою до 40 самолетов противника». И подписался: «Ком. 402 ЖДАД майор Гранин». Повертел фотографию в руках и протянул начальнику штаба Рязнину:

— Распишись и ты.

Дождался, пока Рязнин выведет замысловатую подпись, и внизу, в правом уголке, сделал еще одну приписку: «Хозяйке дома!» — помни, мол, Шура Пономарева, что ты нужна в дивизионе, а не на батарее.

После прорыва блокады Ленинграду стало легче. Проложенная под огнем врага за восемнадцать дней тридцатитрехкилометровая железнодорожная магистраль, ледовая свайная переправа через Неву у Шлиссельбурга, несмотря на постоянные обстрелы, жила, и непрерывным потоком шли в город продовольствие, снаряжение, боеприпасы. Но враг лютовал. Город подвергался ожесточенным обстрелам. Свыше шестидесяти восьми тысяч снарядов выпустили по Ленинграду фашистские артиллеристы в сорок третьем году, почти половину того, что выпущено за все время блокады!

Основная тяжесть контрбатарейной борьбы, как и раньше, лежала на дивизионах морской железнодорожной артиллерийской бригады — их орудия могут достать самые удаленные батареи врага.

Шура еще несколько раз говорила с командиром дивизиона, потом написала официальный рапорт о переводе на батарею. Отказал — написала второй. И стала горизонтальным наводчиком на батарее капитан-лейтенанта Копейко.

Обучить комсомолку своей специальности взялся комендор Попов. Много часов провели они у штурвала горизонтальной наводки, пока Шура освоила работу с прицелом, азимутальным кругом, способы и методы ведения огня в дневное и ночное время, по закрытым и прямым целям, назубок выучила памятку горизонтального наводчика:

«Помни, что в ночное время, в туман, когда не видно точки наводки, орудие устанавливаешь по азимутальному кругу ты один...»

На средней дистанции стрельбы ошибка в твоей наводке только на одну тысячную дистанции дает отклонение падения снаряда на 15 метров...»

И настал ее день! Шура встала за штурвал. Волнова-

лась, конечно, но орудие на цель навела быстро, проверила риску указателя и доложила о готовности.

Несколькими снарядами, попавшими в расположение батареи противника, был вызван пожар. Батарея замолчала, а после стрельбы капитан-лейтенант Копейко перед строем объявил краснофлотцу комендору Пономаревой первую благодарность за точную наводку.

Вечером того же дня Шура настрочила два письма: младшему брату Гришке в Асбест и старшему — Михаилу — на Дальний Восток. Похвасталась, что она уже горизонтальный наводчик, комендор орудия и уже заставила молчать фашистскую батарею. Не она одна, конечно, стреляла вся батарея, но все равно...

Результат оказался неожиданным. Отец написал, что Гришка прибавил себе два года и удрал на фронт, а Михаил замолчал, надолго замолчал. Ответил после того, как Шура сделала запрос в часть. Ответил коротко и зло. Ты еще соплого, писал Михаил, а уже стреляешь по фашистам, а я в тылу околачиваюсь. Не трави меня больше, а то я не знаю, что наделаю...

Этой же осенью произошел с Шурой Пономаревой еще один памятный случай. Снова давили вражескую батарею и заставили ее замолчать. Расчет ушел на обед, а Шура осталась часовым у орудия.

Был полдень, припекало солнышко, и стоять на посту было одно удовольствие. За бортом платформы на земле валялся отсыревший заряд. Первый раз такое случилось — не выстрелило орудие, когда замковый дернул шнур. Заряд заменили новым, а отсыревший выкинули. Выкинули и забыли, и Шура заметила его случайно, от нечего делать. Пощупала — совсем сырой. «А если положить на ящик, может, подсохнет и еще сгодится?» — подумала хозяйственная Шура. Так и сделала и снова поднялась на платформу к орудью — вдруг телефон зазумерит?

На немецкой стороне раздался выстрел. «Что такое? Ожила батарея? Или это другая? Интересно, куда они нацелились?» Только успели промелькнуть эти мысли, как послышался свист приближающегося снаряда. «Перелет, — привычно отметила про себя Шура, — следующий — недолет, а там и вилка».

Шура бросилась к орудью, дослала в ствол снаряд, вставила в замок запал — одна в горячке за всех управлялась — и хотела было рвануть шнур, но овомнилась. Не имеет она права стрелять! Телефон! Спросить разрешение? Поздно! Связь перебит!

Вражеские артиллеристы пристреливались и вели огонь беглым, окружая орудие все улюгняющимся кольцом разрывов. Пока снаряды рвались рядом, но каждый следующий мог попасть в платформу. Тогда взорвутся снаряды на стеллажах, в погребках...

Если бы она имела право открыть огонь! Снаряды рядом, справилась бы одна, не часто бы, конечно, но давала сдачи!..

Еще раз метнулась к телефону. Молчит!

За спиной взметнулось к небу пламя, жаркая тугая волна швырнула Шуру на платформу.

Пришла в себя Шура лишь после того, как прибежали к орудью, растормошили ее ребята. Они и рассказали, что произошло, почему, так и не попав в орудие, немцы прекратили обстрел. Оказывается, спас Шуру, спас орудие тот самый отсыревший заряд, который Шура положила сушить. Попал в него раскаленный осколок и...

— Рвануло так, что пламя выше сосен выбросило, — рассказывали ребята. — Мы сначала думали, что каюк и тебе, и орудью, а потом смотрим — что-то не так, смотрим — целехонька платформа, ящики только горят... Ну, оклемалась маленько? Ран вроде нет, контузило если только...

Вечером батарейный радист рассказывал:

— Вот так, братья-славяне и друзья-артиллеристы, как передало фашистское радио, в результате прямого попадания на батарею капитан-лейтенанта Копейко взорвались снаряды, и она приказала долго жить. Как вам это нравится? Я лично не против такого «уничтожения»...

Поздняя осень стояла на земле, сырая и промозглая. Сыпал дождь вперемешку со снегом, ветер гонял по лужам осыпавшиеся с деревьев листья. К утру подмораживало, листья вмерзали в лед и блестели на нем медными пятнами.

Батарейку скопил грипп. Дело дошло до того, что стрельба некому стало. Капитан-лейтенант Копейко переформировал расчеты, попросил помощи у Гранина. Встал к орудию кок дядя Вася, Зоя Нечаева вместо командира расчета передавала команды с наблюдательного пункта, к орудиям были приписаны и другие телефонистки.

Шура несколько дней работала и за горизонтального и за вертикального наводчика. Несколько дней и ночей — началась переброска частей 2-й ударной армии на Ораниенбаумский плацдарм, нужно было обеспечить их прикрытия. Приходила в землянку изредка, утешала ребят:

— Лежите, поправляйтесь. Мы и за себя и за вас справляемся. Темп, конечно, не такой, но стреляем, — валились на койку и тут же проваливались в каменное забытие.

А дождь все лил и лил, мокрый снег валил на набухшую, отдающую прелью землю, и с каждым днем все неуютнее и тоскливее становилось на земле.

Уже многие стали поправляться, вновь встали к орудиям, уже погуще стало в расчетах и веселее пошло дело, и тут свалилась сама Шура: грипп сразу навалился высокой температурой, загнал ее в землянку.

Трое суток провалилась Шура в горячечном бреде и, начав поправляться, уже сама спрашивала ребят, как там дела на батарее, много ли людей в расчетах?

В канун сорок четвертого года газета морских артиллеристов «Залп Родины», подводя итоги актива девушек-бойцов, в передовой статье «Боевые подруги» писала:

«...В январе 1943 г. на одном из орудий наводчиком участвовала в бою комсомолка Анна Корчагина. Это было большой новостью. Первая девушка — комендор!

Тогда у многих других девушек зародилась в сердце мечта стать артиллеристами. И вот теперь мы знаем не одну девушку, овладевшую артиллерийским делом. Мурзина, Лисина, Втехтина, Пономарева, Черкасова. Они рядом с мужчинами стоят у боевых механизмов, беспощадным огнем уничтожают врага. Анна Втехтина награждена медалью «За отвагу», Мария Мурзина и Александра Пономарева удостоены медали «За боевые заслуги»...

Наступление наших войск под Ленинградом началось утром четырнадцатого января сорок четвертого года артиллерийской подготовкой с Ораниенбаумского плацдарма сконцентрированным ударом фортов и кораблей, береговой и полевой артиллерии. А пятнадцатого — с Пулковских высот.

Оглохшие от грохота расчеты, сбросив шинели и ватники, посылали по заранее пристрелянным целям снаряд за снарядом. Сто снарядов, три с лишним тысячи тонн взрывчатого металла обрушило на головы врагов только орудие, наводчиком на котором была Шура Пономарева!

Потом неожиданно наступила тишина, полная, абсолютная тишина. Смолкла наша артиллерия, молчали и орудия врага, и только буро-черная непроницаемая завеса поднятой в небо земли и пыли впереди, где был враг, напоминала об окончившейся артиллерийской подготовке.

Тишина угнетала, звенела в ушах, казалась нестерпимой. Артиллеристы оглядывались на стеллажи, ища снаряды. Снарядов не было, пусто на стеллажах, пусто в погребах. А что если оживут батареи врага, если засекли фашистские наблюдатели батарею? Расстреляют же, как миленьких!

Тяжело дыша, привалившись кто к чему, стояли у орудий беззащитные артиллеристы, пока не всколыхнул, не засветил улыбки на лицах истощенный крик радиста:

— Пехота пошла! Пошла пехота!

Вздохнули облегченно, понимающе переглянулись:

«Пошла, наконец-то, пошла вперед пехота!», а радист снова порадовал:

— Танки, танки пошли!

Прислушались — и в самом деле снова растекается по земле гул, пехота и танки начали крушить хваленый «неприступный Северный вал» фашистов.

— Пехота продвигается вперед! — подбодрил еще раз товарищей радист, и тут же раздалась привычная команда:

— Привести орудия в порядок!

Впереди были ожесточенные бои по изгнанию врага с ленинградской земли, на Карельском перешейке, штурм Кенигсберга, ликвидация Курляндской группировки врага. Впереди было восторженное письмо Гришки: «Служу в авиации, имею уже четыре ордена, а ты?» Известие о гибели Гришки было тоже впереди.

За массовый героизм, стойкость, высокую воинскую дисциплину, проявленную в боях за город Ленина, 101-я бригада в январе сорок четвертого года была преобразована в 1-ю гвардейскую морскую железнодорожную артиллерийскую бригаду, позднее бригада была удостоена ордена Красного Знамени, ей было присвоено наименование Красносельской. В составе этой бригады гвардии краснофлотец, комендор орудия Александра Михайловна Пономарева и прошла в годы Великой Отечественной от Ленинграда до Германии.

После демобилизации до выхода на пенсию, как и до войны, Александра Михайловна Пономарева-Лямина работала машинистом электровоза. Отлично работала и за это награждена медалью «За трудовое отличие».

Минувшим летом ездила Александра Михайловна с группой учащихся в Крымскую область на уборку урожая фруктов. Вот строки из ее письма:

«Работали мы здорово! Ребятишки наши получили даже Почетную грамоту, которая будет красоваться в четвертой школе Асбеста. В общем, съездили очень хорошо. Правда, 35-градусная жара кое-кого поджарила, а мне, как самой старшей, досталось больше всех, но поездкой я осталась довольна и жару перенесла претолчно...

Нас, как особо отличившихся, возили в Севастополь, показывали все достопримечательности города-героя. Были мы и на Сапун-горе. Там стоит 130-миллиметровое орудие, точно такое же, какое было у нас в расчете, и тоже снятое с затопленного корабля. Оно установлено как памятник. Стояла около него и плакала — как будто молодость ко мне вернулась, как будто я снова комендор. Погладила орудие и будто что-то осталось там, на Сапун-горе...»

Она по-прежнему в строю, комсомолка тридцатых, коммунистка сороковых, одна из немногих девушек-комендоров Краснознаменного Балтийского флота в годы Великой Отечественной войны — Александра Михайловна Пономарева-Лямина.

ФОНАРИК

Рассказ

Леонид
ФРОЛОВ

Рисунки
Н. Мооса

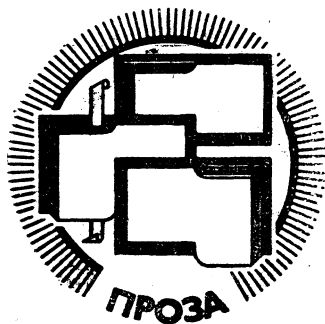
Вечерами у клуба играли в волейбол. Мелюзгу к площадке и близко не подпускали. Вовка заранее смирялся с этим и устраивался в судьи: ему, хочешь не хочешь, приходилось торчать у волейбольной площадки. Заведующий клубом жил у них на квартире, и Вовка был у него как бы негласным помощником. Мало ли, придут колхозные механизаторы подвыпивши, разгорячатся в игре да и упнут мяч в крапиву. Никому за ним бежать неохота, а тут как раз киномеханик начнет зазывать ребят в клуб — и ринутся парни за билетами. А Вовка весь клубный инвентарь должен собрать и сдать Геннадию Ивановичу, заведующему, в полном наличии и сохранности.

Теперь же, к грибной поре, понаехало в Полежаево отпускников и студентов, и каждому охота перед земляками похвастаться, какие он «свечи» научился тушить и какие «гвозди» может забивать вдоль сетки. Школьникам на волейбольную площадку и соваться нечего — в спину вытолкают:

— Помирать разве раньше времени собираешься? Толик Неганов припечатает мячом, так от тебя одно мокрое место останется...

Толик Неганов ходил по площадке пружинистым шагом. Мяч он держал в ладони над головой, как сосуд с водой, — небрежно, но ни капли не выплеснется. Поговаривали, что у него по волейболу первый разряд. Да оно и без всяких удостоверений видно — классный игрок.

Вовка только за ним и следил: как Толик при-

нимал мяч, как выходил на подачу, как разыгрывал пасовку и как посылал через сетку гвоздевой мяч, который никто не мог взять.

— Вот это студент, — восхищенно вздыхала глазающая толпа, и Вовка тоже не мог удержаться от зависти:

— Ух ты! — шептал он и объявлял счет.

Одно ему не нравилось, что Толик Неганов слегка ухаживал за Шурой Лешуковой, колхозным агрономом, и Шура на его заигрывания отвечала веселым смехом. А вот уж смеяться-то ей бы не следовало. Вовка знал, что Шура встречалась с его квартирантом, и у Геннадия Ивановича были на ее счет самые серьезные намерения.

Конечно, Неганов без пяти минут инженер и отец у него не простой колхозник — директор школы, но любовь-то выше всего! Разве Неганов будет Шуру любить так, как Геннадий Иванович.

Вовка сидел на табуретке, вынесенной из клуба, и отмахивался от комаров. А комаров была тьма-тьмушая.

Темнело, и подступала прохлада. Трава помягчала от росы. Мяч намок, и удары по нему раздавались, как выстрелы.

Народу уже набился полный клуб, но председатель колхоза не разрешал начинать сеанс, пока не придут с фермы доярки.

— Мы, понимаешь ли, должны обслуживать не отпускников, а тружеников, — говорил он.

И люди высыпали на улицу, чтобы не сидеть в духоте.

Заведующая почтой, Мария Флегонтовна, пошла к волейбольной площадке и, разглядев в темноте играющих, позвала:

— Шура, милая, а я с ног сбилась, тебя ищу.

— Ой, Мария Флегонтовна, немножечко погоди, — задыхаясь, отозвалась Шура Лешукова. — Сейчас заканчиваем.

— Шурочка, держите, — Толик Неганов послал ей мягкий пас и отскочил к сетке, чуть не наступив Вовке на ногу.

Шура приняла мяч и подала его назад Толику.

Толик, изогнувшись, подпрыгнул, и пушечный залп прорвал тишину.

Вовка кошачьим зрением увидел, что мяч лег по эту сторону бровки, и объявил счет:

— Четырнадцать — семь.

Но в это же самое время Вовка успел заметить, что в прыжке у Толика вывалился из кармана не то портсигар, не то бумажник.

— Шурочка, — опять позвала Мария Флегонтовна, ничего не понимающая в игре. — Ты распишись у меня только да получи. Я приготовила тебе без сдачи.

— Чего получать-то, Мария Флегонтовна? — не вникая в смысл ее слов, переспросила Шура.

— Да деньги.

Вовка босой ногой потрогал, что выпало из

кармана Толика. Нет, не бумажник и не портсигар. Ногу холодило металлом, и Вовка сразу догадался, что это «жучок», электрический фонарик. Он не раз видел после кино, как Негановы всем семейством отправлялись домой. Толик жужжал динамиком и направлял луч под ноги отцу, Николаю Павловичу, который шел первым.

В полежаевском магазине фонарики не переводились, но вот с батарейками были вечные перебои. И обзавестись «жучком» мечтали не только мальчишки, но и взрослые. Поэтому у Вовки даже ногу свело судорогой. И он, замирая, метнул взгляд в сторону Толика.

Толик пружинисто передвигался по волейбольной площадке, всякий раз успевая переместиться туда, куда летел мяч. Он, наверно, и один обыграл бы целую команду.

— Толик, ты потерял... — у Вовки пересохло во рту от этих слов и голос стал сиплым. — Толик, у тебя из кармана выпало...

Толик носился по площадке, как ветер, и Вовку, конечно, не слышал.

— Шурочка, миленькая, один только пас, всего один, — умолял Толик Шуру и, когда она подала «аккуратную свечку», он резким ударом направил мяч вдоль сетки и, разумеется, никто не смог отразить его атаки.

— Вы, Шурочка, умница, — ликовал Толик. — Дайте я поцелую вам ручку.

И Шура, хохоча, подала ему руку. Ну, это уж слишком!

Вовка от возмущения забыл объявить счет. Но все уже и без него знали, что игра закончилась, и столпились вокруг Неганова.

— Шурочка, — не терпелось Марии Флегонтовне. — Не отказывайся от богатства. Деньги прямо в руки плывут, а она отворачивается.

— Какие деньги? — засмеялась Шура. — Я зарплату в колхозной кассе получаю, а не на почте.

— Из редакции тебе гонорар. Рубль восемьдесят четыре.

Вовка, забывшись, наступил на фонарик и, как от ожога, отдернул ногу. «Жучок» лежал у бровки, обозначающей границу волейбольной площадки.

«Сам хватится потери, — подумал про Толика Вовка. — Буду я еще ухаживать за ним, за маленьким сынком», — и он демонстративно отошел в сторону.

И волейболисты, и те, кто глазел на игру, обступили Шуру, заподначивали ее:

— Давай, пока магазин не закрыт, беги за маленькой.

— Не хватит, мы добавим.

— И когда это ты успела в корреспондентки записаться.

— Ну, с тобой ухо надо держать остро.

Шура хохотала, принимая из рук Марии Флегонтовны рубль с мелочью:

— Да ну вас, ребята.

— Нет, поделись опытом, и мы в корреспонденты пойдем.

Шура, оправдываясь, вспомнила, что еще во время посевной в контору колхоза позвонили из редакции и стали выпытывать у нее, как работают механизаторы.

— Фамилии по три раза переспросили, — смеялась она. — А потом поинтересовались, с кем разговаривали. Ну, Лешукова, говорю, агроном. На следующий день глядь в газете — «Вести с полей». И подпись — А. Лешукова, агроном колхоза имени Жданова.

— Дивно так денежки зарабатывать, — сказала Надя Микулина. — Меня бы спросили, так сразу на тысячу натарабанила. Ты, Шура, не могла, что ли, больше, чем на рубль восемьдесят наговорить? И зачем только в техникуме учили?

Батюшки, оказывается, доярки явились — не запылились. Вовка только теперь заметил, что около Нади Микулиной и другие крутятся — и Зойка Дресвянина пришла, и Маня Абрамова, и Нюрка Прядина, и Оля Теплякова.

Наде-то Микулиной можно бы и не ходить в кино. Вот подожди, в школу Митька пойдет, так кого в няньки посадишь.

И все же Вовка спросил у Нади про сына:

— Митька-то чего делает?

— А с Николаем водится... — и, как перед большим, оправдалась. — Нас тут председатель премировать ладится, так уговорила и вечером посидеть.

Председатель уже сам созывал людей в клуб. Вовка утащил Геннадия Ивановичу табурет-

ку, сдал мяч и не стал оставаться в кино, хотя его пускали, как помощника заведующего клубом, без билетов.

Ему не терпелось взглянуть, подобрал ли Толик Неганов свой «жучок». «Вы, Шурочка, умница, — передразнивал Вовка Неганова. — Дайте я поцелую вам ручку». Нахалюга несчастный...

Ночь уже вызвездилась, и все чаще стали падать над полем звезды, перечеркивая небо желтым огнем.

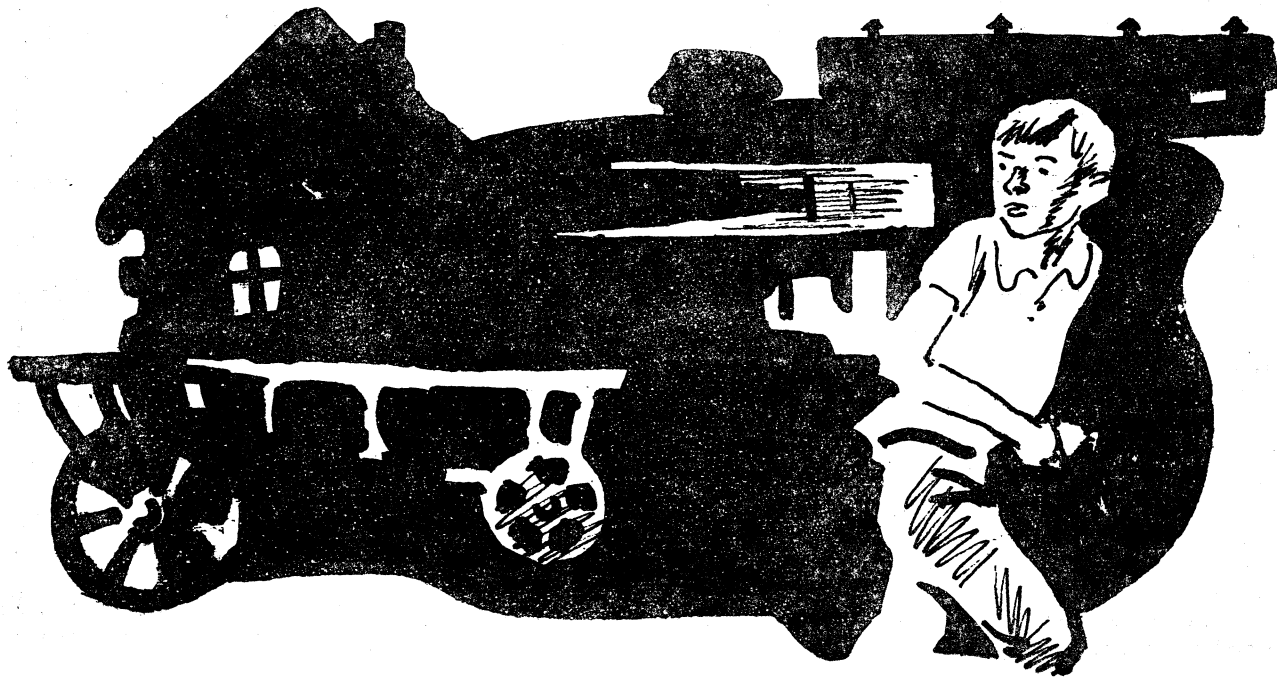
Вовка, переступая с ноги на ногу, оглянулся. Поблизости никого не было. Из окон клуба ложились на землю яркие прямоугольники света, и от этого на улице казалось темнее.

Вовка, делая вид, что прогуливается, неторопливо двинулся к волейбольной площадке.

Фонарик лежал на прежнем месте.

«Что с возу упало, то пропало», — подумал Вовка и, стремительно нагнувшись, спрятал фонарик под рубаху. Металл ожег живот холодом, и Вовка нахмурился. Стоит ли брать фонарик?.. Но тут же мысль о ненавистном ему ухаживании Толика за Шурочкой все затмила. Пусть ищет Неганов свою игрушку. В другой раз не будет прыгать козлом перед чужими девочками.

Он выскочил за угол клуба, достал фонарик, но по дороге кто-то шел, разговаривая, и Вовка сиганул через крапиву к конюшне. Он зашел в пахнущее свежей травой и конским потом застывшее тепло и нетерпеливо нажал на ручку динамика. Фонарик уркнул, радужный круг света вспышкой лег на запорошенную сеной сухой землю и медленно растворился в темноте. Вовка нажал на ручку снова, потом еще раз, бы-

стро напал на самый экономный ритм работы динамика и, ликуя, высвечивал все подряд: сложенные друга на друга сани с вывернутыми оглоблями, телеги, бочонок с дегтем, мыльничек, в котором конюх разносит лошадям корм, колоду с водой, крутую лестницу на сеновал и под ней сбрую, вывешенную на деревянных гвоздях.

— Эй, кто там? — раздался из темноты хриплый голос.

Вовка перестал жужжать фонариком и затих.

— Ты, что ли, Анатолий?

Ну, конечно же, в Полежаеве Толика Неганова узнают по фонарику за три версты.

— Ты чего тут делаешь? Не один, что ли, пришел?

Вовка сжался. Глаза у него еще не освоились с темнотой, и он начал пятиться наугад, по памяти. Из ограды выскочил, как ошпаренный, и, не чуя ног, дал стрекача от греха подальше.

Деревня как вымерла. Светился окнами один только клуб, да под горой маячила огоньками изба Микулиных. «Митька с братом сидит», — и ноги сами свернули под гору — передохнуть некогда.

Отдыхался он уже на крыльце у Митьки. Погони, кажется, не было.

В избе Микулиных ревел ребенок. С улицы было слышно, как он надрывался и как Митька раскачивал скрипучую зыбку.

Вовка распахнул дверь и от порога похвастал фонариком:

— Видал?

— Неганова, — разочарованно протянул Митька.

— Мой! — сказал Вовка напористо и, несколько раз нажав на ручку, навел свет на Николая. Никола сразу затих.

— Ну да, твой... — не поверил Митька.

Пришлось рассказать все как было.

— Отберут, — сочувствуя, заключил Митька и тяжело вздохнул.

— Как бы не так... Что с возу упало, то пропало.

Но Вовка говорил это взадир, чтобы хоть сегодняшней вечер чувствовать себя полноправным хозяином фонарика.

— У Николая Павловича не пропадет, — сказал Митька.

Вот в этом-то и была заковыка. Будь Толик Неганов не директорский сын, фонарик можно бы и зажилить: нашел и нашел, не раскрывай рот, не теряй. И это было бы хорошей мезью за заигрыванья с Шурой. Но с Николаем Павловичем спорить не будешь: скажет отдай — и отдашь.

Да Вовка и сам понимал, что было бы странным, если б он не вернул чужой «жучок». А Митька все убеждал его:

— Зачем он тебе? Греха ведь не оберешься... Отдай обратно.

— Ладно, не плачь, — сказал Вовка и, не прощавшись, побежал домой. Дорогой разобрало его нетерпение, опять зажужжал фонариком.

— Анатолий, ты? — остановил его хриплый бас.

— Нет, это я, — растерянно сказал Вовка. Ему бы промолчать, а он, раз-з-з-з-з, отозвался.

— А-а, Вовка, — проговорил в темноте незнакомец, и Вовка совсем сник, теперь и бежать бесполезно. — А я по фонарику-то смотрю, вроде Неганов. Хотел попросить, чтобы осветил мне. В Доброумово к товарищу ездил на именины да попростыл немного. Слышишь, хриплю?

Вовка только теперь признал в незнакомце Васю, сельповского возчика.

— Ты чего меня испугался-то?

— Ничего я не испугался.

— Ну, не ска-а-жи-и. Я позвал, а ты свет потушил да деру. Не испугался... Ну, ладно... Я ведь только выпрягся, полез на сеновал в кормушку сена спустить, а тут чую: вжик да вжик. Думал, Анатолий, таких-то фонариков ни у кого другого нету.

Вовку насторожило это многократное упоминание Анатолия, но Вася больше ничего не сказал.

— Ну, до свиданья, товарищ Воронин, — по фамилии почему-то Вовку назвал и руку подал.

Вовка побежал домой совсем расстроенный.

С утра уже все Полежаево знало, что Толик Неганов потерял фонарик.

Вовка не выходил из избы. Завалился в кровать с «Приключениями Тома Сойера» и пролежал до обеда, листая измусоленные страницы. Читать ему совсем не хотелось, не спеша разглядывал картинки. Раньше на них и внимания не обращал, вопьется глазами в строчки и не отрываясь. А, оказывается, и на картинки можно долго смотреть.

В полдень пришел Геннадий Иванович, квартирант.

— Ну, сегодня все с ума посходили. Фонарик ищут. Ребята вон с Большой-то Медведицы и то прибежали, а ты чего, Вовка, лежишь?

— Да ну! — скорчил Вовка гримасу. — Очень мне надо!

— Толик весь свой маршрут за вчерашний день вспомнил, обошли кругом — ничего нет. Не иначе, на волейбольной площадке выронил.

— Что с воза упало, то пропало, — сказал Вовка.

— Чего-чего?

— Я говорю, что с воза упало, то пропало... Нашел кто-нибудь...

Геннадий Иванович пристально посмотрел на Вовку.

— Во-о-овк, — сказал он прищурившись. — А ты, случаем, не знаешь ли, кто фонарик нашел? Ты ведь в судьях сидел, вся игра на твоих глазах...

Вовка покраснел и, чтобы Геннадий Иванович ничего не заметил, отвернулся к окну.

— Я за мячом следил, а не за негановским фонариком, — сказал он насупленно и, набравшись смелости, посмотрел Геннадию Ивановичу в лицо. — Очень мне надо за маменькиным сынком смотреть. Я к нему в прислуги не нанимался... Пусть сам за собой следит. Тоже мне фон-барон выискался. Шишка на ровном месте...

— Да ладно, ладно тебе, — успокоил его Геннадий Иванович. — Я ведь просто к слову спросил. Не видел, так и не видел. Чего обижаться...

К слову спросил... Как бы не так! Вовка насмешливо скривил губы.

— Понимаешь, в чем дело, — признался Геннадий Иванович. — У меня, конечно, насчет тебя никаких сомнений нет: судье по сторонам глазеть некогда, за мячом уследить бы. Но Толик очень просил: узнай, говорит, на всякий случай, может, Вовка видел, кто подобрал «жучок».

— Уж не на меня ли он думает? — восторженно воскликнул Вовка и почувствовал, как у него пересохло во рту.

Геннадий Иванович замялся, и Вовка, переборов испуг, перешел в наступление:

— Пусть тогда с обыском приходит, — гордо заявил он. — Вот уж я ему в бестыжие-то глаза наплюю, и не отмыться будет всю жизнь.

— Да ты, Вовка, не заводись, — примиряюще сказал Геннадий Иванович. — Он ведь не обвиняет тебя ни в чем, он только спрашивает.

— Знаю я, как он спрашивает, фон-барон, хвостун несчастный.

— Ну-ну, поехал, — засмеялся Геннадий Иванович. — Тебе и сказать ничего нельзя...

Геннадий Иванович ушел на работу, а у Вовки совсем испортилось настроение. Ну-ка, надо же было разыграть перед Геннадием Ивановичем такую сцену. Откуда только и нахальство бралось? Вот уж позора не оберешься, если станет известно, что фонарик и в самом деле у Вовки. И чем больше распалял он себя укорами, тем отчетливей понимал, что «жучок» надо возвращать, не затягивая: это же настоящая пытка — владеть фонариком и делать вид, что и знать не знаешь, куда он запропастился.

А как возвращать? После разговора с Геннадием Ивановичем сделать это стало еще труднее. Вовка знал, что Геннадий Иванович при встрече с Негановым первым делом заявит: «Нет, Толик, ты на Вовку не грехи: уж мне-то бы он признался... У нас с ним секретов нету».

Но вернуть фонарик надо. И Вовка прокручивал в голове всевозможные варианты, все больше склоняясь к тому, что «жучок» легче всего подбросить.

Сначала он думал подбросить фонарик на прежнее место на волейбольной площадке. Люди поймут, конечно, что фонарик подброси-

ли: площадку миллион раз за сегодняшний день облазили. Но это ладно. А если кто-то еще позарится на фонарик? Подберет, упрячет, а Вася-сельповский проговорится, скажет, у Вовки видел... Вовку пот прошибало от таких раздумий. И все-таки у него родилась подходящая мысль — засунуть фонарик Николаю Павловичу в пиджак. Вовка знал, что пиджак, в котором директор школы управляется по хозяйству, часто висит на гвоздике в прихожей. Однако без причины идти в дом к Негановым рискованно, а причины никакой не было. Оставалось пробраться незамеченным.

Вовка выскочил на улицу, ощущая в кармане холодящую тяжесть фонарика. По его расчетам, Негановы сейчас собрались за столом, обедали.

Ну, так и есть. Неганиха пронесла из ограды дымящийся самовар. Лучшего момента и не придумать.

Но поселил же черт директора школы рядом с магазином. Кто-нибудь да торчит на улице: то из магазина, то в магазин.

Вовка собрался с духом и пошел мимо магазина в открытую — покупателей не переждешь.

И надо же, Вася-сельповский на крыльце появился, пальчиком Вовку к себе подозвал.

— Горит по деревне-то, товарищ Воронин. Вовка с перепугу не понял, что горит, заоглядывался.

— Да нет, — засмеялся Вася, — дыму не видно, а фонарик ищут.

— Уже нашли, — соврал Вовка.

— Ну да, — не поверил Вася, — а карман-то у тебя чем оттянуло?

— У меня другой.

— Ты вот что, парень, — сказал Вася серьезно. — Тебе это баловство ни к чему. Доставай фонарик сюда.

Вовка совсем растерялся.

— Доставай, доставай, — Вася сам направил Вовкину руку в карман, и едва фонарик вынырнул на свет, как сразу же перекочевал к Васе в пиджак. — Ну вот, и не было у тебя ничего.

Вовка, не мигая, смотрел на Васю и ничего не мог сообразить.

— Ну, чего гляделки вылупил, дурачок? — сказал Вася ласково. — На, возьми себе рубль на конфетки.

Вот уж такого разворота Вовка не ожидал.

— Да что вы, дядя Вася... Я же отдать хотел...

— Вот и отдал, — сказал Вася, хихикнув. — Бери, бери конфет-то, пока магазин не закрыли.

Вовка бы ни за что до такой низости не опустился, не стал бы ничего покупать на омерзительную рублевку, но продавец вышел закрывать магазин на перерыв.

— Аркадий Ильич, — сказал Вася, — тут малец к тебе за конфетками прибежал. Уважь его.

Пришлось Вовке язык проглотить и молча войти за продавцом в магазин.

— Ну, каких тебе? — спросил Аркадий Ильич.

— Да хоть каких.

— Дешевых или дорогих? — не унимался Аркадий Ильич.

— Дорогих, — отчаянно крикнул Вовка.

— Правильно. Гулять, так с музыкой, — засмеялся подошедший Вася и похлопал Вовку по спине. Вовка поежился и сник. Поплелся к другу, к Митьке.

Митька был непреклонен:

— Да ты что? — возмутился он. — Тебя же купили за конфеты!

— Он рубль сунул, продавцу сказал.

— А ты верни обратно. Верни конфеты. Пусть сам жрет. Скажи, не продаю.

— Да я уже две конфеты съел.

— А ты все равно верни.

— Да конфет-то он не отдаст...

Это верно. Фонарик у Васи теперь не выйдешь. Другой бы кто, может, и почувствовал, а Вася-сельповский не из таких. Для него полежаевцы не свои, совеститься их нечего. Он всю жизнь по вербовкам проездил, а попал в Доброумовский лесопункт да и познакомился с Катей-Маланей. Теперь уж третий год живет у нее в примаках, а в Полежаеве все как чужой. За товарами съездит в район, и полдня свободен. А нет, чтобы в поле выйти и пособить колхозу — и не подумает.

С ним не знаешь в разговоре, с какого боку и подступиться. Теперь как хочешь, Вовка, крутись. Было плохо, стало еще хуже.

— Ты его припугни: мол, Неганову скажу, — посоветовал Митька.

Но в одиночку идти за фонариком у Вовки не хватало духу. Пришлось дожидаться, когда вернется с фермы Митькина мать и Митька будет свободен от брата.

— Ну что вы, ребята, — сказал Вася. — У меня зубы не терпят сладкого. Я конфеты и в рот не беру.

— Дядя Вася, я Неганову скажу, — выбросил Вовка последний козырь.

Вася осуждающе покачал головой:

— Вот дурачок. Его же спасают, а он никак не хочет понять. Ну, скажи Неганову. Я ведь у него не украл, — Вася строго посмотрел на ребят и поправился. — Не я у него украл.

Митя аж подскочил:

— Вовка тоже не воровал!

— Ну, я и не обвиняю его, потому что не знаю. Я только хочу сказать, что купил у Воронина за рублевку, что я не украл.

— Дядя Вася, так вот же конфеты... Я же принес их... Я только две штуки съел...

— Вот видишь, и съел к тому же, — сказал Вася укоряюще. — Нет, я назад не размениваюсь. Мне фонарик был нужен, я и купил.

— Так он же негановский!

— Ну, был негановский когда-то, а теперь мой. Мне он, ребята, по работе необходим. Я в разъездах бываю, мало ли где посветить требуется. Без фонарика я как без рук.

Уговаривать его было бессмысленно.

— Вы вот что, молодые люди, — сказал Вася. — Вы о том не беспокойтесь, что я вас выдам. Сами будете молчать, так никто не узнает. Мне ведь с фонариком не в кино ходить, для поездок мне — в Полежаеве не увидят.

— Ну, дядя Вася, — сказал угрожающе Митька.

— А чего «дядя Вася», — развел Вася руками. — Дядя Вася купил хорошую вещь. Спасибо, что продали.

— Ну, и хапуга вы, — Митька весь покраснел.

— Ругайтесь, ругайтесь, меня не убудет. Только не проговоритесь где-нибудь, себе хуже наделаете.

Вовка уловил в его голосе беспокойство и, помедлив, сказал:

— Можно и проговориться... Нашел я этот фонарик, на волейбольной площадке нашел... Понимаете?

— Ну и чего? Ты нашел, я купил. Вот и весь разговор.

— Как же, купили вы... Не купили, а отобрали. Думаете, маленький я, так мне не поверят? А я все расскажу, как было. Я не придумываю, я...

— Но Аркадий-то Ильич подтвердит, — остановил его Вася. — Не я покупал конфеты...

Митька швырнул кулек на стол — конфеты рассыпались. Самые вкусные — «Мишка на Севере». Сто пятьдесят граммов без двух конфет.

— Подавитесь вы ими! Очень они нам нужны! — Митька схватил Вовку за руку, но Вася остановил их:

— Нет, молодые люди, кончать дело ссорой я не хочу. Если уж вы такие неблагодарные, обозвали меня и хапугой, и бог знает, чего обо мне подумали, давайте останемся при своих интересах. Я продам вам фонарик. Только уберите, пожалуйста, конфеты: я не люблю сладкого.

Вовка, не веря своим ушам, сгреб конфеты в кулек.

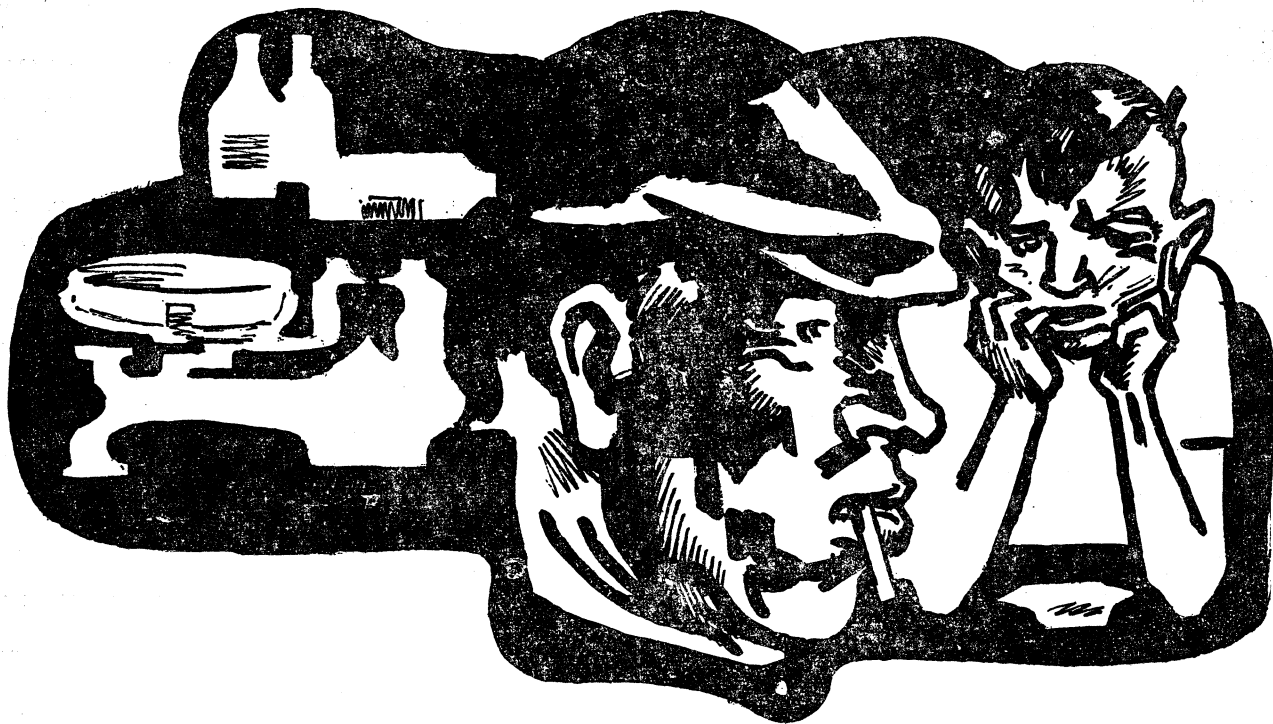
Вася посмеивался.

— Три рубля — и весь разговор, — предложил он спокойно. — Ну, как! Согласны?

Он, конечно, знал, что денег у них ни у которого нет. Да еще таких денег!

— Это же нечестно, — упавшим голосом проговорил Митька.

— Но я же вас не заставляю. Хотите — берите, хотите — нет. Закон рынка. Так сказать, на

добровольных началах. Ну, как? По рукам? — и, радуясь замешательству ребят, снова развел руками. — Ну, как хотите. Было бы предложено. Если надумаете — жду. А Неганову, впрочем, так и можете передать: готов вернуть в любую минуту. За соответствующую плату, естественно. Несолоно хлебавши, оставили ребята Васин дом.

И все-таки Вовке ударила в голову счастливая мысль. Ну, как он сразу-то не сообразил? На этом можно разбогатеть. А уж на три-то рубля он сумеет по телефону наговорить. Наговорила же Шура Лешукова на рубль восемьдесят четыре... Ну, а если Вовка один не сможет, так Митька на рублевку да подскажет. Вдвоем-то на трешник, глядишь, и вытянут.

Вот только о чем говорить...

Они несколько дней шушукались с Митькой. Ничего подходящего не могли придумать. А дело-то было стоящее, только бы знать, о чем говорить...

Вася-сельповский за это время не раз попался ребятам навстречу:

— Ну, молодые люди, когда придете ко мне за покупкой? — спрашивал весело, и ухмылочка не сползала с его лица. — Только теперь уж, может, и ни к чему? Шум улегся, смирились с пропажей Негановы. Но если надумаете... — Вася делал рукой приглашающий жест.

Ребята торжествующе переглядывались: по-

дожди, придет час... А Вася, подозревая их в чем-то, насмешливо поучал:

— У мамок тянуть не вздумайте. Мамки дерутся больно, — и на всякий случай предупреждал. — Я ведь поинтересуюсь у них, откуда деньги возьмете.

Ну, не на таковских напал! Все Полежаево будет знать, откуда к ним деньги приплывут. Тогда посмотрим, что запоешь...

Но вот задача! Шура Лешукова — позвонили ей — с ходу наговорила, а они битых четыре дня советовались между собой и не могли выбрать подходящего варианта.

— Давай о пионерском сборе расскажем, — предлагал Вовка.

— О каком?

— Ну, на котором сказки читали... Помнишь, как всем понравилось?

— Так это же когда было... Зимой еще... А в газету надо про сегодняшний день.

— Ну, тогда... как грибы собираем.

— А как?

Действительно, как? Тут и на десять копеек не наберется слов. Сходили в лес, принесли по корзине — и рассказывать не о чем.

И все-таки у Вовки светлая голова! Прибежал вечером к Митьке.

— Придумал!

Митька и верить ему боялся. Сколько уж всего перебрали, и оказывалось зря. А тут все же заволновался, потому что таким уверенным Вовка еще не видел.

— Мы про твою маму расскажем! Что она хорошо работает... Что председатель колхоза вручил ей премию...

— Так не только ей.

— А мы и другие фамилии назовем. Ты только узнай у нее, по сколько литров она надоила от каждой коровы... Без цифр они с нами и разговаривать не будут. Достанешь цифры?

— Достану.

— Ну, то-то же... А я уж в школе окно приготовил, обе задвижки открыл.

— А если учительская на замке? Телефон-то в учительской...

— Ты что? Как с луны свалился. Они же ключ над косяком прячут. Табуретку придвинул — и все. С приветом.

И Вовка, довольный, понесся домой. Дело было уже почти в шляпе.

В школе остро пахло свежей краской. Митька хорошо, он остался стоять у угла на карауле, а Вовка, изо всех сил сдерживая себя, чтобы не чихнуть, пробирался в учительский кабинет. Ноги липли к покрашенным, еще не совсем просохшим половицам.

Вовка снял телефонную трубку и чуть не вздрогнул от резкого голоса, резанувшего по уху:

— Пятый!

Он испуганно положил трубку назад. Какой пятый? Потом догадался, что это телефонистка на станции назвала свой номер, и снова взял трубку.

— Пятый.

— Дайте редакцию, — неуверенно попросил Вовка, и вот уж другой женский голос устало проговорил:

— Слушаю вас! Антипова.

Вовка немного замешкался, и женщина раздраженно поторопила:

— Слушаю вас! Что вы молчите?

— Я сейчас буду говорить. Вы записывайте, — сказал Вовка, облизывая ссохшиеся губы.

— А что вы будете говорить? — насмешливо поинтересовалась женщина.

— Про Митькину маму.

— Мальчик, здесь не детский сад, — строго сказала женщина.

Вовка насупленно затих. Молчала и женщина.

На линии что-то пощелкивало и гудело.

— Тетенька, — решил Вовка. — Я немного наговорю, только на три рубля.

На том конце провода повесили трубку. Частые гудки оглушили Вовку. Он постоял расстроенно и тоже повесил трубку.

Хоть бы спросила о чем-нибудь, а то и разговаривать не стала. Наверно, Вовка неправильно что-то сказал. Ну, конечно, неправильно! Надо было фамилию сразу назвать, про Микулину,

мол, Надежду Матвеевну, а также и про других доярок колхоза имени Жданова. А он: «Про Митькину маму...» Эх, тюха-пантюха... Придумал тоже...

Митька подпрыгивал на улице под окном, льнул лбом к стеклу. Вот ведь и не поверит еще, не звонил, скажет, струсил.

Не попробовать ли еще разок? Эх, была не была...

И когда Митькино лицо снова оказалось на уровне нижнего переплета рамы, Вовка снял трубку.

— Пятый.

Ну, с телефонисткой-то проще, а вот как быть с той...

— Редакцию.

И опять усталый голос ответил Вовке:

— Слушаю вас. Антипова.

Вовка как с обрыва прыгнул.

— Тетенька, — начал он срывающимся голосом. — Я же про передовую доярку, про Микулину Надежду Матвеевну... Ей премию председатель колхоза выдал... Я и цифры все знаю про нее...

— Мальчик, не мешайте работать, — сказала сердитая женщина. — Смотри узнаю, откуда звонишь, и милицию вызову.

У Вовки волосы взмокли. Он метнулся от телефона к окну и в ту же секунду оказался на улице.

— Ну как? — спросил Митька.

— Как, как? Давай-ка побыстрее отсюда!..

В переулке, отдышавшись, Митька снова спросил:

— Да что такое случилось?

— «Что, что?» Она милицию грозитя послать.

— Кто «она»?

— Ну, эта... Из редакции... с которой я разговаривал.

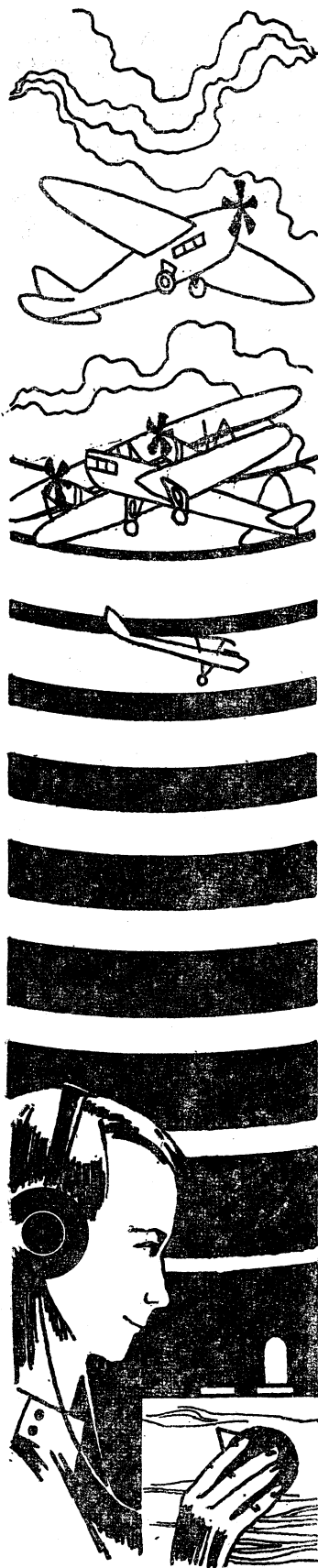
— А мы окно-то в учительской закрыли? — спросил Митька.

— Не знаю, — упавшим голосом проговорил Вовка. — Не помню.

«Почему так? — мучительно раздумывал он. Всего ничего было — фонарик подобрал. И началось. И завертелось. Как же теперь-то быть? Ведь рано или поздно узнают люди, что «жучок» у Васи-сельповского. Прижмут его, прохиндея. А у него не заржавеет, и скажет: «Знать ничего не знаю. Мне Воронин продал. Аркадий Ильич свидетель...»

Что делать теперь?...»

*Если не нам, то кому же?
Если не сейчас, то когда же?*

Девиз юнтехов
двадцатых годов.

Юные умельцы помогут взрослым вершить новую, десятую пятилетку. Сегодня небезынтересно вспомнить о том, что много лет назад и в свершениях первой пятилетки была доля школьных техников. Скромнее были их знания, из консервных банок делали они паровые двигатели, но чистым и высоким было пламя энтузиазма юнтехов двадцатых годов...

Хроника двадцатых годов

Листаем сборник «Крупницы ленинских дел», вышедший в Свердловске в 1929 году — на старте первой пятилетки.

«На днях я разработал проект ночного педального «авто». К следующему конкурсу пошло его чертежи и точную маленькую копию-модель. При работе на попкуку гвоздей, фанеры и железа нужны были деньги, у родителей просить было стыдно (а вдруг работа не удастся), пришлось зарабатывать деньги фотоаппаратом.
Г. ЕЛФИМОВ.»

В поступке этого мальчишки отражается эпоха, когда молодая страна Советов, изумляя Запад, казалось бы из ничего делала все: вроде бы нет в России автомобильной промышленности, но большевики начинают делать автомобили, сметены войной заводы, однако уже гудят первые турбины и тракторы российского производства.

«Георгий Данин построил небольшой, но полезный прибор, успешно определяющий пригодность яиц для насадки.»

Вот еще одна из крупниц полезных дел юнтехов того далекого времени...

В двадцать девятом году в Свердловске была выставка работ ребят-умельцев. Пройдем по ней...

Много радиоприемников с ушастыми репродукторами. Мальчишки тогда рвались в эфир, как в бой, чтобы услышать голоса далеких городов и континентов. Радио завораживало своей могучей способностью одолевать гигантские расстояния. Что нельзя увидеть — услышим! Вперед, сквозь треск и шипение радиоволн. Газеты и журналы призывают: «Сделай сам радиоприемник!» Бригантину эфира.

Мир стронулся и мчится... Особая любовь к динамо-машинам.

Трещат на выставке, разбрасывая вихри искр, динамо-машины. Снова и снова крутят их мальчишки — не подведет, не спасует в яростной работе советское динамо!

«Летом областная детская техническая станция проводила на Свердловском городском пруду состязания моделей. Лучшую модель с паровым двигателем сделал юный техник Ульянов. Котел пародвигателя — из консервной банки».

Когда оглядываешь в нынешних магазинах «Юный техник» уйму инструментов и материалов, то, кажется, из всего этого можно сделать не только модель, но и настоящую ракету... Юнтехы двадцатых годов подбирали на улице ржавый болт. Годится вместо молотка. Гардинные крюки заменяли им клещи. Железнодорожный костыль служил ломиком, им можно отрывать доски. Костыль — это и клин при колке дров. Консервную банку можно распаять и жечь пустить в работу, соорудить, например, рефлектор.

ЮНТЕХИ

То было начало первой пятилетки, теперь — десятой. Внуки мальчишек двадцатых годов изобретают, конструируют, мастерят. О многом говорят одни названия кружков — технической кибернетики, электроники и автоматики, ракетного моделирования, — в которых занимаются юнтехы семидесятых годов...

Хроника наших дней

Юные псковичи сделали интересную картофелекопалку — шнековую. Конструкция ее простая и надежная. Машина испытана на пришкольном участке.

Солнечную сушилку «Ярлика» для сушки овощей, фруктов и грибов построили ребята из клуба юнтехов «Космос-36» (средняя школа № 36 Брянска).

Ребята со станции юных техников при Загорском электромеханическом заводе смонтировали прибор для ориентации слепых. Авторы прибора получили медали ВДНХ.

Нижний Тагил, Дзержинский Дворец пионеров. Юнтехы Коля Минеев и Саша Медведев смонтировали оригинальное переговорное устройство на десять абонентов, а Саша Заикин — пульт управления киноаппаратом.

Псковская областная больница «приняла на работу» электронную няню. Она предупреждает, когда надо сменить пеленки, следит, чтобы малыш не упал с кровати. Сконструировали «няню» и доставили в детское отделение больницы ученики псковской школы № 18 Сережа Лукьянов и Андрей Казанцев. Школьники смастерили для этой же больницы «быстрый» электрический термометр: пятнадцать секунд — температура измерена.

Уфимский школьник Марат Нургалеев сконструировал и выполнил модель аэромобиля с двигателем внутреннего сгорания.

Минский школьник Коля Орлов придумал прибор для определения поясного времени.

Воронежский школьник А. Алешников придумал прибор, который быстро и просто позволяет учителю во время урока смонтировать для показа классу любую геометрическую фигуру.

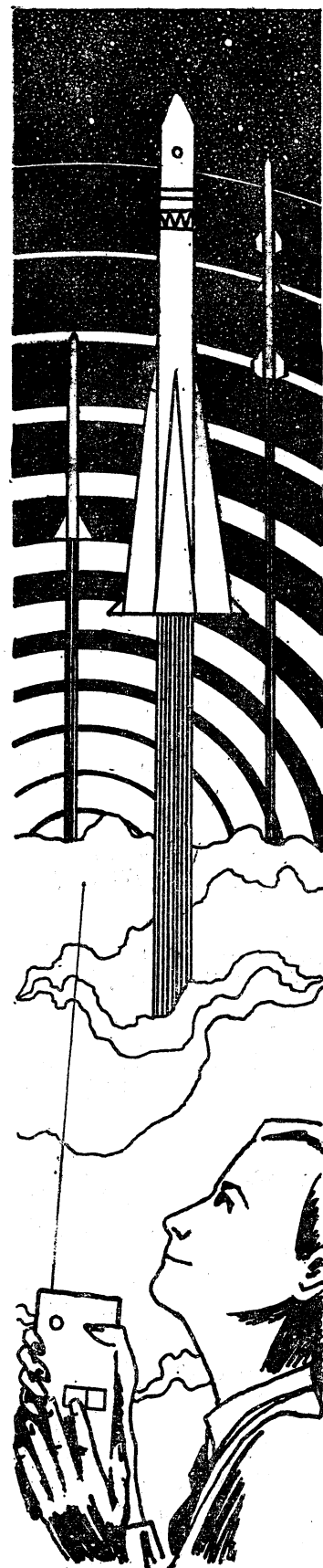
Мурманская школьница Тамара Татаринова сконструировала шумомер.

Составлен алгоритм и написана программа для ЭВМ расчета оптимального варианта расстановки судов по грузовым линиям. Это работа горьковской школьницы О. Рубиной.

Модель угольного комбайна сделали ребята с Кизеловской станции юных техников Пермской области. Она была на выставках в США и в Японии.

Действующее наглядное пособие по радиомонтажу. Это работа учащихся омского ГТУ № 5, она демонстрировалась на международных выставках в Индии, Финляндии, Польше. Омские школьники получили награду ВДНХ за атомный подводный катамаран, который заинтересовал даже специалистов.

Телеграф юнтеховских дел стучит все громче, принося новые и новые вести, ведь нынче юбилей — полвека движению юнтехов.

Рисунки
Н. Павлова

ДЕЛИКАТНЫЙ РАЗГОВОР

Анатолий
ВЛАСОВ

Рисунок
Н. Павлова

— Вот здесь и посидим. Что-то беспокойна сегодня вода, и ветер порывист. А теплый. Здесь, за скалой, не так дует, и камни крупные, как на стуле сиди. Сигаретку? Возьму, пожалуй... Да-а, подует ветерок. Не просквозит тебя? Смотри, а то уж больно легко одет. Да еще рубашку развалил настежь. Что, нынче цветастые рубахи в моде? Многих видел, носят.

— Носят, кому что нравится.

— А тебе нравится? Или только чтоб по моде?

— Нравится.

— Хм... А ты, однако, не очень-то разговорчив. Понимаю — смотря с кем. С дружками, а того боле с поддружками — как сверло, поди? Хм, сверло ведь? Да ладно, ладно, я это так, между прочим. Парни-то вон, на другом берегу, с гитарой которые, не тебя, случаем, поджидают? Им что — день и ночь готовы брэнчать.

— Кому что нравится.

— Ну ничего, подождут маленько — дельце-то у нас с тобой деликатное. Когда ты у нас появился в цехе, — а я тебя вот с такого росточка знал, — думаю: этот будет, если по отцу, тихий парень. И толковый, конечно. Этот, сказал я себе, нам хлопот не добавит. А ты — на-ко...

— А что я?

— Так разве дело это — бузу поднимать? Из-за чего? Из-за того, что временно на подсобные работы поставили. Не переломился бы за неделю-другую, за месяц бы.

— Но я же фрезеровщик! У меня второй разряд. Я, Василий Силантьич, три года учился. А для чего? Чтобы с метлой по цеху расхаживать?

— Стоп, Юра Черепанов! Ты меня послушай, старого рабочего. Я три года на побегушках был, пока меня к слесарному верстаку допустили. А верстак — еще не станок.

— То было другое время. Сейчас невыгодно меня, квалифицированного рабочего, с метлой заставлять работать. Для государства невыгодно.

— От заладил! Да рабочий через все должен пройти. Все азы должен знать.

— Азы я прошел в ГПТУ. Теперь хочу работать по своей специальности. Все ее тонкости познать хочу. Чего же тут предосудительного?

— ГПТУ — это, конечно, хорошо. Но ты и тут, в цехе, через все ступени пройти должен.

— Я станочник. Мое место за станком.

— А если надо? Понимаешь, у мастера на каждый день свой расчет. Потребовалось вот — поставил тебя на уборку, потому больше некого. А ты — в пузырь. Сейчас, ясное дело, мылят тебя — тот, другой, третий. Да еще я ежели... Потому и говорю — деликатное дельце. Понять ты меня должен, к тому и разговор... А волна-то, смотри, как разбеседовалась: шлеп-шлеп по камню да с песочком его. Вот и тебя тоже с песочком надо бы.

— А я так думаю: не надо. У нас в цехе по штату положены уборщики. Почему их нет? Каждый должен свое дело делать, тогда и порядок будет.

— Ишь ты, по штату положены! А если никто не хочет идти на эту должность? Все нынче образованные, всем подавай квалифицированную работу. Вот нет желающих идти в уборщики, и баста. Как тут быть?

— Пускай мастер и думает.
— Не твое, значит, дело?
— Я так не сказал. Только ведь и меня поймите: прохожу я месяц в уборщиках, а что заработаю?

— Э, брат, куда повел! Да в твои ли годы о деньгах думать? Нет, ты сначала докажи, чего ты стоишь, а уж потом про эти самые... Да я о них в первые годы молвить не смел!

— А почему? Не нужны они были вам, что ли? Вот вы про отца нашего вспомнили. Конечно, если бы он жив был, тогда другое дело. А то ведь до недавнего времени одна мать у нас в семье работала. Брат старший в институте учится. Мать в струнку тянется, а сама больная. Вот я и сказал ей: буду по сто пятьдесят приносить — переходи тогда на какую-нибудь легкую работу, сам буду помогать старшему брату.

— Хм... Ты не сердчай, может, не все знал я. Да и самому тебе одеться надо, жених ведь уже...

— Не мешало бы.

— Смотри-ка, волна созеленью отливать начинает! Так всегда, когда ветер при солнышке. Я тут часто бываю. Посидишь после смены, понежишься, послушаешь, как плещет, и все равно как вынет из тебя ту тягость, которая к пересменке накопится. Кому, конечно, как — все устают, кроме вашего брата-молоды, и каждый по-своему выковыривает ее, эту тягость. Одному душ горячий, другому просто на травке полежать, а тому вот рюмку дай. Во-он другой-то берег, под осокорями, ватажки заныли — из тех...

— Видывал. Не на луне живу.

— Ну, а вы, добры молодцы, чего ради после смены туда? Не от усталости же. По себе сужу: в твои-то годы я не замечал смены. И дольше работали, и потяжелей ворочали, а все ничего. Но самая-то суть вот в чем: и сила играла тогда, и кровь жгла, а меньше делал. И хуже. Навык — он, дружище, великая штука. Исподволь копится и рабочего человека преобразует, в новое качество переводит.

— Навык... Что ж, если приобрел его, так уже и не обязательно выкладываться? Получил, скажем, шестой разряд — и можно по другим законам жить?

— Ты о чем это? Не возьму что-то в толк...

— Сами не знаете?

— Может, знаю да хотел бы сперва тебя послушать.

— Пожалуйста. Вчера, например, я ни на минуту не отходил от станка, а мой сосед Линьков, лучший фрезеровщик цеха — так ведь? — после обеда все ходил покуривал, других станочников от работы отвлекал. А потом и вовсе ушел из цеха, перед концом смены только вернулся, станок свой стал настраивать. Это как понимать? А в получку, смотришь, у него вдвое против моего. Конечно, мастер ему подороже работу подбрасывает, вот и...

— Ух ты, как разговорился — только слова от зубов отскакивают! Ну, это хорошо. Сейчас я тебе все растолкую по порядку.

Во-первых, Линьков не просто так болтался вчера по цеху. Перед обедом мастер дал ему новое задание, очень, кстати сказать, сложное. Надо было подумать, как ловчее взяться за дело. Он и сам думал, и с другими советовался, и в лабораторию ходил. Понимаешь, в чем разница между ним и тобой: ты получишь задание, посмотришь в технологию — вроде бы все ясно, и пошел шпарить деталь за деталью, а Линьков сперва походит, подумает, нельзя ли как побыстрее сделать да с меньшей затратой сил. Ты сегодня-то к нему приглядывался? Нет. А напрасно. Он ведь скумекал: по технологии девять минут на деталь отводится, а он за шесть делает. Партия-то деталей большая, на несколько смен хватит, вот и посуди, так ли уж впустую он вчера разгуливал по цеху...

— За счет чего же это он столько времени экономит?

— А ты сам подойди к Линькову, погляди. Он же

сосед твой. Теперь насчет дорогой работы. Ну-ка, представь себя на месте мастера! Вот у тебя две детали, одна дорогая, другая подешевле. И два фрезеровщика. Один, скажем тот же Линьков, достиг таких вершин мастерства, что с закрытыми глазами будет фрезеровать и браку не наделает. Другой — зеленый еще совсем, вроде тебя. Кому ты отдал бы дорогую-то деталь? Дорогая она потому, что и сложная в то же время, требует особой сноровки, особой точности...

— Я и сложную работу делал. В прошлом месяце Линьков болел — мне же дали фрезеровать партию, которую он не закончил. И браку я не наделал.

— Знаю про тот случай. Молодец. Технологию ты выдержал. Но следующую партию тех же деталей мастер потом все же отдал Линькову, так? И ты этим недоволен был.

— А что, правильно мастер поступил?

— С точки зрения интересов производства — правильно. Куда детали эти после фрезеровки идут — знаешь?

— Ну, на шлифовку.

— Верно, на шлифовку. А ведь шлифовщики-то счет ведут на сотые доли миллиметра. Технологию ты выдержал, сделал детали в пределах допуска, но только после тебя шлифовщику приходилось снимать две лишние десятки, а после Линькова — две-три сотни. Есть разница? Качество, брат, вещь беспредельная, и если ты не делаешь браку — это вовсе еще не значит, что твою работу можно оценивать на «отлично». Ты подойди, подойди к Линькову, постой возле него, полюбопытствуй. А то вон еще Эдик Другов. Тоже молодой совсем, годом раньше тебя в цех пришел, а уже на пятки старикам наступает. Дерзкий парень, как новый рашпиль, сам за все ловится. Спервоначалу-то думали, что еще одного горлопана нам бог послал: то ему подавай, другое, третье — и инструмент чтоб в комплекте, и задание чтоб пораньше, и заготовки чтоб бесперебойно шли. Нет, как впрягся сразу, как попер в крутую горку, весело так попер — поняли: не крикун, а от уважения к работе порядка требовал. Кой-чему и нашему годочку не зазорно у него поучиться.

Я вот говорю с тобой и все думаю: может, и прав ты, что в уборщики не хочешь идти? Каждый должен свое дело хорошо делать, тогда и порядок во всем будет. Поговорю я с мастером... Да... Разгулялась волна. Ишь, барашки беленькие разбежались. Пожалуй, к ночи и дождичек надует... Э, смотри-ка: к тем двум бездельникам с гитарой вроде бы девчонка пристроилась! Тебе знаки-то дают?

— Между прочим, Василий Силантьич, один-то Эдик Другов, а девчонка-то — крановщица наша Валя Измоденова. Женятся они скоро.

— Хм... Что-то не различаю, далеко стоят... Что же, иди, коли зовут. А я-то, пожалуй, посижу еще. Подумаю.

СКОЛЬКО ЛЕТ

**Николай
БАРСОВ**

В 1552 году войска Московского государства штурмом взяли Казань. Царь Иван IV обратился к народам, подвластным Казани, с «жалованными грамотами», приглашавшими их принять русское подданство. В считанные годы (1552—1557) башкиры и татары присоединились к Московскому государству. Так почти одновременно два соседних народа вошли в состав Московии.

Тогда башкиры не были свободным и независимым народом, суверенным хозяином своей земли. Не существовало и единой Башкирии: территория башкирских племенных групп была раздроблена — северо-восток Башкирии подчинялся Сибирскому ханству, запад — Казани, а остальные земли — Ногайской орде. Связь населения этих территорий с высшими сюзеренами (ханами) была крайне слабой: в основном она выражалась в уплате жителями ясака и нерегулярных поставках воинов и коней. Фактически же здесь властвовали средние и мелкие хищники — владельцы феодалов с подвижными границами и кратковременным существованием. Все они неустанно враждовали друг с другом, похищая у соседей женщин, детей и скот.

Огромным бедствием для башкир XVI столетия были разбойничьи набеги соседних степных кочевников — калмыков и казахов. Они происходили систематически. На всем пути налетчиков воцарялась пустыня.

Практически Башкирия тогда была беззащитна.

Отсюда понятно, что у башкирского народа никаких стимулов к сохранению существовавших в Башкирии порядков до падения Казани

не было. А мощные вооруженные силы русского централизованного государства уже стояли на подступах к Башкирии. Они были способны утихомирить кочевников. К тому же и русский царь в «жалованных» и «опасных» (гарантирующих неприкосновенность) грамотах обещал новым подданным сохранение религии, земель и личную безопасность. Не удивительно, что башкиры, хоть и не все разом, решили присоединиться к Москве.

Вхождение Башкирии в состав Московского государства имело для ее коренного населения огромное положительное значение. Вот что писал Ф. Энгельс: «...Россия действительно играет прогрессивную роль по отношению к востоку... господство России играет цивилизаторскую роль для Черного и Каспийского морей и Центральной Азии, для башкир и татар» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Том 27, стр. 241).

После присоединения навсегда прекратилась разорительная междоусобица, сократились, а потом и совсем прекратились набеги кочевников, создались некоторые условия для развития экономики и культуры.

Однако закрепить присоединение Башкирии к Московскому государству можно было только одним путем — введением сюда русских вооруженных сил, строительством здесь крепостей, где бы они могли разместиться. Главной из таких крепостей и была Уфа.

Об основании Уфы известный историк Башкирского края П. И. Рычков в своем историко-географическом труде «Топография Оренбурга» писал:

УФЕ?

«По достоверным выправкам нашлось, что башкиры о построении города челобитье свое имели в 7081 году (т. е. от Р. Х. 1573-м) не только для того, чтоб им положенный на них ясак тут, как внутри их жилищ, платить было льготнее, но и от неприятелей иметь им здесь убежище и защиту» (П. И. Рычков. Топография Оренбурга. Часть 2-я. Спб, 1762, стр. 193—194).

До основания Уфы башкиры возили ясак (мед и пушнину) в Казань, за 600—800 километров. Поездка туда и обратно занимала до двух месяцев. Естественным было желание башкир платить налог в новой крепости, расположенной в центре их территории — «внутри их жилищ», как выражался П. И. Рычков. Столь же ясны и надежды башкир на защиту их русским крепостным гарнизоном от набегов соседей. Поэтому, хотя само «челобитье» башкир о построении Уфы в архивах не обнаружено (архивы Уфы, которыми мог пользоваться П. И. Рычков, сгорели в 1759 году), утверждение П. И. Рычкова о просьбе башкир построить Уфу никем не оспаривается — в свете известных нам фактов оно более чем правдоподобно.

Косвенно указанное П. И. Рычковым назначение Уфимской крепости подтверждается ее названием. Уфимская крепость никогда не называлась кремлем, но острогом или, еще чаще, — Уфимским детинцем. «Детинец» же, по мнению некоторых знатоков старорусского языка, означает укрепленное в городе место, где при обороне жители скрывали детей, жен и стариков. Это название, как нельзя более, соответствует сообщенной П. И. Рычковым просьбе башкир об «убежище и защите».

Итак, по желанию башкир в 1574 году в гористую местность при

слиянии рек Уфы и Белой, в самый центр территории башкир был командирован боярский сын Константин Голубцов с отрядом стрельцов.

История имеет свою логику, и, независимо от грабительских планов московских властителей, основание Уфы в 1574 году явилось для коренных жителей Башкирии счастливым событием.

В вопросе об основании Уфы не вполне ясна дата. Верно, что до появления работы академика П. П. Пекарского «Когда и для чего основаны города Уфа и Самара» (Сборник отделения русского языка и словесности. Спб, 1872) годом основания Уфы считался 1574 год. Но после исследований П. П. Пекарского основание Уфы отнесено к 1586 году. Сто лет тому назад дата эта была официально признана, и в 1886 году уфимцы торжественно отпраздновали трехсотлетие своего города.

В большинстве справочников, в том числе и официальных, годом основания Уфы указан 1586 год.

Почему же тогда Уфа отметила свой четырехсотлетний юбилей в 1974 году?

Дискуссия о дате основания Уфы проходила в 1971—1972 годах, и все аргументы сторонников 1586 года рассыпались в прах.

Раньше говорили, что 1586 год обоснован документально. В ходе дискуссии эти документы и были подробно рассмотрены. Главные из них были найдены еще сто лет назад в так называемом «архиве ногайских дел» академиком П. П. Пекарским. Тут он обнаружил адресованные московскому правительству дипломатические протесты ногайского хана Уруса против построения Уфимской крепости. Все протесты

Уруса датируются 1586 годом (с весны по сентябрь). В объяснениях московских дипломатов, пытавшихся убедить ногайцев в пользу для них русских пограничных крепостей, содержится, между прочими, фраза: «ныне государь на Уфе велел город поставити». Отсюда П. П. Пекарский и сделал вывод, что протесты Уруса имели место в год возникновения Уфы.

В «Разрядной книге 1475—1598 года» имеется запись о назначении в 1586 году воевод, в том числе боярина Михаила Александровича Нагого в «новый город на Уфе».

В «Летописном отрывке о постройке городов в Московском государстве» (М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники 16 века. М. 1941.) под 1586 годом прямо указано: «...поставили на Волге город Самару. Того же году поставили город Уфинский...»

Казалось бы, факт основания Уфы в 1586 году воеводой Михаилом Нагим доказан достаточно.

Однако уже первое ознакомление с документальными источниками породило множество сомнений. Первую брешь в концепции сторонников 1586 года пробила основа всех исторических знаний — хронология описываемых событий.

Назначение Михаила Нагого воеводой в Уфу состоялось никак не ранее конца ноября 1586 года. Значит, назначение и прибытие его в Уфу не могли быть причиной протестов ногайцев.

Затем в ходе дискуссии было обращено особенное внимание на правильное истолкование древних текстов. Весьма спорным оказалось понимание П. П. Пекарским старинного книжного выражения «ныне», приравненного им к понятию «в текущем году». Слово «ныне», согласно толковым словарям, гораздо бли-

же к выражениям «в настоящее время», «в нашу эпоху», чем «в этом году».

Или взять такие записи в летописях и разрядах, как «город ставити», «город делати». Эти выражения в 16 веке употреблялись не в смысле «основать новый город», а означали всего лишь «устроить вокруг нового или существующего поселения укрепленную ограду». И выражение «новый город» совсем не равнозначно нынешнему «вновь построенный (основанный) город». Тогда «новыми городами» назывались не вновь основанные поселения, а новые или обновленные городские стены.

Итак, документально доказано, что в конце 1586 года в Уфу был назначен первым «городовым воеводой» М. Нагой и что он вместе с другими строил здесь городские укрепления. Но что до прибытия сюда М. Нагого (вероятно, в начале 1587 года) ни крепостных укреплений, ни русского поселка не существовало,— такого вывода из документов сделать нельзя.

Возможно, и до Михаила Нагого Уфа была, но когда же и кто тогда основал город?

Известно, что для построения Уфы в Башкирию был послан воинский отряд, состоявший в основном из стрельцов. Все, без исключения, источники говорят, что во главе военных строителей стоял воевода Нагой, только одни из них называют Михаила, а другие Ивана. В помощь ему был дан боярский сын Голубцов. Других имен ни в одном источнике нет.

Род Нагих, родственников Ивана IV, ярых врагов Годуновых, прислужников Лжедмитрия, хорошо известен. Второстепенный некогда род Нагих приобрел значение после брака царя Ивана IV с Марией Федоровной Нагой, седьмой женой царя, матерью убитого в Угличе царевича Дмитрия.

Михаил Александрович Нагой — крупная политическая фигура второй половины 16 столетия.

Иванов Нагих в разрядах тех лет упоминается два. Оба они сравнительно мало известны. Первый из

них, Иван Семенович, по возрасту не подходит к роли основателя города. Следовательно, имеется в виду Иван Григорьевич Нагой. Он в свое время прославился не воинскими подвигами, не государственной деятельностью и придворным почетом, а более всего своими несчастьями — ссылкой в Сибирь, конфискацией имущества и заключением в тюрьму по приказу Федора Ивановича.

Кому же из двух Нагих, Михаилу или Ивану, надо отдать предпочтение?

Основать Уфу в 1574 году Михаил Нагой не мог: в Башкирии его в то время не было. Совершить то же самое в 1586 году он также не мог: назначенный в Уфу в самом конце года, он не имел времени, чтобы сформировать свой отряд, прибыть с ним в Уфу и в этом же году заложить город. К тому же — это следует подчеркнуть особо — Михаил Нагой был назначен сюда в 1586 году «городовым воеводой».

Главным доказательством существования Уфы, как населенного пункта, до 1586 года является открытый еще век назад факт, что в 1579 и 1584 годах на территории нынешнего города существовала церковь «во имя Казанские божия матери», а следовательно, было и русское поселение, которое по условиям того времени не могло быть не укрепленным. Этот факт установил местный историк Р. Г. Игнатьев. Основанием для Р. Г. Игнатьева были документы оренбургского, вятского и уфимского архивов.

Уфимцы, хотя и праздновали в 1886 году трехсотлетие города, сопровождали свои юбилейные торжества множеством оговорок. Так, на юбилейном заседании в 1886 году официальный докладчик заявил:

«...историческим моментом основания Уфы можно бы считать 1574 год, когда воевода Нагой... построил на реке Белой... стратегический пункт, но... это все-таки не было началом города в смысле муниципального».

Городской характер («муниципальный смысл») Уфе был придан только назначением сюда «городового воеводы». Такой же приблизи-

тельно точки зрения держались многие дореволюционные и советские историки, некоторые из которых, не отвергая факта построения крепости на реке Белой в 1574 году, доходили до утверждений, что Уфа в 1586 году «получила городской статус» или даже «утверждена городом».

Вероятно, читателя не нужно убеждать в несостоятельности такой концепции. Точно уловить по юридическим или экономическим признакам момент превращения какого-либо населенного пункта XVI или предшествующих веков в город в нынешнем смысле этого слова,— задача явно безнадежная. Отсчет возраста древних городов должно начинать лишь по одному-единственному признаку — с момента возникновения здесь постоянного поселения.

Стоя на этой позиции, участники дискуссии о дате основания Уфы отдали предпочтение 1574 году. В этом случае все известные факты прошлого легко и прочно становятся на свое место. В 1573 году башкиры просят о строительстве «в центре их жилищ» русской крепости, в 1574 году воевода Иван Нагой строит при слиянии рек Уфы и Белой крепость («детинец»), к 1579 году число постоянных жителей Уфы достигает такой величины, что для них уже требовалась церковь, в конце 1586 года в Уфу назначается первый «городовой воевода» Михаил Нагой, продолжавший, в свою очередь, укреплять город.

ВСТРЕЧА С МАТРОСОМ-ПОТЕМКИНЦЕМ

Осенью 1948 года по пути из Кисловодска в Москву моим соседом по вагону оказался весьма пожилой и довольно тучный человек в фуражке и матросской тельняшке. В дороге, конечно, разговорились. Выяснилось, что наш попутчик — звали его Абрам Павлович Чистых — участник восстания на броненосце «Потемкин» в июле 1905 года.

— Наверно, теперь уже последний, кто ныне остался в живых,— со вздохом сказал он.

За длинный путь Абрам Павлович успел много порассказать нам о той героической эпопее, участником которой ему довелось быть от начала до конца. Как известно, мятежный броненосец отказался сдаться властям

и непокорный, под красным флагом ушел в Румынию, где и был интернирован. Многие матросы так и остались в этой стране, но часть потом сумела возвратиться на родину — в их числе и А. П. Чистых.

Рассказы его я, к сожалению, не записала, но по профессиональной привычке успела сделать в дорожном альбоме, несмотря на вагонную тряску, две зарисовки. Недавно они попались мне на глаза. Едва ли жив теперь старый матрос-потемкинец. Но в год семидесятилетия первой русской революции стоит вспомнить о нем.

Эмилия
ШОРИНА,
скульптор

«В пользу уволенных...»

**Юрий
КУРОЧКИН**

Редкость в книжном мире понятие условное. Попытки ученых-книгovedов установить какие-то критерии редкости привели лишь к спорам, но не к желанным выводам. Ясно, однако, что редкостью может быть не только монументальный старопечатный фолиант, но и скромная брошюрка, изданная еще при нашей жизни. Каждая книга, старая или молодая, несет с собой неповторимый аромат времени и прибавляет что-то к нашим знаниям о нем. Но порой некая невидная с первого взгляда тощая книжечка открывает вдруг внимательному глазу доселе не известную страничку истории, или добавляет к ней важные штрихи. И тогда эта книжечка дорога нам особо. А если еще она ненаходима, то — дорога вдвойне. И это уже настоящая книжная редкость.

Вот и эта серенькая и сравнительно молодая брошюрка, объемом в восемь листиков — 16 страниц, — оказалась несомненной редкостью. К удивлению, ее не нашлось даже в крупнейших наших книгохранилищах; где, казалось бы, есть «решительно все». Нет брошюры и в свердловских библиотеках, хотя издана она именно в этом городе, и не так уж давно.

Рекомендуется книга читателю так:

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

Посвящая
труженикам почтово-телеграфного
ведомства.

ЕКАТЕРИНБУРГ
ТИПОГРАФИЯ ГАЗЕТЫ
«УРАЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ»
1905.

Вверху страницы добавлено: «Сбор предназначен в пользу уволенных чинов почтово-телеграфного ведомства». А вот автор на обложке не указан. Его имя, вернее — псевдоним, стоит в конце: «Не-он».

Рассказ, как говорится, не блещет литературными достоинствами — автор, конечно, не профессиональный писатель. Сюжет незамысловат. Бедный почтовый чиновник Дмитрий Иванович, единственный кормилец семьи, едет по вызову начальства из своего Завода (так зва-

лись поселки при заводах, даже уже закрытых) в город, видимо, губернский. В пути, в вагоне, он беседует с едущими на заработки крестьянами, слушает их рассказы о тяжелой жизни в деревне; с купцом, ищущим компаньона на разработку золотых жил в Сибири, размышляет о том, чтобы «...на земле водворился мир, открылись дороги к счастью, к богатству народа, к прогрессу».

В городе, явившись к начальству, он узнает о причине вызова: «Вы вызваны для замены забастовавших чиновников. Согласны ли вы на это?» Дмитрий Иванович вспоминает слова товарища, встреченного только что в городе: «...Встали все, как один, на защиту человеческих прав, встали везде, во всех городах... Все твердо верят в грядущий успех. Важно то, чтобы ни один из нас не поправ решения, не начал работы раньше товарищей, тогда все дело пропало».

И герой рассказа «...не колеблясь ни минуты, твердо сказал своему начальству: «Я не могу сделать этого, это было бы слишком подло». И уехал. Уехал, понимая, что будет уволен и лишится единственного источника существования».

Дело, однако, не в литературных достоинствах рассказа. А в том, что брошюрка эта — одна из памяток о забастовке почтово-телеграфных служащих, охватившей в ноябре—декабре 1905 года почти всю Пермскую губернию. Ни на обложке, ни в тексте книги ни разу не упомянуто слово забастовка, но речь идет именно о ней. Газеты тех дней позволяют проследить ход событий.

...Нарастающая волна революционного движения, охватившего к осени 1905 года страну, докатилась быстро и до Урала. В середине октября всеобщая политическая стачка распространилась по всему краю — бастовало большинство заводов, фабрик и железных дорог. 17 октября в Екатеринбурге были закрыты все предприятия.

Общий подъем захватил не только рабочие массы, но и служащих. Даже работники почты и телеграфа, всегда считавшиеся исполнительными службистами, включились в борьбу за гражданские свободы и за свои права. 12 октября забастовали почтовики и телеграфисты Че-

лябинска, следом — Златоуста, Перми. А 15 ноября начался уже всероссийская забастовка правительственной почты и телеграфа, в том числе и в Екатеринбурге.

Как сообщала газета «Уральская жизнь» в номере от 18 ноября «с 8 часов вечера громадное большинство чиновников... оставили работу и только небольшая группа старших почтовых чинов... явились на другой день для исполнения своих обязанностей. Их работа продолжалась до тех пор, пока группа забастовщиков не потребовала прекращения занятий и со стороны старших чиновников».

Полное прекращение связи, конечно, переполошило власти. Но растерянность начальства была столь велика, что только через неделю оно решилось предпринять какие-то шаги. 22 ноября из Перми поступило распоряжение с угрозой — не платить жалованье бастующим до конца забастовки. Еще пять дней спустя начальник почтово-телеграфного округа предложил прекратить забастовку; угрожая слушникам увольнением. Екатеринбургские забастовщики не поддались угрозе. Но нажим усиливался, и положение все ухудшалось.

«Уральская жизнь» в номере от 30 ноября опубликовала «Воззвание к обществу» забастовочного комитета, где говорилось: «...Произвол начальства продолжается и 26 ноября мы... были уволены, что поставило многих в затруднительное положение, т. к. начальник округа Пуш предписал выселить служащих из казенных квартир... Думая, что граждане г. Екатеринбурга не откажутся помочь нам материально, просим пожертвования направлять в редакции газет «Урал» и «Уральская жизнь».

Нарушение связи затрагивало, конечно, не только интересы властей, но и всех жителей города. И, несмотря на это, пожертвования начали поступать — многие понимали, что ради общего дела следует поступиться и личными удобствами. Уже в следующем номере газеты сообщалось, что за один день внесено пожертвований 71 рубль 30 копеек. К 8 декабря сумма возросла до 433 руб. 30 коп.

Любопытно, что в фонд помощи забастовке внес сторублевую ассигнацию... купец Агафуров, крупный торговец. Повод оказался неожиданным, но очень характерным штрихом того времени. Дело в том, что Агафуров безвинно уволил одного из своих служащих. За товарища вступились другие служащие «фирмы», пригрозив забастовкой, бойкотом. Купец через газеты пытался оправдаться, но служащего все же ему пришлось принять обратно. И, чтобы замаять инцидент, Агафуров выложил сотенную бу-

мажку — дескать, и я сочувствую.

Однако вскоре почтово-телеграфное начальство, получив указания из столицы, перешло в наступление. 1 декабря газета сообщила, что все бастующие служащие городских контор Перми, Вятки, Екатеринбург и Нижнего Тагила с 26 ноября считаются уволенными. Начался набор новых служащих, в том числе учеников. Это уже было не угрозой, а карой. Кое-кто не выдержал и вышел на работу. И хотя 2 декабря общее собрание забастовщиков (в числе 85 человек) постановило не приступать к работе до решения Центрального бюро Всероссийского почтового союза, руководившего забастовкой, ряды екатеринбургских «смутьянов» стали редеть — к 7 декабря на работу вышло более 20 человек.

В этой обстановке забастовочный комитет, собравшись 15 декабря (на квартире комитета союза почтово-телеграфных служащих, снятой в доме Вандышевых по Офицерской улице, 20) решил пойти на компромисс: согласился на прекращение забастовки, но не на тех унижительных условиях, что предложило начальство (покаянные заявления и просьба о приеме вновь, то есть без сохранения стажа и т. п.). Но начальство не приняло предложения и 21 декабря начало прием новых служащих. Забастовка «сломалась». В новогоднем номере 1906 года «Уральская жизнь» напечатала заметку «Результаты почтово-телеграфной забастовки», из которой видно, что большинство забастовщиков осталось без работы.

Итог, о котором, естественно, умолчала газета, — коллективу не хватило политической зрелости, стойкости и сплоченности. Но и то, что почтово-телеграфные служащие, всегда считавшиеся образцом беспрекословного повиновения, примкнули к массам трудящихся в борьбе за гражданские права, почувствовали себя не только чиновниками, но и гражданами своей страны, уже было большим и поучительным уроком для самих участников забастовки, так и для почтово-телеграфного начальства.

Судьба уволенных, конечно, была нелегкой. Без заработка, без жилья, без возможности устроиться на работу по своей единственной специальности — они оказались в бедственном положении. И 600 рублей, собранные пожертвованиями газетой «Уральская жизнь», были крохой, не способной накормить голодного.

Вот в эти-то дни и вышла брошюра «Заместитель». Автор ее, человек в литературе, конечно, случайный да и политически незрелый, вероятно, понимал свои скромные силы и возможности, но тоже хотел внести какую-то лепту в фонд помощи бедствующим служащим.

О выходе брошюры «Уральская жизнь» сообщила в номере от 24 декабря: «В пользу бастующих. В конторе редакции «Уральской жизни» продается брошюра «Заместитель», посвященная труженикам почтово-телеграфного ведомства. Выручка от продажи этого издания предназначается в пользу уволенных чинов почтово-телеграфного ведомства».

Какой доход доставила книжка, осталось неизвестным. Едва ли он был велик. Но был от нее и другой «доход» — нравственная поддержка тех, кто поднял голос протеста против бесправия. И, конечно, они были благодарны автору брошюры за его добрый порыв.

Но кто же он — автор?

Раскрыть псевдоним «Не-он» не помог ни известный «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова, ни картотеки собирателей уральской псевдонимики. Был ли это сотрудник редакции или случайное лицо — кто знает... Возможно, что дальнейшие поиски приведут в Нижний Тагил — забастовщики тагильской конторы были уволены в числе первых (наряду с Екатеринбургом, Пермью, Вяткой), а герой рассказа живет в «заводе» и едет в город по железной дороге. «Заводов», с почтово-телеграфными конторами в них, вблизи железной дороги в те годы было не так-то много, Тагил — наиболее вероятный среди них.

Интересно, что брошюра несет на себе следы литературной правки, скорее всего авторской — одни слова заменены другими, вставлены новые. Если присмотреться к ним, то заметишь, что поправки вносились дважды: один раз коричневыми чернилами, еще по старой орфографии, а другой — фиолетовыми, уже по новому правописанию. Возможно, автор готовил рассказ к переизданию. Но ни в периодике, ни в отдельном издании он мне, например, не встречался. Была, кажется, еще одна вероятная ниточка к поискам имени автора — вверху титульной страницы стояла какая-то надпись. Может быть — подпись владельца. Но... она срезана.

И все-таки хочется надеяться, что автор «найдется» — ведь и века еще не прошло, могут обнаружиться его родственники, у кого-то может найтись еще одна такая книжечка и вдруг да с дарственной надписью...

Но пока сестер этой брошюры встретить никому из уральских книголюбов не удавалось. Редка она. И не удивительно, что редка — в те смутные для властей времена, когда по всей стране таких брошюр выходили сотни, «поймать» их все же было делом трудным.

СКАЗКА

Повесть

Ольга
ЛАРИОНОВА

Дом был самым последним в городе. Дальше тянулось поле, где еще не начали строить,— нейтральная полоса ничьей земли, пока не городской, но уже давным-давно и не деревенской. Поле поросло одним бурьяном, потому что этим летом ему предстояло принять великую муку приобщения к цивилизации, и было жалко отдавать на растерзание бесчисленным колесам, гусеницам, ковшам и просто лопатам даже такую немудреную травку как донник или сурепка. Природа откупалась бурьяном.

На той стороне поля виднелись теплицы — или, вернее, то, что ими когда-то было. Опекавший их совхоз получил новые уголья и, хозяйственно вынув застекленные рамы, отбыл, а они остались, пропуская сквозь свои подрагивающие ребра раздольный загородный ветер.

По ночам в поле было совсем темно. Возле самого дома, там, где поле, собственно говоря, не было уже полем, на него ложились световые квадраты попеременно зажигающихся и угасающих окон. Но сверху, с высоты девятого этажа, этой освещенной полоски видно не было, и по ночам Артему казалось, что где-то там, в непроглядной мгле, небо все-таки смыкается с землей, касается ее, и прикосновение это рождает черный сполох короткого замыкания, замирающего на всю ночь мертвой волной.

А иногда, когда случалось совсем худо, возникало ощущение абсолютной утраты пространства там, за окном. Тогда не было не только земли и неба — не было ничего, просто первобытный хаос, не разделенный на твердь и хлябь. Сегодня Артему было худо именно в такой степени.

В квартиру он вошел тихо, словно мог кого-то разбудить. Но будить было некого, и, досадуя на никчемную свою осторожность, он демонстративно громко протопал на кухню и грохнул возле холодильника сумку и сетку с консервами. Поддержав брюки на коленях, присел и начал меланхолично переправлять банки, пакеты и свертки в белое, замшелое изморозью нутро. Если уж не можешь промоделировать простейшую семейную жизнь, то твоих ребят это не должно касаться. Завтра новоселье, и они соберутся на твою прекрасную-распрекрасную квар-

тиру. А ты принимай. И веди себя соответственно, в отношении чужих дам — особенно. Вот и абрикосовый компот на тот же предмет. Ах, смотрите, он догадался купить для нас абрикосы! Ах, льдинка в сиропе! Темка, ты молоток, даром что похож на Алена Делона!

Но рано или поздно свои ребята поймут, как ему худо.

— Темка, — скажут свои ребята, — ты отупевший буржуй. Ну, разве мыслимо в эдакой-разэдакой квартире существовать в одиночку? Слава богу, это поправимо...

Артем захлопнул холодильник и направился в комнату. Света он зажигать не стал, а подошел к окну. Оно чуть мерцало пепельным ночным светом. Неясное отражение собственного лица появилось на стекле, и Артем посмотрел на него с ненавистью.

Представьте себе, что рядом с вами живет молодой мужчина, неотразимый, как Аллен Делон. Каково ему живется — вполне представимо. Но беда Артема заключалась в том, что он был гораздо красивее и Алена Делона, и вообще всех импортных кинозвезд мужского пола. Сухощавый и темноволосый, Артем был исполнен истинно русской красоты и оттого при самом горячем желании не смог к своим двадцати четырем годам создать хоть мало-мальски устойчивую семью. Не везло человеку. Быть бы ему артистом или телевизионным диктором! Но он был простым инженером и до сих пор не мог привыкнуть к тому, что на улице женщины систематически оборачиваются ему вслед.

В мутном отражении собственного лица было не разобрать отдельных черт, но Артем смотрел на него с тоскливым отвращением.

Пока вдруг не понял, что при незажженном свете никакого, даже смутного, отражения быть не может.

Оттуда, из черноты первозданного хаоса, на него смотрело чужое незнакомое лицо.

Еще несколько секунд Артем не шевелился. Потом до него дошло, что это, собственно говоря, не окно, а дверь, за которой на балконе стоит незнакомец. Мысль о том, что это попросту вор, показалась нелепой, — вор не стал бы так спокойно разглядывать хозяина квартиры через

КОРОЛЕЙ

Рисунки
Е. Стерлиговой

дверное стекло. Да и что взять у молодого специалиста, только что потратившего все свои сбережения на самую дешевенькую однокомнатную квартиру на последнем этаже?

А лицо все смотрело, не двигаясь, не мигая, не приближаясь. Артем шагнул вперед. Протянув руки, нащупал дверной запор и, поеживаясь от упруго ударившего ветра, ступил на балкон.

Смутное лицо, повисшее где-то сбоку, стало тихонько уплывать в темноту, перила балкона вспыхнули фосфорическим пламенем — и исчезли. Артем раскинул руки, прижимаясь к шероховатой кирпичной стене, но отыскивать за собою дверь было уже поздно. Темнота перед ним вдруг ожила, начала двигаться на него, словно громадный черный кот; Артем уже чувствовал, как бесшумная необъятная лапа подцепила его, понесла, прижала к пушистому теплему брюху. Он начал задыхаться в этом щекочущем тепле, но ни бороться, ни даже кричать у него не было сил.

Дальше шел кошмар, удесятеренный своей бесконечностью. Артема переворачивало, мягко швыряло из стороны в сторону, но он никак не мог долететь ни до пола, ни до потолка — каждый раз упругий толчок воздуха изменял его движение, и он продолжал плыть, падать, парить. Самым мучительным казалось именно это отсутствие хоть какой-нибудь твердой точки, за которую можно было бы зацепиться. Воздух был страшен своей густотой, он распирали изнутри тело, и Артем чувствовал себя глубоководной рыбой, брошенной в лоханку с дистиллированной водой. Времени, казалось, прошло очень много, но жажды и голода он не ощущал, напротив, до самого горла был переполнен какой-то пряной, приторной дрянью, и все это вместе — пространство вокруг него, воздух, насильственная еда — все было нечеловеческим, непредставимым, не таким. По всей вероятности, он поначалу находился в каком-то сне или беспамятстве, но все то, что окружало и переполняло его, было настолько мучительно для его тела, что он постоянно приходил в себя и, не в силах этого выдержать, снова терял сознание.

Щеку свело от холода, и он очнулся. Ай-яй-яй, подумал он, вот так и гибнут от переутомления молодые специалисты. Сидя на полу на кухне и обнимая холодильник... Он рванул на себя ручку, взял бутылку еще не успевшего подморозиться пива. Рука дрожала так неумемно, что пришлось снова привалиться к холодильнику и высосать пиво, держа бутылку обеими руками. Пустую бутылку он автоматически переправил в сумку и задумчиво провел рукой по подбородку. Бриться по расписанию следовало бы сегодня, но завтра праздник, завтра и... Рука его остановилась. Он тихонько провел по одной щеке,

по другой — полуторадневная щетина исчезла. М-да. Может быть, по пути домой он все-таки заходил в парикмахерскую? Первая ласточка склероза...

Артем поднялся и, цепляя ногу за ногу, побрел в комнату, все еще недоуменно оглаживая подбородок. В комнате остановился и долго шарил по стене, отыскивая выключатель. На миг его взгляд задержался на пепельном, смутно проступающем квадрате окна. Какое-то воспоминание зашевелилось в нем, но так и не поднялось, не оформилось. Пальцы нащупали выключатель, раздался щелчок, и Артем сокрушено понял, что наваждение — а может быть, и сумасшествие — продолжается.

На его тахте лежала маленькая, как ящерица, женщина.

Она спала. Артем подошел на цыпочках, тихонько — чтобы не разбудить — отодвинул стул и уселся на него верхом, положив на спинку непонятно каким образом побритый подбородок.

Женщина не шевелилась. Гибкое ее тело расположилось так, словно его бросили, и бросили небрежно, как вещь, о которой не стоит заботиться. Ни один нормальный человек не стал бы спать в такой неудобной позе, он бессознательно принял бы более естественное положение... И тут до Артема дошло, что незнакомка не спит, а ей плохо, и надо помочь, и эта необходимость помощи была сейчас самым главным, а не раздумья — кто она и откуда; и он бросился к ней и приподнял за тоненькие, до странности покатые плечи. На какую-то долю секунды он замер и ошеломленно глядел на эти плечи, потому что таких не существовало да и не должно было существовать, но потом перед ним всплыл акварельный портрет Натальи Гончаровой, и он, словно напугавшись такого совершенства, отдернул руки и помчался на кухню за водой.

Но вода оказалась ни к чему, потому что он просто не знал, что с ней делать. Вылить на голову он постеснялся, влить в рот не было никакой возможности — губы незнакомки были плотно сжаты. Что же делать? Кричать? Звать «скорую» на помощь?.. Если бы где-нибудь поблизости был работающий автомат! Но Артем точно знал, что поблизости его нет. И к тому же уйти, оставив ее тут? Одну? О, беспомощность современного двадцатичетырехлетнего цивилизованного человека!

И тут он увидел, как оживают ее глаза. Пока еще не ресницы, а только глаза под выпуклыми веками; потом дошла очередь и до ресниц, но они были слишком велики и тяжелы, чтобы открыться. Ну же, торопил он ее, ну же, ну — словно в том, что она откроет глаза, было спасенье от всех сегодняшних бед, от всего сегодняшнего неправдоподобия. Женщина была самым невероятным из всего, что приключилось за этот окуянный вечер, — и не ее появление, а

именно она сама, ни на кого не похожая, не такая. В чем была ее необычность, чужеродность ее естества, Артем понять не успел, потому что увидел ее глаза.

— Фу,— сказал он облегченно и пересел на край тахты,— а я-то...

Но она уже вскидывала руки, закрывая свое лицо, и там, в тесном промежутке между ладонями и губами, уже бился отчаянный, почти детский крик: «Но, но, но, но, но!..» Он схватил ее за руки — крик уже наполнял комнату, отражался от стен, звуча со всех сторон. И потом оборвался. О, черт, опять... И руки ледяные и какие-то бесплотные. Не вставая, Артем потянулся и выдернул из стенного шкафа шерстяное одеяло. Вот так. И давно надо было.

Он закутал ее плечи, лилейные плечи Натальи Николаевны, и наклонился над ней, пристально вглядываясь в ее лицо. Откинулся назад, тихонечко присвистнул. Вот те на,— сказал он себе. Перед ним лежала красавица с растрепанною роскошною косою и длинными, как стрелы, ресницами... Как же это сразу не бросилось ему в глаза? Наверное, сбил с толку отпечаток долгого, непереставаемого страдания на удивительном этом лице. Физического страдания, смутное ощущение которого почему-то живет и в нем, но не в сознании, а в каждой клеточке тела. Чудно как-то. И потом, сам факт появления этой женщины... Он снова вгляделся. И чуть снова не присвистнул. Ей было никак не больше шестнадцати, совсем девчонка, школьница, наверное. Школьница? Виева ведьма, вот она кто. Или агент «Интеллидженс сервис». Ведь кричала же с перепугу: «но, но!» Не русская, значит. А может — эстонка или латышка? Там тоже белокурые.

Виева ведьма — она же агент «Интеллидженс сервис» — тихонечко всхлинула. Артем поправил одеяло. Несчастный замученный подкидыш, невесть откуда взявшийся. Пригрелась, как мышенок на ладошке, и, похоже, уже спит. Горячим бы чаем ее напоить.

Артем поднялся и, все еще чувствуя ватную неуверенность в ногах, побрел на кухню. Хотелось не то есть, не то пить, не то распахнуть окно и свеситься с промерзшего весеннего подоконника. Остановившись на простейшем варианте, он полез в холодильник. Черт с ними, с гостями, хватит им. В крайнем случае завтра утром можно будет сгонять в гастроном. Он вытащил ветчину, масло, абрикосовый компот, — чтобы нагрелась, не давать же ей, такой умученной, прямо из холодильника. А дамы завтрашние обойдутся...

Направившись в комнату, Артем остановился на пороге, потому что с тахты на него глядели немигающие, расширенные ужасом глаза. Сделай он еще хоть шаг — и опять раздастся этот режущий, звенящий крик.

Артем прислонился к косяку. Надо было до-

говариваться. Пусть она не знает русского, но изучают же в школах иностранные языки.

— Спик инглиш?

Глаза даже не моргнули.

— Шпрехен зи дойч?

Слава богу, что нет, а то по-немецки он и сам не знал ничего, кроме одной этой фразы. Но что же тогда оставалось? Он выразительно пожал плечами. Она долго смотрела на него из-под одеяла, потом беззвучно шевельнула губами. Он подался вперед — глаза испуганно заморгали. Она повторила, но так тихо, что ему стало ясно единственное — что она говорит по-французски. Тут у него не было в запасе даже дежурной фразы.

— Париж,— сказал он яростно,— Нотр-Дам, интернациональ, метрополь, революцион, марсельеза...

На этом его словарный запас закончился, дальше приходилось объясняться мимикой. Ничего себе — контакт двух гуманоидов, со злостью подумал он. И это в эпоху космических полетов!

— Меня зовут Артем,— сказал он.— Артем! — и для пущей убедительности постучал кулаком в грудь.

— Меня зовут Дениз,— послышалось из-под одеяла.— Я жаль говорю по-русски плохо.

— О, господи,— у него словно гора упала с плеч,— вы говорите, как сам доцент Васильев на лекции по международному положению! Только отложим переговоры до утра, а то у меня голова разламывается, да и у вас, я вижу, слипаются глаза. Спите спокойно, и да приснится вам ваш родной Таллин.

— Mon Paris...— тихо шепнула она.

— Париж, так Париж,— Артем даже не удивился, ему было все равно, лишь бы поскорее вытянуть ноги.— Дело вкуса.

— Я оттуда родилась,— медленно проговорила Дениз, с видимым трудом подбирая слова.

— Оттуда родом,— машинально поправил ее Артем. И тут до него дошел смысл сказанного.— Ага, значит, все-таки... Не обращайтесь внимания, это я так. Есть хотите?

— Но. Нет.

— Слишком поспешно, чтобы быть правдой. Сейчас я что-нибудь притащу.

Консервный нож куда-то запропастился, и Артем довольно долго провозился на кухне, открывая банку с абрикосами перочинным ножиком. Открыв, выплеснул содержимое банки в пластмассовую селедочницу и понес к Дениз.

— Вот,— сказал он, подходя, и встретил ее взгляд.— О, черт,— он в сердцах поставил селедочницу на стул, оказавшийся между ним и тахтой. Розоватые глянцевые абрикосы с поросычьим самодовольством разлеглись в узкой посудине, красноречиво деля комнату на территории СССР и Франции.— Впрочем, как вам будет угодно.

Он вытер лезвие ножа и попытался сложить его, но руки после давешнего наваждения подрагивали, и нож, так и не сложившись, выскользнул из них и полетел вниз острием. Оба они видели, как лезвие блеснуло в воздухе узкой серебряной рыбешкой, коснулось пола и... ушло в него. Целиком. Словно это был не паркет, а густой кисель или глинистый раствор. Еле уловимое кольцо побежало, расширяясь; его слабая тень скользнула под ботинки Артема — и все исчезло.

Артем ошеломленно глядел на пол, где произошло это очередное чудо. Потом поднял голову и встретился глазами с Дениз. Будь она хоть капельку не такой, у него не появилось бы мысли обвинить ее во всем происшедшем, но гнетущая, недевичья красота невольно делала ее причастной ко всей этой чертовщине. Все. Хватит с него этих фокусов, сыт по горло.

Он рванулся в переднюю и сдернул с вешалки плащ. Он еще не знал, что будет делать — переночует у кого-нибудь из друзей, проболтается до утра по стылым весенним улицам или попросту найдет работающий автомат и заявит о незнакомке в соответствующие органы, — но терпеть такое издевательство над собственным рассудком больше не мог. Он распахнул входную дверь, вылетел на лестничную площадку своего девятого этажа...

...и увидел вокруг себя серебряный сумеречный сад.

Черные мультипликационные пирамидки деревьев, равномерно подклеенные к нижней кромке тусклого неживого неба; темная фольга прямых, точно рельсы, дорожек, а между ними — разливы светло-серых жемчужных цветов, словно бы не выросших из земли, а перелившихся через край волшебного горшка, который вместо манной каши варил и варил бесконечную цветочную массу, пока она не переполнила этот игрушечный мир...

А посреди сада, замороженного пепельным мерцающим полусветом, стойким отсутствием каких бы то ни было запахов и особенной, клейкой тишиной, как уже нечто совсем естественное возвышался крошечный диснеевский домик. Неправильность формы позволяла угадывать в нем планировку стандартной однокомнатной квартиры; сложен он был из серого кирпича и накрыт двускатной крышей из настоящей соломы. Ничего себе шалаш! Трубы вот не было, зато на входной двери нелепо и трогательно белел квартирный номер. Артем тихо, чуть ли не на цыпочках, пошел вокруг дома, все время плечом и ладонью касаясь шершавой стены, — отойти даже на полшага было как-то боязно. Поворот, и под его пальцами зашуршали обои. Ну да, в этом месте должна была находиться великолепная квартира соседа Викентьича, беспалого мясника, уже успевшего повадиться к Артему за сигаретами. Но от квартиры остались только уны-

лые обои, кое-где подранные матсырым сторожевым кобелем.

А за следующим углом шли окна. Его окна. Сперва кухонное, с перышками зеленого лука на подоконнике там, внутри, а затем комнатное, сдвоенное с балконной дверью. Балкон лежал прямо на земле, и, ухватившись за его чугунные перильца, Артем вдруг отчетливо представил себе, как почва расступается под ногами, восставляя прежнюю девятиэтажную пропасть между балконом и настоящей землей. Страх перед этой воображаемой пустотой был настолько велик, что Артем чуть было не перемахнул через перила; но сквозь стекло была видна тахта и на ней — лежащая вниз лицом Дениз. «Но-но», — прикрикнул он на себя, заставил оторваться от спасительных перил, рысцой промчался вдоль последней стенки и, ударившись всем корпусом о входную дверь, очутился в прихожей.

Дениз не шевельнулась, словно не слышала его шагов. Артем подошел к тахте и тяжело опустил на край.

— Я только что был там, — он ткнул большим пальцем в сторону окна. — На уровне девятого этажа — эдакий сад Семирамиды, посреди сада — плешь, а на ней — наша хибара. Хочешь взглянуть?

Она подняла голову, посмотрела в темное окно, потом едва слышно произнесла:

— Mais c'est égal, — и снова опустила голову.

И тут он перепугался по-настоящему. Кем бы она ни была — но он-то был мужчиной, он был старшим и сильнейшим. Он не знал ни слова по-французски, но прекрасно ее понял — ей все равно, и в такой степени, что она не будет ни есть, ни пить, а свернется под одеялом в маленький холодный комочек, словно птенец, брошенный в гнезде, и очень даже просто помрет. А он так и не будет знать, что же с ней делать, ведь теперь уже никак не добежишь до автомата и не позвонишь ни в «скорую», ни куда-либо еще.

— Вот что, — сказал он решительно, — придется тебе меня слушаться. Сейчас мы поужинаем.

Вода на кухне исправно шла — и горячая, и холодная. Газ исправно горел. Артем согрел чай, почти насильно напоил Дениз. Самому ему есть не хотелось, но положение старшего обязывало, и в качестве наглядного примера он с хорошо скрытым отвращением запихнул в себя пару полнотелых марокканских сардинок.

— На моих часах половина одиннадцатого. А, черт, стоят... За окном темень, ни огонька на горизонте. Поэтому на правах старшего откладываю все вопросы на завтра и приказываю всем спать. Я лично устал, как собака.

Он старательно запер двери и проверил окна, потом вытащил ящик с инструментами и нашел там маленький, недавно наточенный топорик. Не ахти какое оружие, но все-таки.

— Подвисься, — сказал он. Дениз отчаянно захлопала ресницами. — Подвисься, подвисься. Тебе же все равно.

Она испуганно прижалась к стене. Артем сунул топорик под подушку и блаженно вытянулся подле Дениз.

— Есть у нас такая пословица, — пробормотал он, закрывая глаза, — «с милым рай и в шалаше». Не слыхала? — Подушка под щекой шевельнулась: Дениз не то кивнула, не то покачала головой. — Так вот, рай налицо, шалаш тоже вполне комфортабельный, «с ванной, гостиной, фонтаном и садом». Как там дальше?.. «фонтаном и садом... только смотрите, чтоб не было рядом...» Знаешь, что во всей этой петрушке самое страшное? — Дениз затаила дыхание. — Именно то, что рядом никого не наблюдается. Мы здесь одни.

Он проснулся.

Было до изумления легко. Воздух щекотал внутри при каждом вдохе; руки, поднятые для того, чтобы закинуть их за голову, взлетели сами собой. И вообще все было — лучше некуда, тринтрава и море по колено. А если что и не так, то только для того, чтобы преодолеть, переделать, перестроить.

Состояние легкого опьянения. Осторожно, Темка! Пока ты спал, с тобой что-то сделали. А может, не с тобой, а с тем, что тебя окружает. С воздухом, например.

Артем нашарил в кармане примятый за ночь коробок, чиркнул спичкой. Вспышка была несколько ярче, чем следовало ожидать. А может, показалось? Он чиркнул еще раз и тут вспомнил про Дениз. Вот осел, напугаю спящего человека...

Он осторожно спустил ноги с тахты, встал, выбрался в сад. Веселье, неестественное, пришедшее откуда-то извне, медленно улечивалось. М-да, где же мы находимся? В голову лезла всякая ерунда вроде лишайников, которые обязаны произрастать только с северной стороны дерева, или муравейника, который, напротив, предпочитает сторону южную. Ни муравейников, ни лишайников в этом райском саду не наблюдалось. Утренний рассветный сумрак стремительно таял, но нигде в равномерных просветах между деревьями не проступало ни мутного пятнышка прячущегося солнца, ни абрикосового блика зари. Небо было затянуто легкими, но необыкновенно низкими облаками. Казалось, весь сад накрыт прозрачным студенистым колпаком. Ни шороха, ни ветерка.

Он вернулся.

— Вставай, — он присел на тахту, положил руку на одеяло, где угадывалось узенькое, покатое плечо. — Вставай, Наталья Николаевна. Не вздумай только пугаться, как давеча.

Она обернула к нему свое лицо, подрагивающее незабытым вчерашним ужасом. Его опять поразило это нереальное, принадлежащее не природе, а живописи лицо.

— Проспали, — сказал он нарочито громко, пытаясь разрушить наваждение ее немерцающей, застывшей красоты. — По звездам надо было определяться. Север, юг и все такое. Сейчас туман. — Она смотрела на него, видимо, не понимая, что он говорит, и он так же не понимал и не слышал собственных слов. — Облака над самой головой. За деревьями они ложатся прямо на землю. Только туман и посередине этого тумана мы. Ты и я... Да вставай же, — закричал он с отчаянием, — вставай, навязалась тут на мою голову...

Она послушно поднялась и пошла в ванную, ступая боязливо и легко, словно пол, так загадочно поглотивший злополучный ножик, мог снова расступиться. На пороге она застыла, удивленно прислушиваясь, но не к внешним звукам, потому что кругом была прежняя стойкая тишина, а к чему-то своему.

— Странно, — сказала она спокойно, — я вся... *légere*, легкая. Я нужно только отдохнуть...

Она не договорила, словно не могла еще определить, что же она сможет после того, как отдохнет.

— Так что же тогда? — почему-то шепотом спросил Артем.

Она постояла еще, притихшая и сосредоточенная, потом медленно подняла на него спокойные глаза:

— Тогда я могу... летать.

— Да, — сказал он, — да, конечно... — и даже про себя не усомнился в том, что она действительно это сможет. Он представил себе, как Дениз выходит на балкон, наклоняется вниз, через перила... Да, он же забыл, что теперь балкон лежит прямо на земле. Но все равно, все равно... Она встанет на перила, подпрыгнет и, даже не взмахнув руками, начнет легко подыматься вверх, к студенистому серому колоколу, накрывающему весь сад. Контуры ее тела станут смутными, размытыми, вот она...

Хлопнула дверь — Дениз исчезла в ванной.

Артем шумно выдохнул воздух и встряхнулся, словно селезень, вылезший из пруда. Положительно, пока он смотрит на Дениз, в голову лезет форменная чушь. Оказаться невесть где, бог знает с кем и уже совершенно непонятно — для чего, и с утра пораньше пялить глаза на эту куклку... Тьфу. Значит так: быстро закусить, собраться и идти на разведку. В конце концов, не на десятки же километров тянется этот сад. Где-то он должен кончиться. Дойти до этого конца, а там будет видно, что дальше.

— Ты готова? — спросил он появившуюся Дениз. — Садись, ешь. Сейчас ты останешься тут,

а я хоть немного осмотрю окрестности.

Она отчаянно затрясла головой.

— Не трясись, а слушай, когда тебе говорят. Если бы тебя хотели отсюда увести... Да не делай ты такие страшные глаза! Пойми, раз уж нас с тобой засадили в этот персональный шалашик, значит, кому-то надо, чтобы мы тут сидели вдвоем. А сделать с тобой что угодно у них было и время, и возможности. Однако обошлось. Так что сиди тут и от дома не отходи. Топорик на тахте, это на всякий случай. И не раскисай.

Он хотел дружески похлопать ее по плечу, но вовремя остановился. Черт побери, он совсем забыл, что у нее плечи, отнюдь не созданные для того, чтобы по ним дружески похлопывали...

— Держи хвост морковкой, Наталья Николаевна,— сказал он неестественно бодрым тоном и шагнул за порог.

Прямо от порога веером разбегались дорожки — добрая дюжина, не меньше. Итак, выберем простейший вариант — идти прямо, чтобы домик все время оставался за спиной. Он прошел десятка два шагов по абсолютно прямой дорожке и оглянулся.

Дорожка за ним змеилась, причудливо меняя направление, домик оказался не сзади, а гораздо левее. Артем стиснул зубы. Ну уж нет, на эти голевские штучки я не поддамся. Не пьяный казак. Не напугаете... Он заставил себя повернуться и идти дальше. Проклятая дорожка ныряла в бесшумную громаду высоченных кустов, намертво переплетшихся между собой крупными, с добрую куриную лапу, колючками.

Артем решительно зашагал вперед. Узенькая тропочка все петляла, выскальзывая из-под ног; она была усыпана крупным, как хорошо прожаренная греча, красноватым песком. Артем все не мог понять, что же необычного, не такого в этом песке; потом до него дошло: на нем не остается следов. Никаких. Чтобы убедиться в своей догадке, он присел и пальцем вывел большое каллиграфическое «Д». Пока подымал руку — все исчезло, словно было написано на воде. Ни рытвинки, ни бороздки.

Только красный прожорливый песок, в котором можно исчезнуть без следа.

Он бросился назад. Поворот. Еще поворот. Врезался в цепкий, нависающий над тропочкой куст. Выдрался. С мясом. Снова побежал. Скорее. Только скорее. Споткнулся. Корень. Черт, какой еще там корень? Не было никаких корней. И деревьев, когда шел туда, никаких не было — только кусты. Совершенно точно не было. Где-то он свернул со своей тропочки. Не заметил, как она разветвляется. Назад!

Назад. Вот он и бежит назад. Бежит уже больше полкилометра, и никаких развилки, и ничего похожего на прежнюю тропинку. Чаща кругом. Зачем он повернул? Чего испугался? Пройти бы еще немного, ну, пес с ними, с де-

ревьями, может, они и были. Он сейчас уже выходил бы к дому. Назад!

Назад. А деревья уже ствол к стволу. Спокойно и не бежать. Мучительно хочется пить. Идти спокойно. Спокойно идти назад. Вот так. В который раз он уже поворачивает назад? И в какой стороне вообще его дом? Хоть бы какой-нибудь захудалый ориентир... О солнце он даже и не мечтал. Дымчатое брюхо серого мышастого неба провисло над самыми верхушками деревьев...

Прошло около часа, пока он не сообразил, что надо просто влезть на дерево и оглядеться.

Он выбрал то, что казалось ему повыше остальных, продрался к нему и сбросил ботинки. Ствол был гладким, добраться до нижних ветвей было чертовски трудно. Но дальше пошло легче, и возле самой вершины Артем высунул голову из ветвей и огляделся.

Такое, наверное, и называют девственным лесом. Море зелени, удивительно однотонной зелени, ни пятнышка хоть немного другого оттенка. Словно весь этот массив поливали с вертолета ядовито-изумрудным купоросом. Если бы не тропинка, аккуратно посыпанная крупнозернистым железистым песком, он сказал бы, что в этих краях никогда не ступала нога человека.

А точно ли внизу есть тропинка? Его нисколько не удивило бы, если б и она исчезла. Но тропинка оказалась на месте, и, прыгнув на нее, Артем снова не мог определить, с какой стороны он подошел к этому дереву. А не все ли равно? Оставалось идти, куда глаза глядят. Или вообще никуда не идти. Что толку метаться взад и вперед, если сезам закрылся, навсегда замкнув поляну, подернутую легкой накипью светло-серых цветов? Какие новые неестественные красоты уготованы ему на том или другом конце этой тропинки, и главное — с какой целью? С этого проклятого вечера — он уже не решался сказать: вчерашнего вечера, — когда он с грохотом опустил на пол сумку и сетку с консервами в своей настоящей, ленинградской квартире, кто-то упорно и методически измывался над его здравым рассудком. Кажется, в одном из концлагерей пытались установить, сколько времени может выдержать человек в разреженном воздухе. Или на восьмидесятиградусном морозе.

Не ставят ли и над ним какой-то чудовищный опыт, определяя, сколько чудес подряд может выдержать обыкновенный человеческий мозг? А если это так, то кем была Дениз — сообщницей или тоже подопытным белым мышонком?

Он плюхнулся на дорожку, взрывая ботинками песок, и в тот же момент услышал близкий зовущий вскрик: «А-а!»

Кричала Дениз, и не в полный голос, как от боли или от страха, а чуть недоуменно, вопрошающе. словно — где ты?

И снова: «А-а!» — и теперь это был уже страх.

Он вскочил и, ни о чем не думая, ринулся прямо в заросли, на этот голос. И когда, наконец ободранный, выбрался на полянку, домик стоял в каких-нибудь десяти шагах от него, и на пороге, поджав под себя ноги и рассыпав на коленях светло-серые цветы, сидела Дениз.

Артем помедлил, переводя дыхание, потом прошел эти десять шагов и, поддернув привычным жестом брюки на коленях, присел перед ней на корточки.

— Ну, что? — спросил он. — Напугалась?

— Да, — с готовностью согласилась Дениз, — вы были так долго... там, — она неопределенно махнула ладошкой. — Я хотела позвать...

Она запнулась и опустила голову. Смутное подозрение опять поднялось в нем: она не хотела отпускать его. Потом все эти фокусы со змеящимися и теряющимися дорожками, а когда он демонстративно решил не трогаться с места — она тут же позвала его. Уж не затем ли она здесь, чтобы удерживать его в этом домишке?

— Ну, дальше, — Артем пристально смотрел ей в лицо. — Ты хотела позвать меня. И что же?..

— Я звать... я хотела... Я забыла имя. Ваше имя. Не так? Ваше имя...

Он приготовился не поверить ей. Что бы она ни сказала — он должен был не поверить. Но эти слова, произнесенные с детской беспомощностью... Значит — белая мышка?

— Ар-тем, — сказал он. — Меня зовут Артем. Темка.

— Артем... Мсье Артем.

— Ох, только без этих импортных обращений. Просто — Артем.

— Артем. Артем. Артем.

— Ну, вот и умница. Больше тебя ничто не тревожит?

— Я боюсь завтра... боюсь завтра проснусь... вас нет. Памяти о вас нет. Ничего нет.

Артем посмотрел на нее удивленно.

— Тебе же все равно!

— Это пока вы тут... рядом.

Вот тебе и на!

— Не бойся, больше я тебя не брошу. Это, конечно, была глупость, что я пошел один. И если бы ты не позвала меня... А между прочим, почему ты не спрашиваешь, что я там увидел? Может быть, замок людоеда?

— А это мне все равно.

— Там только сад, бесконечный сад. Но это такой сад, что если мы уйдем с нашей поляны, то уже вряд ли к ней вернемся.

— Зачем — уйдем?

Он встал и молча прошел в дом. Хотелось бы обойтись без объяснений.

— Собирайся, — коротко велел он. — Приказ по гарнизону.

Дениз растерянно смотрела с порога, как он запикивает в спортивную сумку хлеб, консервы и термос.

— Это тебе, — он кинул ей свой свитер. — Ночью может похолодать.

Он притворил за собой дверь и даже не оглянулся. Этот игрушечный шалашик не был его домом, чтобы жалеть о нем.

— Иди вперед, — он пропустил ее перед собой на узенькой — двоим не разойтись — тропинке. — И пора, наконец, познакомиться поближе.

Она ничего не ответила.

— Ты кто такая?

Несколько шагов она прошла молча, словно обдумывая ответ, потом на ходу обернулась, и он увидел профиль ее спокойного, прекрасного лица.

— Ты русская? — глупый, конечно, вопрос.

— Мама.

— Ясно. Жертва революционных миграций. Как Марина Влади.

— Нет. Война.

— Что, угнали немцы? Тогда прости.

— Да. Немцы. Лагерь... так? Отец и мама были встретиться, а разлучаться — никак...

Девчонка как девчонка, школьница, только чересчур смазливая школьница. Ей бы в актрисы. За границей, говорят, сплошь и рядом — не профессионалки. А может, она уже сейчас — профессиональная актриса? Давешний испуг, и визги, и бессильные, не свои руки? Да ведь если бы она была просто девчонкой, русской ли, француженкой, — давно должна была бы протянуть ноги от усталости. А эта идет. Все идет и идет, не оставляя следов на крупном, не хрустящем под ногами песке.

— Может, ты все-таки устала?

Она продолжает идти, не оборачиваясь. Ну да, ведь он не имеет никаких прав на заботу о ней. Никаких прав, пока у нее остаются хоть какие-нибудь силы. Когда силы кончатся, права возникнут сами собой.

— Может быть, я пойду первым?

Это чтобы не видеть ее перед собой. Но она снова не отвечает и продолжает бесшумно двигаться впереди него.

Они идут, идут, идут, и уже нестерпимо кружится голова от бесчисленных поворотов, и хочется упасть ничком и лежать, как лежала она, когда он впервые увидел ее на тахте в собственной, но уже не своей комнате. Лежать, как будто тебя бросили, и даже не пытаться изменить положение своего тела.

Дениз остановилась так внезапно, что Артем невольно сделал еще один шаг и обнял ее за плечи — встать рядом на этой тропинке было невозможно. Дениз подалась назад и запрокинула голову.

— Все, — выдохнула она. — Я кончилась. Все.

Он ждал, что так случится, но теперь вдруг растерялся.

— Еще немного, Дениз, — забормотал он, словно это немного могло хоть что-нибудь

изменить. — Может, впереди встретится поляна...

Они шли уже несколько часов, и никаких полян не было. Только две стены колючих кустов и прожорливый песок тропинки.

— Я понесу тебя.

Она замотала головой.

— Тогда что ты предлагаешь?

Плечи ее уходили у него из-под ладоней; он сжимал их все крепче, но ничто не помогало — она исчезала, вытекала из его рук... Подхватить ее он успел. Поднял. Какое легкое тело, еще легче, чем он себе представлял. Ага, поймал он себя, а ты, оказывается, уже представлял ее у себя на руках. И когда только? Он старался идти размеренным широким шагом. Как верблюд. А ведь легкость тела обманчива. Даже вот такое, почти невесомое, оно через пятьсот шагов станет невыносимой тяжестью. Это он знал точно, знал из той, позавчерашней жизни, что осталась по ту сторону холодильника и сетки с консервами, брякнутыми об пол. Но вот кого он нес тогда? И не вспомнишь теперь, да и неважно это.

— Артем, — вдруг сказала Дениз в самое ухо, — отпустите меня.

— Что это ты вдруг? — спросил он, осторожно переводя дыхание между словами. Разговаривать, когда несешь кого-нибудь на руках, это уже совсем пропащее дело.

— Отпустите меня. Совсем. — Артем молча шел вперед, стараясь прикрывать рукой ее голые колени — чтобы не очень ободрать их о сизые лапчатые колючки, вылезшие чуть ли не на самую середину дорожки: — *Si vous ne me laissez pas partir aussit...*¹ — крикнула она высоким и злым голосом.

— Не кричи мне в ухо, — попросил Артем.

Она ткнула ему носом в шею и при-молкла.

— Подожди... Должна же нам встретиться хоть одна поляна.

И тогда за поворотом послушно появилась ровная плюшевая прогалинка.

Он присел и, все еще не отпуская Дениз, провёл свободной рукой по траве — она оказалась легкой и сухой, словно сено.

— Ну вот, можно и ноги вытянуть. А ты пищала...

Дениз промолчала. Он опустил ее на теплую траву, в которой не стрекотал ни один кузнечик, не копошился ни один жучок. Мертвый кустарник, мертвая поляна.

И вконец измученное, осунувшееся лицо Дениз. Вот это уже никак не может быть игрой. Даже если она когда-нибудь и станет знаменитой актрисой, ей и тогда не удастся сыграть так правдоподобно.

А что, если она все-таки что-то знает? Застать ее зрасплох — если не проговорится, то хотя бы растеряется.

— Где мы находимся? — спросил он быстро.

Она обернула к нему свое спокойное, как всегда, лицо:

— Вы спрашиваете меня?

Она не знала. Не могла она знать и так при-творяться.

— Мы не в Европе.

Она не возразила.

— Нас везли, и довольно продолжительное время. Мы не в Африке — здесь не жарко. Да и растительность средних широт. Дальше. К нам не проникают ни звук, ни ветер — значит, мы в маленькой долине, окруженной горами. Высокими горами. Есть ли такие горы в Австралии? Помоему, нет. Но мы не высоко в горах, иначе нам было бы трудно дышать. Логично? Теперь, густая облачность указывает на близость воды. Вода рядом, и ее много. Может быть, это океан. Но таких безлюдных гор на побережье Азии я что-то не припомню. А ведь имел четверку по географии. Остается Южная Америка, Анды. Ты очень устала?

Дениз молча покачала головой.

— Хорошо, если бы мы к вечеру дошли до этих гор. Долина должна быть крошечной, иначе в ней зародился бы ветер.

Ее рука машинально поднялась, словно ветер был чем-то осязаемым, что можно нащупать пальцами. Рука упала.

У Артема язык не поворачивался сказать: «ну, пошли!». Дешевое рыцарство. Но ведь надо же, надо!

— Дениз... — это почти виновато.

— М?

— Идем, Дениз.

Она тихонечко вздохнула и поднялась.

Они так и шли до самой темноты — сперва Дениз медленно брела впереди, потом виновато оглядывалась, и Артем брал ее на руки. Потом им попадалась поляна, они лежали рядом и глядели друг на друга, потому что вверху было неподвижное, словно застывшее в какой-то момент падения, небо, на которое смотреть было просто страшно.

Потом они подымались и шли дальше. Темнота наступила внезапно. Некоторое время они еще брели, но больше спасительных полян не попадалось.

— Ничего, — сказал Артем. — Это не самое страшное. Песок на дорожке совсем теплый.

Он стал расстегивать куртку, чтобы расстелить ее, и тут впереди блеснул огонек. Они не побежали, и не потому, что Дениз едва передвигала ноги, — нет, в этот вечер у них еще оставалась какая-то осторожность. Они бесшумно крались вперед, пока огонь не стал освещенным окном. Цепляясь за какой-то крошечный

¹ — Если вы меня сейчас же не отпустите...

заборчик, Артем приподнялся и, прячась за косяком, заглянул внутрь.

Мятая тахта с клетчатым одеялом, пустая седлочница на стуле посреди комнаты, на пороге — черный свитер, все-таки забытый Дениз.

Артем оцепенело рассматривал все это, не понимая, не желая, не смея понять, что это тот самый дом, от которого они сегодня утром ушли, не оглядываясь, ушли, оставив его за спиной.

— Кто там есть? — робко спросила Дениз из-за его плеча.

Если бы там кто-нибудь был!

— Никого, — сказал он, пропуская ее вперед. — Можешь никого не бояться.

Никого, только тот же дом, пустой, ожидающий их возвращения. Как капкан. Дверь за спиной захлопнулась, и Артем невольно протянул назад руку — попробовать, откроется ли она еще раз. Дверь мягко подалась. Вот, значит, как, — капкан, из которого можно выйти. Они уже попробовали это сделать. Ну, что же — завтра вторая попытка.

— Ты только не засыпай, — сказал он Дениз, — я сейчас сварю кофе, а то завтра ты и вовсе с ног свалишься.

Но она уже лежала на тахте, совсем как вчера, словно легла не сама, а ее бросили, как бросают снятое платье. Он повернулся и на цыпочках пошел на кухню. И там все было так, как вчера. Батон в полиэтиленовом мешке, колонка банок на дне холодильника. Даже абрикосы. Может, он их не открывал? Да нет, было такое дело, еще и нож... Нож лежал на столе. Перочинный ножик за два рубля пятнадцать копеек. Тот самый. А кофе? И кофе в жестянке столько же, сколько было вчера вечером.

Есть расхотелось.

Он вернулся в комнату, осторожно подвинул Дениз к стенке и улегся рядом. Она приоткрыла глаза.

— Между прочим, — сказал он доверительным шепотом, — мы действительно в райском саду. И холодильник в роли скатерти-самобранки.

Она чуть поморщилась — досадливо и безразлично.

— Нет... не сад... — пробормотала она, засыпая. — Сад — цветы... Райский сад — *paradis*, яблони...

Артем шумно фыркнул и тут же скосил глаза — нет, ничего, не проснулась. Усмехнулся уже беззвучно. Яблонь ей не хватает. Тоже мне Ева. Всмотрелся в ее лицо.

Десятки веков должны были пройти, чтобы могло уродиться на земле такое вот чудо. Уродиться-то уродилось, да вот на что? Уж лучше б ему подкинули свою девчонку, хотя бы первокурсницу из политехнического. Привил бы ей элементарные туристские навыки, чтобы через

сотню шагов не просилась на руки, покрикивал бы время от времени для профилактики, иногда щелкал по носу. Топали бы они по этому паршивому раю, распевая песни Высоцкого, а когда добрались бы до тех, кто все это устроил, — за нее можно было бы не бояться, даже если дело дойдет до рукопашной.

А эта? И девчонкой-то ее неудобно называть. В старину говорили — лицо, выточенное из алебаstra. Капризная складочка в уголке рта. Яблонь ей не хватает...

А когда наутро они проснулись, было совсем светло, и за окном пламенела огромная пятиугольная клумба. Клумбу венчал фантастических размеров зеленый цветок.

Слева и справа от клумбы торчком стояли две виноградные лозы, увешанные рыжими, как помидоры, яблоками.

— Подымайся, принцесса, — сказал Артем как можно веселее, чтобы она не заметила его непрерывно растущей тревоги. — Тутешнего Мерлина нелегкая дернула выполнять твои капризы. Вежливость требует хотя бы взглянуть.

Держась за руки, они подошли к клумбе. Бездарнейший разгул красок, все оттенки рыжего, алого и фиолетового, а цветы одинаковые — примитивные пять лепестков, крошечная бутылочка пестика и редкая щетинка тычинок. Просто цветок. Не ромашка, не сурепка, даже не куриная слепота. Ботаническая схема. Он попытался припомнить деревья, виденные вчера, — и с ужасом понял, что это были не тополя или березы, а тоже что-то среднее из всех деревьев, безликое, мертвое в своей абсолютной правильности.

Но то, что поначалу они приняли за громадный светло-зеленый цветок, вообще цветком не было. В центре клумбы нагло утвердился тугой пудовый кочан капусты.

— Артем, — проговорила Дениз, поднимая на него спокойные, совсем не испуганные глаза. — Мне страшно, Артем. Это сделать... Это мог... — она не стала подыскивать слово, а помахала растопыренными пальцами возле головы.

Артему и самому было страшновато. Он давно уже догадался, что они находятся во власти какого-то безумного, всемогущего маньяка, и вопрос заключался в том, как долго это безумие будет оставаться в рамках безопасного.

Артем наклонился к Дениз и быстро приложил палец к ее губам. Потом показал на уши и сделал неопределенный кругообразный жест. Дениз поняла. Еще бы не понять: ведь то, что она пожелала вчера вечером, было произнесено чуть слышно, в подушку. И все-таки ее услышали.

Примитивные микрофоны. Вот, значит, как... Они вернулись в дом, наскоро поели и собрались, не говоря ни слова. Вышли.

— Вчера мы пошли прямо, — нарушил молчание Артем. — Возьмем другое направление,

хотя мне кажется, что домик стоит не на прежнем месте.

Он не боялся говорить это вслух, потому что это и так очевидно. Виноградные лозы с помидорообразными плодами там и тут вклинились в монотонную зелень кустарника, да и дорожек было значительно меньше, чем вчера, — только три. Они выбрали ту, что вела влево. Шли медленнее, чем вчера, отдыхали чаще — и все-таки к полудню Артему стало ясно, что тащить Дениз дальше просто бесчеловечно.

Плюшевая лужайка, испещренная брызгами примитивных пятилепестковых цветов, была к их услугам. Артем вскрыл бессмертную банку с абрикосами, разложил бутерброды. Заставил Дениз поесть. Вообще он только и делал, что заставлял ее — есть, идти, вставать, ложиться. Подчинялась она безропотно. Сейчас он вдруг понял, что это было неслыханным мужеством с ее стороны. Ведь ее, наверное, на руках носили. С ложки кормили. Ведь не просто же так выросла вот такой, ни на кого не похожей. Принцесса. Принцесса Грёза. Совсем девочка и совсем женщина. Вконец изнеженная и бесконечно стойкая. Принцесса Грёза. Вот она какая...

Он скосил глаза — принцесса Грёза лежала на траве, свернувшись в маленький золотистый комочек, словно рыженькая морская свинка.

— Ну, что, — спросил он, наперед зная ответ. — Кончилась? Больше не можешь?

— Могу. Но — зачем? Зачем идти? Ведь мы не идем... домой. И никогда. Домой — никогда.

— Но-но, — прикрикнул он, холодея от сознания ее правоты. — Ты это брось, принцесса... — он нагнулся над ней и просунул руку под голову, где тепло ее волос было неотличимо от человеческой теплоты сухой шелковистой травы.

Уже привычным движением он поднял Дениз на руки.

— Зачем? — голос у нее такой, словно ей исполнилось по крайней мере пятьдесят лет. — Я прошу — зачем? Останемся здесь.

— Ну что же, — он медленно опустил ее. — Оставаться, так оставаться. Вечер уже недалеко.

Вечер наступил еще раньше, чем они ожидали, и когда стало совсем темно, в каких-нибудь тридцати шагах от них призрачно замаячило освещенное окно. Тот же дом, что и вчера, тот же дом и та же банка абрикосов на холодильнике, словно кусочек сала на крючке мышеловки.

Назавтра они снова пошли, теперь уже направо; через день они пошли назад, и еще несколько дней пытались уйти от этого непрошеного возникавшего перед ними жилища, и каждый раз к вечеру они находили перед собой освещенное окно и незапертую дверь. Ландшафт, правда, менялся. Капустные лужайки чередовались с помидорными виноградниками, берега ручьев с зеленой морской водой уступали место щербатым

скалам из чистейшего аметиста — но неизменным был домик, подстерегавший их в момент последней остановки.

— Все, — наконец решился Артем. — Завтра мы никуда не пойдем. Будем тупо сидеть и ждать, что с нами сделают.

Они прождали весь день, и самым томительным было то, что никто не пытался с ними ничего сделать. Они ждали, и ожидание становилось невыносимым.

И тогда Дениз нашла единственный выход.

— Довольно! Здесь все мертвое — небо, трава, мы... Это наша судьба, понимаете, Артем? Судьба. Так? Мы умрем. Но ждать... Понимаете? Я прошу, лучше сами! Разве нет?

Артем внимательно посмотрел на нее.

— Решительно сказано.

Он задумчиво почесал подбородок. Дениз, разумеется, брякнула это в силу эксцентричности женской натуры. И тем не менее — устами младенца...

А может, и вправду — маленький эксперимент?.. Только немножко мужества и выдержки со стороны этой принцессы. Цель? Вынудить противника обнаружить себя — когда он явно этого не желает; заставить его сделать выпад — когда он намерен только наблюдать и подслушивать. Эксперимент, конечно, белыми нитками шит, но ведь условный «противник» — совершенно очевидный псих, может, и сойдет?

— А не струсил, принцесса?

Дениз вскинула подбородок — ни следов отчаянья, ни мелочной обидчивости. Недетская спокойная готовность подчиниться его воле и разуму.

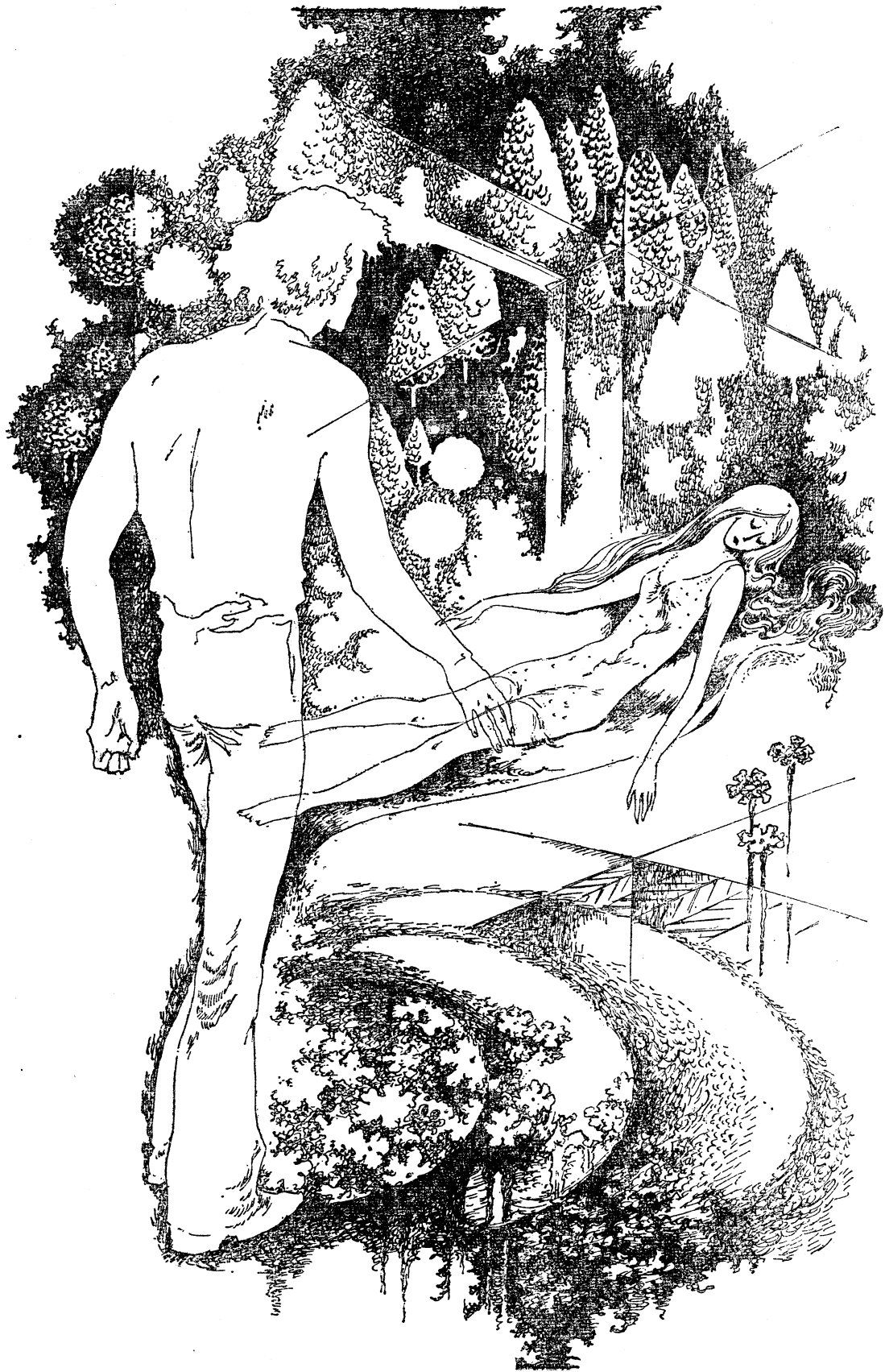
— Тогда так, — Артем взял со шкафа несколько старых газет, скомкал их и сложил на полу, возле входной двери, чтобы дым сразу потянуло наружу — заметнее будет.

— Нас затащили сюда, — продолжал он громко и демонстративно, — но, по-видимому, мы оказались ненужны. Возвращать нас не собираются. Я согласен с тобой — лучше умереть сразу, чем жить в неизвестности и без всякой надежды на возвращение.

Он поджег бумагу и вернулся на тахту. Сел рядом с Дениз, взял ее руки в свои, чтобы не напугалась. Дениз глядела не на огонь, а на него, глаза были внимательные и ничуть не испуганные.

Газеты разгорались, первые высокие языки уже лизали дверной косяк. Что ж, изящный ход. Раз уж их притащили сюда, создали специально для них этот диснеевский шалаш, кормят и поят, да еще стараются выполнять все «разумные» желания, — значит, — они кому-то очень нужны. Так пусть этот кто-то принимает меры по спасению своих живых экспонатов.

В комнате неожиданно запахло паленым мясом, хотя ни дверь, ни стена упорно не хотели

загораться. По серой плоскости двери пробежала дрожь, словно дунули на поверхность лужи, а потом она потекла, разом, будто была сделана из одного куска сливочного масла. Тошнотворный сиреневый дым метнулся в образовавшийся проем, и в полумгле стремительно наступающего вечера они увидели четкую фигуру человека, стоявшего в конце дорожки.

Артем вскочил и, перепрыгнув через тлеющую грудку бумаги, пулей вылетел из домика и бросился навстречу незнакомцу. Только бы не исчез, только бы...

И тут же налетел на невидимую упругую стену. Прозрачная поверхность спружинила и отбросила назад. На руках и лице остался клейкий, раздражающий налет, словно он врезался в тело огромной медузы. Артем невольно вскинул руки к лицу, чтобы стереть эту клейкую слизь, но ощущение оказалось обманчивым — кожа была суха. Стараясь освободиться от этого ощущения, Артем принялся тереть лоб и щеки, а когда отвел руку, то увидел, что незнакомец стоит уже в двух шагах от него, по ту сторону прозрачной преграды.

Какую-то долю секунды они пристально вглядывались друг в друга. Но незнакомец тут же перевел свой взгляд выше головы Артема, словно не испытывал ни малейшего любопытства, как при встрече с чем-то незначительным или чересчур привычным. Артему, в свою очередь, разглядывать оказалось нечего, так как лицо незнакомца представляло собой нечто среднее из всех обычных мужских лиц. Просто лицо. Как у анатомического муляжа.

Незнакомец шевельнул губами, и Артему показалось, что слова, удивительно правильно произносимые, звучат с некоторой задержкой по отношению к движению губ.

— Чего вам не хватает? — с расстановкой произнес незнакомец.

Артем шагнул вперед и оперся ладонями о клейкую поверхность разделявшей их стены.

— Мы хотим знать, где мы и у кого мы. Мы хотим знать, по какому праву вы похитили нас. Мы хотим знать, какого черта вам от нас нужно.

Незнакомец снова зашевелил губами.

— Завтра утром, на рассвете, я буду говорить с тобой.

Стена замутилась, подернулась дрожью, как шкура потревоженного животного, стала совсем непрозрачной. Сзади слышались шаги — осторожно подходила Дениз.

— Видела? Мне кажется, именно эта рожа появилась у меня за окном, чтобы выманить на балкон. А когда тебя умыкали — ты никого не заметила?

Дениз старательно наморщила лоб.

— Я спала. Открывала глаза — я плыву... как сказать... вот так, между комнаты. Не так? Я плыву, все кругом чуть-чуть темно, и человек, я не

знаю его, делает так... руками. — Дениз выставила вперед ладонки и слегка помахала ими, как машут на облачко дыма. — И я плыву, быстрее, быстрее, словно я... как сказать... дерево, нет, тополь, топольный... так?... о-дуванчик! — она с облегчением вздохнула. Когда ей приходилось составлять простую фразу, все шло гладко, и Артем порой даже удивлялся правильности ее русского языка; но стоило ей пуститься в подробности — начиналась такая смесь русского с французским, что в ней безнадежно тонул всякий смысл. — Но там, дома — другой человек. Другой лицо... — она быстро глянула на Артема и старательно поправилась: — другая рожа. Как... консервная банка.

— Рожа. Ты делаешь поразительные успехи в русском языке. Впрочем, с кем поведешься... Что только скажут твои папа с мамой, когда ты вернешься?

— Отец и мама переводят вашу прозу... как сказать... *contemporaine*, современную. Так и не так... слова. Я когда-нибудь вам скажу. Все-все, вы будете поправлять. Спросить мама — о!... А когда я вернусь...

Плечи у нее вдруг совсем опустились, она повернулась и тихонечко побрела к дому. На пороге остановилась и, не оборачиваясь, словно ее совершенно не заботило, услышит Артем или нет, шепотом, очень правильно выговаривая слова, произнесла:

— Я знаю, что никогда не вернусь домой.

Артем скорее угадал, чем расслышал. Бедный маленький подкидыш, стоит спиной и плачет молча, и только старается, чтобы не дрожали, не выдавали плечи.

Да не будь же ты таким дубом, подойди, сделай что-нибудь, по головке погладь, что ли, — плачет ведь человек!

Подошел, наклонился над нею...

— А если мы вернемся, — спросила Дениз, подымая на него сухие спокойные глаза, — разве вы на мне не женитесь?

— О, господи, ну конечно!

А что еще можно сказать в таком случае?

Дениз тихонечко посапывала, уткнувшись ему в левое плечо. Надо было освободить руку с часами. Это ему удалось не сразу, потому что больше всего он не хотел бы разбудить Дениз. Разговор предстоял слишком серьезный, чтобы впутывать в него еще и этого ребенка. Ребенок чмокнул губами во сне и тихонечко пробормотал: «Артем...» М-да. Ведь не «мама», а — «Артем». Этого не хватало. Ну, ладно. Не время об этом думать. Вот уже слабо проступили стрелки на часах, значит, через пятнадцать минут стремительно и неотвратно рассветет. Надо идти.

Не надевая ботинок, Артем выбрался в при-

хожую, с сомнением оглядел брюки — все эти дни он спал, не раздеваясь, и это отложило при-
скорбный отпечаток на его костюм. Не хотелось,
конечно, появляться перед представителем ино-
странной державы в таком непрезентабельном
виде, но светало с каждой минутой, и не могло
быть и речи о том, чтобы задерживаться для на-
ведения лоска.

Он вышел из домика. Утра здесь не бывали
свежими — как не было ни дневной жары, ни
ночной прохлады. Широкая лужайка была пуста,
и Артем побрел между аляповатыми клумбами,
пока не дошел до самых кустов. Там, у дальнего
поворота, невидимый из окон домика, ждал его
незнакомец.

— Сядь, — велел он, когда Артем прибли-
зился.

Артем покосился — слева от тропинки, дей-
ствительно, появилась дерновая скамья. Он су-
нул руки в карманы и вызывающе качнулся с
пяток на носки и обратно. Надо сразу брать бы-
ка за рога... Так вот, распоряжаться здесь будет
он и задавать вопросы — тоже.

— Подойдите ближе, — проговорил он тем
тоном, каким обычно разговаривал в штабе на-
родной дружины. — А теперь потрудитесь отве-
тить: где мы находимся?

Незнакомец шевельнул губами, и до Артема
явственно донеслось:

— Не на Земле.

Артем задумчиво потрогал подбородок... Не
на Земле. Все вопросы разом испарились. Не на
Земле. Это надо было осознать, принять и пе-
реработать, а пока все остальное не имело ника-
кого значения. Правда, в первый момент Артем
чуть было не спросил: «А далеко ли до Зем-
ли?» — но вовремя понял, что вопрос глупый.

— Что же ты молчишь? — снова раздался
приглушенный голос. — Я получил полномочия
говорить с тобой и отвечать на любые твои во-
просы. Ну?

— Мы не на Земле, — Артем только пожал
плечами. — Это — все... Скажите хоть, зачем вы
это сделали?

— Вы нужны нам.

— Мы? Я и Дениз?

— Ты и она.

— Два кролика, черненький и беленький...
Чего от вас ждать, когда вы чуть не утомили ее,
когда тащили сюда? Посмотрели бы вы, какая
она была в первый вечер! Зачем вам эта дев-
чонка, я вас спрашиваю?

— Она уже дорога тебе?

— Подобные вопросы у нас считаются бес-
тактными и обсуждению не подлежат. У нас —
это на Земле.

Что-то в лице незнакомца дрогнуло. Было ли
это насмешливой гримасой? Этого Артем опре-
делить не успел.

— Так что же вам от нас надо, конкретно?

Незнакомец пожевал губами, и разрыв меж-
ду их движением и возникновением звуков еще
больше увеличился.

— Когда-то мы были такими же, как вы. Те-
перь мы хотим знать, в чем заключается раз-
личие между вами и нами.

Артем только пожал плечами:

— Вы прилетели на корабле, который нам и
не снился. Вы смогли создать все это — крошеч-
ный квази-земной рай с самым современным ша-
лашом. Так неужели вы не смогли сконструиро-
вать машину, которая с точностью до атома вы-
числила бы эту разницу?

— Количественный анализ нас не интересует.
Необходимы непосредственные наблюдения в
условиях, максимально приближенных к естест-
венным.

— И вы протянули руку и взяли нас, как взя-
ли бы из террариума пару лягушат! Можете ме-
ня поздравить — я уже четко вижу разницу меж-
ду вами и людьми Земли.

— Да? — сказал незнакомец, и тон его очень
не понравился Артему. — Между прочим, я не-
которое время провел возле вашей планеты и
наблюдал за жизнью ее обитателей. И пришел
к выводу, что перенос двух жителей Земли в
условия, наиболее для них благоприятные, будет
не самым антигуманным поступком по сравне-
нию с тем, что происходит в некоторых уголках
вашей планеты.

— Хороша же ваша цивилизация, если вы
ориентируетесь на далеко не лучших представи-
телей планеты, значительно отставшей от вас по
уровню развития!

— Зачем ты пытаешься обвинить меня? Ведь
если бы я предложил тебе добровольно ле-
теть сюда — если бы я сказал тебе, что целой
планете нужна твоя помощь — разве ты отка-
зался бы?

— Нет, разумеется. Но вы впутали в это дело
Дениз...

Они быстро взглянули друг на друга.

— Круг разговора замкнулся, — заметил не-
знакомец. — Не хочешь ли спросить еще о чем-
нибудь, прежде чем проснетесь твоя Дениз?

Твоя Дениз. Тактичности у этого супермена...

— Спрашивать можно было бы до бесконеч-
ности. Но на первый раз хватит. Мы ведь еще
увидимся?

— Как ты пожелаешь.

— А если я все-таки пожелаю, то как смогу
вас вызвать?

— Позови меня.

— Но вы мне не представились...

— Мое имя не произносимо для твоего язы-
ка. Поэтому условимся, как тебе будет легче ме-
ня называть. Как на вашем языке обозначается
существо, более могущественное, чем человек?

— Бог, наверное. Зевс, Саваоф, Агуро-Маз-
да, Юпитер... Если вам действительно все рав-

но, я буду вас звать Юп — это верховное божество у древних римлян.

А также человекообразная обезьяна у Жюль Верна, заметил он про себя.

Незнакомец величественно склонил голову в знак согласия.

— Запас продуктов питания будет, как и прежде, обновляться ежедневно. Чего вам еще не хватает?

— Дела.

— О, я только хотел дать вам отдохнуть после дороги. Чуть подалее по этой тропинке, в двух кабинках вы найдете звукозаписывающие аппараты. Я просил бы вас подробно продиктовать все, что вам известно о жизни на Земле, и прежде всего о самих себе, о семье, детстве, воспитании... Не пытайтесь что-либо систематизировать — диктуйте в том порядке, как вам будет легче вспоминать.

— А аппаратуры, записывающей мысли, у вас разве нет?

— Для инопланетных существ — нет.

— Что ж так слабо? Создайте. Построили же вы корабль!

— Этот корабль был создан много тысячелетий тому назад. Мы давно уже ничего не создаем...

Наступила тяжелая пауза. Понемногу становилось ясно, для чего этому «богу» потребовалось отыскивать различие между собой и нормальными людьми.

— Кажется, проснулась Дениз, — проговорил Артем. — До завтра, Юп.

— До завтра, если ты так желаешь.

Прозрачная пленка, о которой можно было догадаться только по приглушенности голоса Юпа, стала непрозрачной, сиреневой, лиловой, иссиня-черной — и растаяла. Дорожка была пуста.

Он пошел к домику.

Дениз действительно проснулась. Она смотрела на него, не мигая, как смотрят на чудо.

— Что с тобой, ребенок? Тебя кто-нибудь напугал?

— Нет. Но я проснулась одна и вспомнила... и было никак не вспоминать. Я поняла — вас никогда не было...

— А я есть. Вот беда-то!

— Не беда. Не надо так. Но я должна снова вас привыкать.

— Привыкать — «к вам». И начнем тогда с завтрака. А затем приведем себя в порядок. Ты держала когда-нибудь в руках утюг? Нет? Гм, это хуже.

— Артем, что вы хотите... как сказать... сейчас, я буду только по-русски... а, скрывать?

— Скрывать? Ровным счетом ничего. Просто у нас сегодня первый нормальный рабочий день. Садись, ешь. Абрикосы тебе еще не осточер... ххгм! Не надоели?

— А что буду делать я?

— То же, что и я — вспоминать и диктовать. По-французски, разумеется. Тому, кто пригласил — будем называть это так — нас сюда, требуются наши интимные воспоминания — пеленки, детский сад, школа. Как там у тебя было с историей?

— Неплохо.

— Ого, мы недурно друг друга дополняем. Так вот, в наше распоряжение представлены звукозаписывающие аппараты. Постараемся вспомнить, с чего начинала наша матушка-Земля. Чем дальше, тем подробнее. Хронология может быть примерной. И постарайся пока ограничиться древнейшими временами.

— Да, — кивнула Дениз. — Хиросима — не надо. Я хорошо поняла. Говорить — только история.

— Собственно говоря, их интересует все. Но лучше начать с древней истории — это безобиднее. Что же касается географии, то они, наверное, догадались сделать несколько снимков Земли прямо из космоса, когда летели за нами...

Он запнулся, но было уже поздно. После этих слов — не догадаться, что к чему? Впрочем, не лучше ли сказать сразу?

Дениз сидела, не поднимая головы.

— Дело в том, Дениз, что мы не на Земле.

— Да, — ответила она спокойно, — здесь легко, слишком легко, летать можно...

Он ошеломленно уставился на нее.

— Ты что же... догадывалась? С самого начала? И ничего не говорила?

— Мне было все равно.

— Тогда. А теперь?

— Мне и теперь все равно, где мы есть...

Крытые беседки, обвитые диким виноградом, уже поджидали их по обеим сторонам тропинки, на которой Артем сегодня утром встретился с Юпом. Внутри каждой беседки возле пульта — низкое вращающееся кресло и одноногий столик с неизменной банкой абрикосового компота.

«Просто счастье, — подумал Артем, устраиваясь в кресле, — что мне достался на воспитание такой развитый ребенок. Заметить, что здесь чуть меньшая сила тяжести — надо же! И это спокойствие... Другая ревела бы день и ночь напролет, вспоминая маму, набережную Сены и голубей на площади... На площади Согласия. А действительно, почему она ни разу не заговорила со мной о доме?.. Чувств собачья. Я же не лез к ней с воспоминаниями о своей единственной тетушке Полине Глебовне! Почему же то, что совершенно естественно для меня самого, кажется мне неестественным с ней? Может быть, это — интуитивное желание найти в ней какую-то фальшь? Интуиция — во имя чего? Во имя инстинкта самосохранения. Ведь ты ее боишься — правда?»

Он давно знал, что это правда. И не Дениз он

боялся—себя. Знал, что если начнет его заносить—тут уж трезвому инженерному разуму будет нечего делать. Потому он и не позволял себе смотреть на Дениз иначе, как на девочку-школьницу. Не время и не место. Делом надо заниматься, делом... Он наклонился над пультом.

— Древнейшим очагом цивилизации на нашей планете был, по-моему, Египет,—начал он, и разноцветные лампочки суетливо замерцали.— Уже в пятом тысячелетии до новой эры...— он споткнулся: как бы объяснить, что такое новая эра, не забираясь раньше времени в историю христианства?—Ну, об эрах потом. Высшим правящим лицом в Древнем Египте был фараон...

Единственными фараонами, которых Артем помнил, были Аменхотеп IV и Эхнатон. Правда, примешивалось подозрение, что это—одно и то же лицо. И еще какой-то жрец Херихор. Ну и, естественно, Нефертити. А, так вот на кого похожа Дениз! Та же спокойная, непробужденная нежность, то же устремление всех черт от выреза верхней губы к вискам...

— Правящих династий там насчитывалось около двадцати, если не больше,—проговорил он, встряхиваясь. Огоньки снова забегали по пульту, словно только и дожидались звука его голоса.— В каждой династии—по несколько фараонов. Были также жрецы...

В полдень к нему забежала Дениз.

— Я охрипла... немножко. Так?—сообщила она.— А вы?

— Повествую об Эхнатоне с Херихором.

На ее лице отразился неподдельный ужас:

— Это сразу, вместе, да? А что жена Эхнатона была регина... королева... нет, нет... царица Савская—сказали?

Артем наклонил голову и посмотрел на серьезную рожицу Дениз. У него медленно возникало подозрение, что над ним издеваются.

— Между прочим,—сказал он назидательно,—жены великих людей к истории не относятся и такойой не делают. Историю творит народ, хотя вы, может быть, такого в школе и не проходили.

Дениз скорчила жалостливую гримасу:

— Бедная история!—она уселась на пороге, свесив ноги со ступенек.— Если бы история—без женщин... Мужчины делают ее так,—Дениз плавно повела руками вперед, словно изображая медленно текущую реку.— А женщины—так!—она быстро закрутила кистями рук, словно взбаламучивая воду.

— Ничего себе моделирование исторических процессов! Ну, а чьей женой была царица Савская и как она делала историю, по-твоему?

— Царица Савская не могла делать историю, у нее ноги были—о, плюш, как медвежонок! Царица Савская—никто не жена. Даже Соломона...

— Никому. Так вернее. А вот тебе никто не говорил, что ты похожа на Нефертити?

— О, конечно! Мсье Левэн говорил, вы его не знаете. Это говорят всем красивым женщинам...

— Гм, сколько скромности...

— А Нефертити...—Дениз пожала плечами, не обращая внимания на его реплику.— Что—Нефертити? Плечи—о, вот так, прямо, полотенца сушить. А ноги? Так и так,—в воздухе нарисована кочерга,—вот тут,—скинута туфелька, Дениз шлепает ладошкой по маленькой гибкой ступне и потом показывает на пальцах нечто, протяженностью соответствующее сороковому размеру,—тут плоская сухая деревян... деревяшка.

Это что—элементарная женская зависть? Но к кому?.. Нелепо. Притом Дениз, пожалуй, единственная из женщин, которая могла бы не завидовать даже самой Нефертити. Или ее мучает то, что перед Нефертити преклоняется весь мир, а ее до сих пор знают только мама, папа да какой-то мсье Левэн?

— М-да,—произнес он вслух,—а вот у меня на твоём месте было бы к ней меньше зависти и больше сострадания—ведь как-никак Эхнатон ее бросил, говорят.

Дениз удивленно вскинула брови.

— Зависть?.. Зависть—зачем? Надо смотреть—надо думать. Представлять... целиком. Так? Вы смотрите...—Дениз ладошкой рисует знаменитую статуэтку.— Вы думаете, что это Нефертити, а это—неправда, так не бывает, такая женщина—нет, для всех—нет, для Эхнатона—нет, понимаете? На самом деле—рисунки, *des fresques*, надо смотреть рисунки, там Нефертити на самом деле, для всех, для мужа. А голова из камня—это сказка, это любовь, это Нефертити—для одного, для него, понимаете, Артем, для не Эхнатона; такая Нефертити есть, и такая Нефертити нет...

Он не останавливал ее, хотя в своем волнении она дошла уже до той предельной скорости, когда одно слово сменяет другое раньше, чем будет осмыслено Артемом предыдущее—произнесенное полувопросительно, полураздраженно: да как же можно не понять таких простых вещей! Дениз продолжала щебетать, а он слушал ее и не мог надивиться—она говорила так горячо, словно это касалось ее лично и вовсе не было отдалено тремя тысячелетиями.

Дениз права, и Нефертити не была, не могла быть такой, какой изобразил ее безвестный скульптор. Неземным существом она была для художника. А все остальные—да и сам фараон—видели длиннолицую немолодую мать шестерых детей, совсем такую, как на сохранившихся настенных рисунках.

— Что ж, выходит—Эхнатон не знал, что его придворный скульптор, так сказать, лакирует действительность?

— О, как можно, царь — не знал! Знал. Однажды пришел в это... ателье, да?.. и увидел. И стал такой несчастный... И все, что он делал, пошло... пошло пеплом.

И пошло прахом все великое дело Эхнатона, ибо искал он Нефертити, ту самую Нефертити, которую удалось увидеть его придворному художнику. И не мог найти. Где-то рядом прошла она, совсем близко от него, странная и нежная, царственная, как некогда в юности, и юная, как некогда в зените своей царской славы. И удержал он свои войска, готовые ринуться в сокрушительный набег на сопредельные государства, и остановил руку, поднявшуюся истребить под корень непокорных жрецов, и позволил править вместо себя какому-то проходимцу из прежних любимчиков. Вот как все это было, и одна только Дениз догадалась, что все было именно так.

— Сколько тебе лет, Дениз?

— Шестнадцать. Столько, сколько было моей маме, когда она встретила с отцом.

Такая постановка вопроса — а вернее, ответа — как-то сразу его отрезвила.

— Ну, раз тебе только шестнадцать, то у тебя, как у несовершеннолетней, должен быть укороченный рабочий день. Посему отправляйся-ка домой и навари картошки, она в углу на кухне, в коробке из-под торта. Не поленись почистить. А я еще подкиную.

Дениз царственно выплыла из беседки. Нефертити бы ее плечи!

А через час она прибежала, и даже не прибежала, а прискакала на одной ноге, и с радостным визгом поволокла его на кухню. Поначалу он никак не мог уловить причину ее восторгов и лишь некоторое время спустя понял, что ведь это первая картошка, сваренная ею собственноручно.

После обеда они снова разошлись по своим беседкам, а когда начало темнеть, Дениз на ее рабочем месте не оказалось — вероятно, ей уже надоело, и она решила воспользоваться своей привилегией несовершеннолетней. Артем нашел ее на тахте, с поджатыми ногами и с иголкой в руках. Его единственная праздничная рубаша из индийского полотна, аккуратно четвертованная, была разложена на столе.

— Ты с ума сошла, Дениз. Что ты сделала с моей рубашкой?

— О? Вам жалко?

— Да нет, все-таки...

— Не понимаю. Да? Нет?

Он больше не стал вмешиваться, и она провозилась весь вечер, что-то напевая себе под нос. Потом торжествующе объявила:

— Финал!

— Премиленький сарафанчик.

Дениз покраснела.

— Мой бог, это платье для ночи! Целую не-

делю не раздеваться — мне стыдно перед собственным платьем. Оно есть мое единственное!

Теперь настала очередь смутиться Артему. Чтобы скрыть это, он ткнулся носом в шкаф.

— Держи наволочки... и это... и это... Я кри-тин! — вдруг радостно объявил он. — У меня же есть надувной матрац. Всю жизнь мечтал спать на балконе!

— Разве один — не страшно?

— Глупышка, нас тут берегут, как зеницу ока. А дверь я закрою неплотно, если что — крикнешь меня.

Он вылез на балкон, и было слышно, как он там возится с матрацем и велосипедным насосом. Через некоторое время его окликнули.

— Что тебе, детка?

Дениз не ответила, и он догадался, что к ней надо подойти.

Она уже устроилась на ночь, и Артем невольно улыбнулся, увидев свою рубашку с отрезанными рукавами и крахмальным воротом, непомерно широким для Дениз.

Она подняла на него глаза:

— Доброй ночи!

— Спи, детка!

Он наклонился и поцеловал ее в лоб.

На балконе было совсем не холодно. Артем перекинул снятые вещи через перила, безмятежно вытянулся и стал глядеть вверх. Чернота подземелья нависла над ним.

— Юп! — позвал он шепотом.

Слева, за перилами, что-то мелькнуло.

— Вы довольны нами, Юп?

— Да, — так же тихо донеслось из темноты. — А вы?

— Вполне. Хотя вспоминать — не такое уж легкое дело, как я ожидал.

— Ты жалуешься?

— Отнюдь. Но боюсь, что для Дениз всего этого будет мало.

— Что же ей нужно еще?

— Игрушки.

— Хорошо.

Он заснул незаметно для самого себя и проснулся только когда рассвело. Он собирался одеться, как вдруг из комнаты до него донесся приглушенный вскрик Дениз. Артем отбросил одеяло и в одних трусах ворвался в комнату.

Стопка плоских разноцветных коробок выси-лась от пола до самого потолка, и возле нее, голыми коленками на полу, стояла Дениз. Вся комната была затоплена какой-то золотистой пеной, и Дениз поднимала эту пену горстями и окунала в нее свое лицо. При виде Артема она вскочила и, крикнув что-то на своем языке, подняла над головой столько этого прозрачного, пенного золота, сколько могло удержаться у нее на ладонях; потом она закружилась, и медовые невесомые струи, ниспадая, с шелестом обвились вокруг нее. Артем подошел, потрогал пальцами —

эластичная синтетическая пленка, пузырящаяся вкраплениями какого-то флюоресцирующего газа.

— Получила-таки игрушку,— добродушно проворчал он.

— Мой бог — игрушку! Вы знаете, что я хочу сказать?

— Знаю: «О-ля-ля!»

— Вот именно. О-ля-ля!

— Сказала бы лучше спасибо.

— О, я в голову не пришло. Я... Кто это подарил? Вы? Нет?

— По всей вероятности, Юп. Наш хозяин.

— Юп — имя для прислуги, не для хозяина, разве нет? Но все равно,— она бросилась к балконной двери, распахнула ее,— мерси, мсье Юп!

— Ну вот ты и ведешь себя, как француженка из дешевого фильма: вопишь «о-ля-ля!» и выбегаешь полураздетая на балкон.

Дениз только пожала плечами.

— Вы тоже... не при фраке. А мсье Юп очень стар?

— Понятия не имею. Но хватит восторгов. Завтракать, и на работу.

— А когда будет... м-м... воскресенье?

— Считаю сама: вчера был понедельник.

Дениз надула губы.

— Но, учитывая твой детский возраст и заботы по дому, я устанавливаю тебе рабочий день только до обеда.

— Да здравствует безработа! — закричала Дениз.— О-ля-ля!

— Во-первых, безработица, во-вторых — только частичная, а в третьих — ты своим «о-ля-ля» уже пересаливаешь. Смотри, как бы я не подумал, что до сих пор ты только притворялась, а вот при виде этих тряпок стала, наконец, сама собой.

Дениз шевельнула ноздрями, как маленькая антилопа, сердито заявила:

— Я буду одеваться.

— Понятно. Это значит, что я должен варить кофе. Но учти, что с завтрашнего дня ты будешь делать это сама — не в целях ликвидации безработицы, а на предмет привития трудовых навыков.

За завтраком Артему пришло в голову захватить с собой в беседку стопку бумаги. Рисовал он недурно, и дело пошло веселее.

— Среди древних наскальных рисунков Центральной Африки встречалось изображение человека в прозрачном шлеме, см. рис. 23. Правда, дальнейшие исследования показали, что это всего-навсего выдолбленная тыква, см. рис. № 24.

И все в таком роде.

А вечером, вернувшись в свой домик, он испытал легкое головокружение. Все стены, окна и двери были задрапированы серебристо-серыми и кремовыми тканями, на столе — хрустящее плотно, достойное банкета в Версале.

— Мсье Артем, я приглашаю вас на прощальный ужин в честь моего старого платья. Завтра я буду ходить на работу в туалете... м-м... времен Империи.

— Тебе что, кто-нибудь сказал, что ты похожа на мадам Рекамье?

— Разумеется. Опять мсье Левэн.

— Знаешь что, сварила бы лучше суп.

— А вы сердитесь, разве нет?

— Разве нет.

Она пожала плечами, потому что он действительно сердился, и это было видно.

— Лучше нарисуйте платье. Для меня. Как вы хотите видеть меня.

«Я хотел бы видеть тебя на Земле», — подумал он.

А потом она устраивалась на ночь, а он, сидя на кухонном столе, послушно набрасывал эскиз платья Натальи Гончаровой. Дениз позвала его.

— Что тебе, детка?

— Доброй ночи.

Ее постель была застелена черным шелком.

— Уж не говорил ли тебе кто-нибудь, что ты похожа на Маргариту Валуа?

— Непременно. Все тот же...

— Мсье Левэн. Смотри, свалишься. Шелк-то скользкий.

— Доброй ночи...

— Приятного сна. Желаю увидеть мсье Левэна.

Он повернулся и пошел к балкону.

— Артем!

Пришлось вернуться.

— Доброй ночи, — еще раз сказала Дениз.

— Спи спокойно, детка, — он наклонился и поцеловал ее. Выбрался на балкон и прислонился к шершавой стене дома.

— Юп, — позвал он, — а сегодня вы довольны нами?

Наступила пауза. Артем уже решил, что ответа не последует, но тут рядом с ним прозвучало сухое и не совсем уверенное:

— Да.

Было так темно, что даже если бы Юп стоял в двух шагах, как это можно было предположить по близости звука, все равно рассмотреть выражение его лица было бы невозможно. Не виднелось даже смутных очертаний его фигуры. Но он был рядом.

— Юп, ответьте мне, если можете: почему все-таки из миллионов людей Земли вы выбрали именно нас?

— Смотри, — послышалось в ответ, и тут же в каких-нибудь десяти шагах от него вспыхнул экран. Две неподвижных фигуры появились на нем, и Артему не надо было всматриваться, чтобы узнать себя и Дениз.

Когда, в какую счастливую минуту увидели их пришельцы такими? Оба бежали вперед, он — с теннисной ракеткой, она — придерживая на гру-

ди пушистый купальный халатик. Сами того не зная, они бежали, чтобы встретиться друг с другом, и лучше бы кто-нибудь из них остановился в своем легком и бездумном беге, ибо этой встрече суждено было произойти не на Земле. Но они летели вперед, через все миры и пространства, и если бы Артем не был одним из них, он подтвердил бы, что выбор пришельцев правилен, что эти двое и есть самые прекрасные люди Земли.

— Так что же все-таки вы хотите от нас? — тихо спросил Артем.

— Будьте такими, какие вы есть, — был такой же тихий ответ.

Двое, бегущие к своей неизбежной встрече, неслышно растаяли в темноте. Артем протянул руку вдоль стены, нашарил дверь и толкнул ее.

Тусклые блики непогашенного где-то света едва проникали в комнату. Артем остановился над спящей Дениз. Как это страшно — черная постель. Чуть запрокинутое лицо, кажется, парит в пустоте и в любой миг может исчезнуть, раствориться в ней.

Ему показалось, что глаза Дениз открыты. Видит ли она его в темноте? Может быть и нет; но она знает, что он здесь. («Зачем ты здесь, Артем?» — «Я видел нас обоих, видел совсем рядом, и знаю теперь, что для меня можешь быть только ты, а для тебя — только я». — «А может, это потому, что просто здесь никого нет, кроме меня?» — «Нет, Дениз». — «Этот райский сад, и наш милый шалашик, и нет хотя бы телефона, чтобы перекинуться парой слов с кем-нибудь другим?» — «Не знаю, Дениз». — «И просто я слишком близко, и никто не видит, и завтра у меня даже не будет заплаканных глаз, потому что я сама каждый вечер зову тебя?» — «Не знаю, не знаю, Дениз...» — «И мне уже столько, сколько было моей матери, когда она встретила с отцом; и мы уже смотрим друг на друга так долго, что ты уже не можешь просто так повернуться и уйти...»).

Он стремительно наклонился над ней — и замер: глаза ее были закрыты. Хрупкое равновесие сна охраняло ее усталое лицо, и, казалось, достаточно одним прикосновением нарушить этот покой — и вместе с ним расколется и сгинет мир.

Он закусил губы, чтобы его дыхание не коснулось ее. Только не проснись, Дениз, заклинаю тебя, только не проснись в эту минуту!

Он осторожно выбрался из домика, обошел его и, перевалившись через перила, плюхнулся на свой матрац. Будьте такими, какие вы есть, а? Сукин сын он есть. Вот.

А утром, поднявшись, он не посмел войти в дом. Он боялся, что Дениз еще не проснулась, боялся, как свидетеля, ее спящего лица. Он бродил по бесшумным дорожкам, пока дверь домика не запахнулась и на пороге не показалась закутанная в белое Дениз.

— Ау, где вы? — крикнула она и помахала рукой. — Ванна свободна.

Он не двинулся с места.

И тогда она побежала к нему, придерживая на груди свою самодельную хламиду, и уже издали он узнал это лицо, вчерашнее счастливое лицо, и понял, что какие бы стены он ни воздвиг между собой и Дениз, какие бы запреты он ни наложил на себя и на нее — все будет бесполезно.

Странные, сказочные дни наступили для них. Часы работы, неутомительной и порой даже забавной, пролетали незаметно; все же остальное время было заполнено одной Дениз. Знала и помнила она невероятно много и каждый вечер, надев фантастический восточный наряд, усаживалась на тахте, поджав ноги, и начинала так, как он ее научил, — «дошло до меня, о великий царь...» Дни Дениз. Дни, как соты, золотые и тяжелые своей переполненностью. Дни, бесшумно восходящие к ночи, к долгому шелесту причудливых нарядов, примеряемых перед сном, к бесконечной нежности, которую всю нужно вместить в два коротеньких слова — «спи, детка»; но это не было еще концом дня.

Потому что самым последним было черное ночное небо, нависшее над балконом на расстоянии вытянутой руки, и — тихим шепотом, чтобы не услышала засыпающая Дениз: «Вы довольны нами, Юп?» — и в ответ такое же тихое, чуточку неуверенное «да». И только с каждым днем все больше и больше пауза между вопросом и ответом.

И вот, наконец:

— Вы довольны нами, Юп?

Долгое, очень долгое молчание.

— Нет.

Давно уже надо было этого ожидать, но все равно как-то чертовски тоскливо, и не хотелось бы вдаваться в объяснения. Сами виноваты. Из четырех миллиардов людей выбрали две смазливые мордашки. Взяли бы каких-нибудь академиков, вот те и нарисовали бы им картину жизни на Земле.

— Слишком много хотите, — сухо проговорил Артем, закидывая руки за голову. — Школьная программа у меня давным-давно из головы вылетела, а что касается работы, то предприятие у меня закрытое, и я вам о нем ничего рассказывать не собираюсь. Ну, а Дениз способна продемонстрировать вам моды всех времен и народов, но не более. Вы ошиблись с выбором, Юп.

— Мы не ошиблись, — был бесстрастный ответ. — Нам нужны были именно вы, потому вас и взяли.

— Черт подери, да по какому праву?

— Праву? — голос умолк, словно Юп старался припомнить значение этого слова. — Право...

Как будто обоснование нашего поступка может изменить вашу судьбу. Но раз тебе кажется, что я должен оправдаться перед тобой, я сделаю это для тебя, и как можно убедительнее.

Голос его приближался и звучал немножечко сверху, словно Юп оперся на перила балкона. Артем не удержался и просунул руку между прутьями, но пальцы его наткнулись на привычную клейкую поверхность защитного колпака. Бойся... А может, просто у них другой состав атмосферы. Но послушаем.

— Много десятков тысяч лет назад, — зазвучал из темноты голос Юпа, — мы были такими же, как вы. Впрочем, мы и тогда, вероятно, были уже мудрее и осторожнее вас... В своем стремлении все познать мы прилетели однажды на третью планету одной непримечательной периферийной звездочки. К своему удивлению, мы нашли там условия, аналогичные нашим в момент появления на нашей планете разумного существа. Скажу более: мы даже встретили такое существо, в первичной его фазе. Полубезьяну, полудикаря. И с тех пор мы стали пристально следить за вашей планетой. Мы уничтожали диких зверей, грозящих первым человеческим стаям, мы учили аборигенов пользоваться огнем и орудиями труда, мы подарили им сведения, до которых без нас они дошли бы только через десятки тысяч лет — и они начали развиваться быстрее, запоминая наши уроки и забывая нас самих. Тебя устраивает такое объяснение?

Артем хмыкнул:

— Никакая кормилица, не говоря уже о нянках и учителях, не имеет права на свободу своего воспитанника.

— Тогда я предложу тебе второй вариант. Мы нашли на вашей планете условия, в которых мог развиться разум. Но разумного существа не обнаружили. И тогда группа наших людей... хотя бы беглецов, покинувших нашу планету по политическим соображениям, решила обосноваться на Земле. К сожалению, они не рассчитали своих возможностей и через несколько поколений одичали. Несколько групп беглецов, прибывших в разное время и попавших на различные материки, создали ваши расы. Разве не правдоподобно?

— Но не более. И уж совершенно не объясняет, почему вы позволяете себе распоряжаться нами, как своей собственностью.

— Что ж, вот тебе еще одна гипотеза. Мы не оставили на Земле людей. Но вернувшись на родину, предположили, что когда-нибудь нам могут понадобиться существа, подобные нам. Мы не могли предвидеть всего, что ждало нас в будущем, но нас грызла смутная тревога. Мы находились на вершине знаний и возможностей, и вдобавок мы были очень осторожны. И тогда мы создали биороботов, взяв за основу ваших

обезьянок. Да, да, саморазвивающихся биороботов. Потому-то вы и не можете найти переходное звено между последней обезьяной и первым человеком. Мы высадили вас на каждом континенте в надежде, что выживет хотя бы одна группа. Выжили все. Выжили и развились. Развились и начали задавать себе вопрос: а для чего живет человек? Для чего существует все человечество? Разве нет?

— Разве да. Скрывать, собственно говоря, не вижу смысла.

— Так вот, — голос Юпа зазвучал патетически, — вы существуете потому и для того, чтобы мы в любой момент могли вернуться к своему прошлому, к своей молодости. Наше человечество одряхлело. Мы все знаем, все можем, но ничего не хотим. Кто бы мы ни были для вас — повитухи, стоявшие у вашей колыбели, старшие братья, отцы или даже боги, сотворившие вас из праха, — мы сейчас требуем от вас только свое, и по сути, мы требуем немного. Около ста миллиардов людей прошло по Земле, а мы взяли только двоих — тебя и твою Дениз. Это наше право. Богу богово!

— Но кесарю — только кесарево. И даже если принять, что вы боги, то, черт вас подери, боги, как вы дошли до такой жизни?

Некоторое время Юп молчал, потом послышалось что-то похожее на человеческий вздох.

— Мы очень берегли себя. Слишком берегли. И чтобы лучше беречь каждого отдельного индивидуума, мы до предела ограничили рождаемость. Прошли десятки лет, сотни, и на нашей планете остались одни старики. Мы перестали летать в космос, опускаться в глубины океана и кратеры вулканов. Мы так боялись за себя! Но даже бессмертное не вечно, и один за другим эти старики гибли, гибли из-за нелепых, непредугадываемых случайностей. И тогда мы сделали последнюю ошибку: вместо того, чтобы попытаться родить новое поколение, мы решили гарантировать свое бессмертие созданием абсолютно подобных себе роботов...

«Рожа, словно консервная банка», — вспомнились Артему слова Дениз.

— Прошли сотни и тысячи лет, и на всей планете остался лишь один человек, рожденный женщиной. Это я. Впрочем, я ли это? Мое тело многократно обновлялось и даже полностью заменялось, переносился только мозг. Внешне я точно таков, как и все остальные жители нашей планеты. Но я один чувствую, что мы гибнем. Я говорю это сейчас так откровенно, потому что говорю, наверно, в сотый или тысячный раз. Зачем скрывать от тебя, если я говорил это всей своей планете? Но огромных усилий мне стоило убедить своих товарищей, — Артему показалось, что эти слова он произнес с запинкой, — послать к Земле наш последний уцелевший звездолет. Пользуясь своей способностью становиться неви-

димыми... ты не поймешь, как мы этого достигаем... я провел возле Земли некоторое время, познакомился с ее прошлым и настоящим, и главное — выбрал вас. Остальное тебе известно.

— М-да, — протянул Артем. — В древности, говорят, некоторые полусумасшедшие цари пытались вернуть молодость, переливая себе кровь младенцев. Уж не таким ли способом вы собираетесь омолаживаться?

— Мы — люди, — высокомерно произнес Юп.

— Вы — консервные банки, извините. Мне, честное слово, жаль вас... Спокойной ночи.

Юп не ответил. Обиделся, вероятно. Или просто счел разговор законченным и исчез.

Только бы Дениз ни о чем не узнала. Не на Земле — это еще полбеда. Но то, что не у людей... И тут он почувствовал, что балконная дверь медленно открывается изнутри. И не увидел, а догадался, что там, на полу, сидит Дениз, прислонившись к дверному косяку и обхватив колени руками.

Надо что-то сказать, надо что-то соврать, чтобы успокоить, чтобы заглушить всю эту жуть, только быстро, ну же, ну...

— Денз!..

— Я здесь, — прозвучал из темноты ее неправдоподобно спокойный голос. — Только протяни руку — и вот я.

У него захолонуло внутри от ее слов, простых и ничего не значащих, но сейчас обернувшихся к нему всей обнаженностью единственного своего смысла. Она предлагала ему средство от страха перед окружившей их тупой и бессмертной нелюдью, и это «протяни руку» — первое, что она сказала ему, как равная равному, — могло означать и значило лишь одно: «протяни руку и возьми».

Он медленно поднялся, переступил порог комнаты. Где-то внизу, у его ног, сидела на полу невидимая Дениз.

Вот так. И не мучайся, все равно ведь это неизбежно.

— Ты боишься, разве нет? — проклятый голос, обиженный, почти детский. — Никто же не видит. Темно.

Так бы и убил сейчас. На месте.

— Может быть, я для тебя — недостаточно хороша, разве нет? Мсье Левэн говорил...

— Замолчи!!!

Бесшумно шевельнулся воздух, и Артем угадал, как поднялась, выпрямившись и чуть запрокинув голову, Дениз. Из темноты легкими толчками поднималось и долетало до его лица ее дыхание.

— Зачем — замолчи? Я люблю тебя, Артем.

Господи, да разве может быть, чтобы это «я люблю тебя» звучало так медленно, так правильно, так спокойно?

— Нет, Дениз, нет! Просто вышло так, что здесь только мы, ты и я, и никого, кроме меня.

Вот тебе и показалось... В первый раз обманывают не других, Дениз. Обманывают себя. Что с первого раза и на всю жизнь. Вот и тебе показалось...

— Ты говоришь и не слышишь! Каждое твоё слово — это сгарауд, я не знаю по-русски, холодное, противное, мокрое! Зачем так? Зачем? Зачем?

Дениз, горе ты мое горькое, не «зачем», а «почему»...

— Потому что не смей говорить: темно, и никто не видит. Не смей говорить: протяни руку. И не смей в этой темноте стоять так близко, что я действительно могу протянуть руку и взять...

Шорох шагов. Дальше. Еще дальше. Четыре шага темноты между ними. Одного шага будет довольно, если сейчас позовет. Не смей звать меня, Дениз. Я люблю тебя. Где тебе знать, что любят именно так!

Тишина, долгая тишина, в которой не спит и не уснет Дениз. Значит, еще не все. Еще подойти, отыскать в темноте спокойный лоб, и это — «спи, детка». Сможешь? Уже смогу.

А лицо мокрое. Даже брови. И руки. Узкие холодные ладошки.

— Ну что ты, глупенькая, что ты, солнышко мое, девочка моя, — все слова, все имена, только бы ласковые, а какие — неважно, важно — нежность в них, вся нежность белого света. — Маленькая моя, рыженькая моя, единственная...

Уснула Дениз. Зацелованная, счастливая, и руку его продолжает сжимать, словно это любимая игрушка. Как мало тебе надо было — согреть, убаюкать. А туда же — протяни руку... Глупенькая ты моя. А теперь спишь спокойно и только посапываешь — наревелась, а я просижу всю ночь здесь, на полу, как последний дурак, положив голову на край твоей постели, и только затем, чтобы увидеть твоё лицо на рассвете.

Видел бы Юп эту картину!

— Ну что, Юп, старая консервная банка, а сегодня ты нами доволен?

Темнота. И совсем близкое, отчетливое:

— Да.

Был какой-то отрезок времени, когда Артем чуть не рассмеялся. Бывает у человека такое состояние, когда первой реакцией на все служит счастливый до идиотизма смех. Но так продолжалось всего несколько секунд. Потом — недоумение: неужели мог подслушивать? Скотина!

Он осторожно высвободил свою руку из ладошек Дениз и на цыпочках выскользнул из дома.

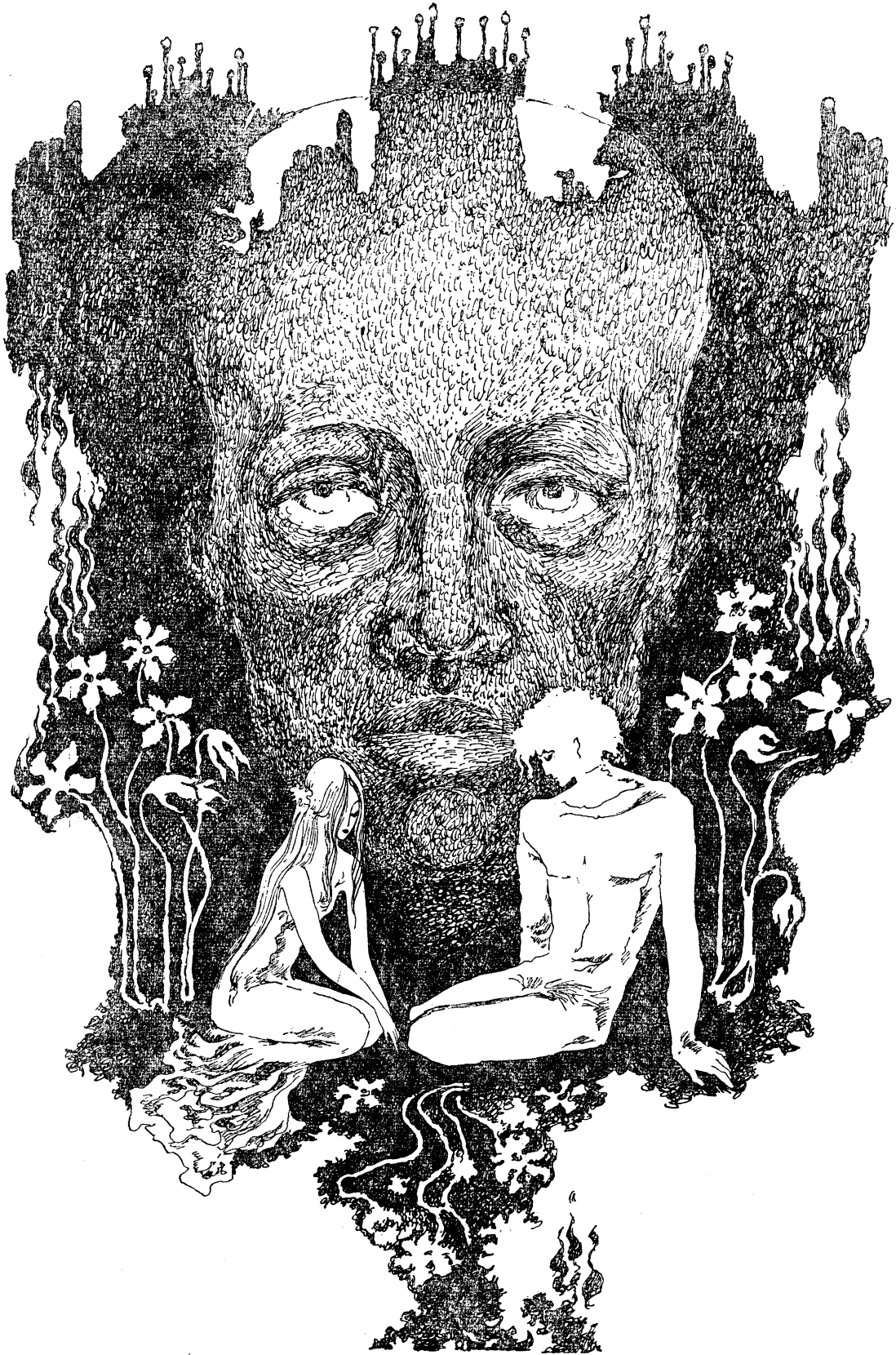
— Юп!

— Я слушаю тебя.

— Юп, вы... вы довольны нами сегодня?

— Да. Вы поняли, что от вас требуется, и я, наконец, доволен.

— Не совсем ясно. Откуда вам известно, что мы поняли?

— С первого же момента вашего пребывания здесь мы слышим и видим абсолютно все.

— Даже в темноте?

— Для нас не существует ни темноты, ни стен дома, ни вашей одежды. Мы всевидящи.

— Юп, но ты же человек! Пусть все они — консервные банки, но ты-то?..

— Во-первых, называть меня человеком — значит, ставить знак равенства между тобой и мной, а мы находимся на слишком различных ступенях развития. Во-вторых... — слово за словом капая на череп и расплзаются по нему, как студенистая масса медузы, обжигая, но не проникая в сознание и не обнаруживая своего ускользающего смысла. — Во-вторых, разница этих уровней — в нашу пользу, за исключением одного-единственного аспекта. Информацию по этому интересующему нас вопросу мы и намерены получить от вас. Как я сказал, вы, наконец, поняли, что от вас требуется, и я вполне доволен. Можете продолжать.

— Послушайте, Юп, можете вы объяснить мне, о чем идет речь? Я слушаю вас — и не понимаю. Ну, о чем вы, о чем, черт вас побери?

— Пожалуйста. Наши самообновляющиеся биороботы практически бессмертны, но все-таки существование нашего человечества — это твой термин, не мой — неуклонно клонится к закату. Развитие остановилось. Нам незачем больше развиваться — ведь для этого нужно любить знание. Нам незачем больше летать в космос — ведь для этого надо любить звезды. Нам и жить-то незачем, ибо для этого надо любить жизнь, а все мы живем не в силу этой любви, а только по инерции своего бесконечного существования. Нам не нужно продолжать свой род, равно как и заботиться друг о друге. Каждый из нас занят только собой. Одним собой. Ведь чтобы помогать другому, нужно его любить. Но мы давным-давно утратили представление о том, что это такое. Мы забыли, как это — любить...

— А ты, ты сам, Юп?

— Это было так давно... Я не знаю, не помню, любил ли я...

— Юп, бедняга, но ведь если ты хочешь им помочь — значит, не все потеряно. У тебя сохранилась еще какая-то теплота к другим. Не понимаю только, что мы-то можем для тебя сделать?

— Я дал тебе райский сад. Я дал тебе приличный дом. Я дал тебе самую красивую девушку твоей Земли. Все условия вам созданы. Наши глаза и уши скрыты от вас. Любите же друг друга!

Удар. В темноту. На голос. Упругая поверхность отбрасывает Артема обратно, на порог дома. Бессильная, разбивающаяся вдребезги ярость...

— Почему ты молчишь? — раздается из темноты. — О чем ты думаешь?

«Я думаю о том, что вы, бессмертные выродки, возомнившие себя богами, все-таки бессильны заставить меня делать то, что угодно вам. Одного вы добились — Дениз вы у меня все-таки отняли... Любите друг друга, вам все условия созданы! А вы посмотрите?»

— Ты не ответил мне. О чем ты думаешь?

«Я думаю, не уйти ли в темноту, в лабиринт безвозвратных дорожек — чтобы не видеть с рассветом пробуждающегося лица Дениз. Никогда больше не видеть. А потом? Пстой, а Дениз? О ней ты подумал? Одна она им будет не нужна, и... Здесь не хранят ненужные вещи. Информация, человек ли. Незаконно. И снова невидимый звездолет помчится к Земле, чтобы подобрать еще одну пару молодых симпатичных кроликов.

Зверская эта затея пойдет по второму кругу, и кто знает, может быть — еще и еще...»

— Так о чем ты думаешь?

— Я... я думаю о том, как мы будем счастливы в этом райском саду...

Эта ложь — цена тех нескольких дней, за которые необходимо найти какой-нибудь выход. Найти прежде, чем они догадаются, что не будет им ни богава, ни кесарева.

А легче всего оказалось обмануть Дениз.

— Дорогая, ты теперь моя невеста, и я должен заботиться о нашем будущем. Пожениться — или как там у вас, пойти в мэрию? — мы сможем только на Земле. Поэтому я должен как можно скорее передать нашим хозяевам все те сведения, которые их интересуют. Будь умницей и не мешай мне. Чем раньше я кончу, тем скорее мы вернемся домой.

— А мы вернемся?

Господи, Дениз, да если бы я смел спросить Юпа об этом!

Но Дениз ждет ответа.

— Как ты можешь сомневаться, дорогая? Они же люди.

Она легко и беззаботно приняла его сдержанность, как принимают условия новой игры. Если бы она знала, как он благодарен ей за это согласие!

Но на сколько дней хватит этой игры, Дениз? Потому что время идет, а выхода нет.

Дни, прозрачные и бесцветные, один меньше другого — словно стеклянные яички на бабкином комодке. Дни, мизерные и бессильные, каждый из которых мог бы поместиться в старушечьем кулачке. Единственное, что сейчас должен был делать Артем, — это ничего не делать. И только чувствовать — ежеминутно, ежесекундно — как все то, чего еще не было между ним и Дениз, становится тем, чего никогда между ними и не будет.

Дни, которые должны были принадлежать им

вместе, серыми мышами прошмыгивали из будущего в прошедшее — для каждого отдельно.

Знаешь ли ты, Дениз, что день вместе — это два дня? Мы чураемся прописных истин, мы высокомерно презираем цитаты классиков, вбитые в наши головы на уроках литературы. За эти цитаты сполна заплачено часами зубрежки, чеки — четверки и пятерки в сданных на макулатуру дневниках, и мы квиты, мы считаем себя вправе освобождать свои извилины от всего ясного и элементарного, не сдобренного мускусным духом парадоксальности. Попробуй сейчас сказать за столом, где собралось трепливое инженерье, что умирать надо агитационно. Или что самое дорогое у человека — это жизнь. Засмеют!

А ведь это так, Дениз, и самое дорогое у человека — это действительно жизнь. Вот только в чем подкачал классик: она дается не один раз. Потому что если любишь — проживаешь две жизни: за себя и за того, другого. Вот почему это так здорово, если тебе повезет и ты по-настоящему полюбишь. Если бы я никогда не встретил тебя, Дениз, я этого никогда бы не открыл.

Так что же делать, что делать, чтобы вырваться из цепких лап этих, с позволения сказать, богов? Что делать, чтобы каждый мой день был твоим днем, чтобы каждый твой миг был действительно мгновением моего бытия? Я ведь хочу так мало: просто быть вместе, до седых-преседых волос, как эти легендарные греки... как их? Мы еще потешались над ними... А, Филимон и Бовкида. Что мы понимали, сопляки, д'Артаньяны? Безнадежное щенячество чувств, могущее длиться до самой старости, до потери способности любить вообще кого-нибудь, кроме себя.

А ведь все было, Дениз, все было, лежало у меня на ладнях, все было, было, было...

Откинуться всем корпусом назад и — со всего размаха головой о мигающий пульт, чтобы и то и другое вдребезги.

Да? А невидимый звездолет, снова бесшумно крадущийся к Земле? А еще двое заключенных в этом раю, которые даже не будут знать, где они и что с ними, — ведь тогда Юп, наученный опытом, уже ничего им не скажет... И эти двое, по незнанию или потому что — наплевать, пусть смотрят — эти двое окажутся послушнее, и консервные банки получат, наконец, то, чего добились — урок выражения человеческих чувств? Боги на старости лет попытаются любить друг друга... Смех сквозь слезы. Ведь даже Юп, который когда-то был человеком, не способен вспомнить, что это такое.

А может...

Воспоминания всплывают неожиданно, нередко помимо воли. А вдруг Юп все-таки вспомнит, как он был человеком? Вспомнит, как это так — любить... И поймет, что он натворил, притащив их сюда. Так, может быть, это и есть тот един-

ственный шанс на возвращение, который им еще остался? Пусть не им — только одной Дениз...

— Юп!

И впервые — никакого ответа.

— Юп! Слышишь меня? Юп!

Вот так. Заварил всю кашу — а теперь в кусты? А может, его просто не пускают больше сюда? Сказал же он в самый первый раз: «я получил полномочия...» Или что-то в этом роде. Может, теперь его лишили этих полномочий?

Тогда не остается уже ни одного шанса. Что же делать? Что делать дальше? Дальше — как ни смешно, именно то, что хотел от них Юп: просто быть людьми. Оставаться людьми до самого конца. Хотя он все время это делает. И ничего не делал кроме этого. Просто был человеком.

— ...Я надоела, разве нет? Столько дней одна женщина рядом — тебе скучно, разве нет? Только не говори: ты моя невеста. Я невеста — о-ля-ля! Даже туалет... под венки. Белое-белое. Снег. Мертвый снег. Мертвая невеста. О-ля-ля!

— Дениз, успокойся.

— Зачем все так? Зачем?

Может быть, сказать ей — почему? Это будет концом, но не все ли равно, несколькими днями раньше или позже, другого-то выхода не нашлось. И не найдется. Потому что для человека единственный выход — это бороться. Но здесь только бутафория, беззвучно и бесполезно гибнущая, чтобы тут же возродиться. И даже не Юп — изображение Юпа. Бороться с тенями? Бессмысленно.

— Я расскажу тебе, Дениз, почему. Мы рассказывали друг другу массу сказок, но вот о себе самих — почти ничего. Странно, правда? Так вот, когда я был совсем маленьким, мы с мамой уехали на лето куда-то в Прибалтику. Берег Балтийского моря, понимаешь? В комнатке, которую мы сняли, висела на стене странная картинка: загадочный лес — не настоящий лес, а такой, как в доброй волшебной сказке. А в этом лесу — два старых мудрых короля с пепельными бородами и тусклыми коронами. И на ладнях у этих старцев лежит маленький сказочный мир. Ты понимаешь, Дениз? Целый мир — а может быть, только одно королевство. Крошечный, но самый настоящий город, вокруг лес, ниже новорожденной травки, а люди такие малюсенькие, что простому смертному их и не разглядеть. Потом мы уехали, и я никогда больше не видел этой картины... Но все детство я мечтал о том, чтобы иметь такое же игрушечное королевство, крошечный живой мир, который я рассматривал бы без конца...

— Как называется? — вдруг резким, неприятным голосом спросила Дениз.

— Картина? «Сказка королей». Странно, правда?

— И это тебя... грустит? — она засмеялась. — Тебе тоже нужна игрушка. Но это просто. Надо просить мсье Юп. Просить маленький мир. А мы — два короля. Мсье Юп! Две бороды, две короны!

Глупенькая моя, ничего ты не поняла. Ведь это мы копошимся в игрушечном садике, и пепельное небо над головой — волокнистый туман седых бород склонившихся над нами далеко не мудрых и уж никак не добрых старцев-королей. А может — поняла? Он внимательно всмотрелся в ее лицо. Заплаканная осунувшаяся рожица.

— Эх, ты, рыбка-зеленушка...

Дернулся подбородок, глаза стали совсем узенькими:

— Хватит — рыбка. Хватит — рыбы сказки. Хватит — рыбы «доброй ночи, детка». Хватит!!! Дениз, Дениз...

Я люблю тебя, Дениз. Я люблю тебя больше света белого, больше солнца красного. Я люблю тебя, но если бы у меня сейчас была граната, которой можно было бы взорвать к чертям собачьим весь этот мир, всю эту планету, — я швырнул бы эту гранату нам под ноги, Дениз.

Потому что мир, разучившийся любить, не может, не смеет, не должен существовать!

...Индикаторный пульт диктофона. Лампочки — плотно друг к другу, как оловянные солдатики. Сколько их? Сто на сто, не меньше. На звук шагов они отозвались голубоватым мерцанием, словно язык тусклого пламени лизнул пульт.

Сколько еще дней перед этим пультом, сколько еще лекций, рассказов, стихов, сколько еще просто вранья?

— У попа была собака...

Лампочки на пульте послушно мигнули.

Артем протянул руку и выдернул из гнезда одну из них. Бесцветный остренький колпачок, вроде тех, что идут на елочные гирлянды.

— ...и он ее любил.

Лампочка в его руках мигнула лиловым, потом изумрудным. Вот оно что, реагирует на звуковые колебания. И обходится без питания. Артем обошел сзади коробку диктофона, отыскал дверцу, поддел ножом — распахнулась. А внутри — ничего.

Бутафория. «Вам нужно дело...» Примитивное приспособление, с помощью которого создавалась иллюзия занятости делом. Хватит с него дешевых иллюзий!

Тоненький, удивленный звон. Осколки лампочек щекочут руки, даже не царапая кожу. А в дверях беседки — бесстрастный розовый лик анатомического муляжа... Явился...

— Юп, я прошу тебя... У каждого эксперимента должны быть свои пределы. Границы разумного. Границы человеческого. Вы мудрые, добрые боги, Юп, и если в вас есть хоть капля благодарности за все, что мы для вас сделали, — помогите нам вернуться домой.

— Ты просишь невозможного.

— Послушай, Юп, если вам необходим человек для дальнейших исследований — оставьте меня. Но верните на Землю Дениз.

— Вы получите все, что только сможете себе представить.

— Но здесь не будет Земли...

Юп не отвечал.

— Юп, я прошу тебя, поверь мне: у нас есть книги, Шекспир, Пушкин, Гете...

— Информация неполная и в большинстве случаев — заведомо ложная. Один эксперимент на живых людях дает нам больше, чем все литературные данные. И потом, не забывай, что если доставил вас сюда я один, то теперь вы принадлежите всем нам, и распоряжаюсь вашей судьбой не я один.

Не он один... Значит ли это, что, будь его воля, — он вернул бы их на Землю?

— Юп, старина, ты же был космолетчиком, ты должен помнить, что такое — стремиться к себе домой. У тебя есть корабль. Ты можешь управлять им один. Я прошу не о себе...

— Ты находишься на палубе этого корабля.

Артем судорожно раскрыл рот и хлебнул стерильного, кондиционированного воздуха.

— Это прогулочная палуба нашего последнего космического корабля. Моего корабля. Как видишь, здесь можно создать любые условия, любую обстановку... Тысячи лет назад, когда цивилизация на Земле еще только зарождалась, состав атмосфер был почти одинаков. Но сейчас расхождение оказалось столь большим, что вас приходится содержать в специальной барокамере. На поверхности планеты для этого пришлось бы соорудить специальное здание с комплексом сложнейшего оборудования.

Юп почему-то замялся.

— Но ведь для вас, всемогущих, это было бы плевым делом, — не удержался Артем.

— Это было бы действительно несложно... если бы кто-нибудь захотел за это взяться. Потому-то я и предложил оставить вас на корабле.

— Значит, мы в космосе? На орбите?

— Нет. Корабль, правда, не был приспособлен к посадке на поверхность планеты, но мне удалось опустить его на одно из безлюдных плоскогорий. Последний наш корабль стал на мертвый якорь.

— Юп... а если попытаться снова поднять его?

— Поднять? Но ведь мы не располагаем приспособлением, способным вывести на орбиту такую массу.

— А стартовать с поверхности?

— Старт звездолета такого типа сорвет атмосферу с поверхности планеты и уничтожит на ней все живое.

Значит — все. Может быть, выход и есть, но

чтобы найти его, надо быть незаурядным инженером. Слесарю — слесарево...

И теперь уже можно не бояться второго рейса невидимого корабля, хищно подбирающегося к Земле, и не мучиться за следующих двоих, которые неминуемо бы заняли их место при повторении эксперимента. Им выпало быть первыми — и последними. Знать бы это раньше! Он стоял, бездумно глядя перед собой, и только повторял это: «знать бы раньше...»

— Постарайтесь начать вашу совместную жизнь... — монотонно и назидательно бубнил Юп.

— Нам нечего начинать, — с трудом разжимая губы, проговорил Артем. — И вообще нам ничего не осталось. Разве что — терять.

И тотчас же совсем рядом, возле самого его лица, возник голос, совсем непохожий на бесстрастный речитатив Юпа:

— Замолчи! Ведь я не один слышу тебя!

Артем ошеломленно глядел на неподвижную маску лица, не понимая, что же такое страшное он произнес. Когда этот гремящий голос уже умолк, лицо вдруг исказилось, в полной тишине беззвучно зашевелились губы, повторяя уже отзвучавшие слова, и их мертвое шевеление было так жутко, что Артем, не помня себя, бросился к выходу. Он мчался к домику, чувствуя, что нечаянными словами, которым не придавал значения, спустил какую-то адскую пружину. «Нам ничего не осталось. Разве что — терять...»

Дениз лежала ничком, и алые языки ее невесомых одежд, словно искусственное бутафорское пламя, колебались над ней. Руки, успевшие удивиться, — ладонями вверх.

Нам осталось только терять...

Если бы на ее лице отразилась хотя слабая тень ужаса или страдания, он не посмел бы коснуться ее; но только удивление, спокойное удивление и ожидание, словно к ней подплывало что-то медленное, совсем не страшное и, как все в этом мире, красивое.

Так вот оно что — боги решили досмотреть спектакль до конца. И он, идиот, сам подсказал им содержание последнего акта. Им было ровным счетом наплевать на то, что такое «любить». Но зато как интересно, наверное, показалось им, бессмертным, увидеть воочию, как это так — «терять».

Что же они сделали с ней?..

Он поднял ее на руки, перенес на тахту. Никаких следов. Мир, где все — «просто». Просто деревья, просто цветы, просто лица.

Просто смерть.

Нет, не просто. Смерть театрализованная, смерть на котурнах, в пурпурном синтетическом хитоне.

Артем вынул перочинный нож и разрезал скользкий, точно рыбы внутренности, алый

шелк. Тихо, словно боясь разбудить, он снимал с Дениз обрывки ее фантастического наряда, сбрасывая их на пол. Святотатство? Нет, очищение.

...Обыкновенная простыня с черным семизначным номером на уголке и земным запахом механической прачечной. Мама рассказывала, что тетю Пашу завернули в простыню и на маленьких саночках отвезли на Смоленское кладбище. Но ров был вырыт не на Смоленском, а чуть подальше, через речку, а у мамы уже не было сил идти туда, и она присела возле бывшей трамвайной остановки и сидела так, пока не подошел военный с такими же саночками. Он молча привязал мамины саночки к своим и тихо пошел через мост, и мама смотрела, пока он не прошел бывшее трамвайное кольцо, а потом спохватилась, что саночки отдала напрасно, их ведь оставалось еще две сестры...

Он знал об этом понаслышке, как знают о тысячах распятых вдоль Аппиевой дороги, о десятках тысяч сожженных инквизицией, о миллионах замученных в концлагерях. Знал тем легким, забывчивым знанием, которое позволяет не сесть от ужаса, не сходить с ума от воспоминаний, не разбивать себе голову о стенку.

Это были те минуты, когда он еще в состоянии был мыслить, мучиться, вспоминать — может быть, не минуты, а часы. Потому что когда он взял руки Дениз в свои, они были уже такими тягелыми, словно несли в себе всю муку восьмидесяти миллиардов смертей, пережитых Землей за время ее существования.

Он попытался сложить эти руки на груди — они не сгибались. И не стало ничего, кроме бесконечного ужаса перед этими негнушимися руками. Потому что не было больше Дениз.

Не было Дениз.

Он целовал ее тело, как не целуют живых. Он завернул его, как девочки заворачивают своих кукол. Он взял ее на руки и вынес в ослепительное сияние дня, которое не сменилось сегодня ночной темнотой.

Купоросная зелень не колышимых ветром деревьев, петли узкой тропинки, плешины лилейных полей. Он уносил ее в чашу, как звери уносят добычу, но чащи не было, и некуда было скрыться от мясистых роз, от сахарной приторности мраморных беседок. Он шел напролом, задыхаясь от ярости, от бессилия найти в этом сверкающем мире темный уголок, в котором можно было бы укрыть Дениз.

Он уже перестал понимать, что творится вокруг, и только ноги, вязнущие по щиколотку, дали ему знать, что это уже не сад.

Кругом был песок. Изжелта-серый, тусклый. Бесконечный... Артем опустил свою ношу и несколько минут сидел, пытаясь унять дрожь обессилевших, ставших чужими рук. Потом, не вставая с колен, принялся разгребать песок. Тонкая

струющаяся масса не слушалась, ссыпаясь обратно в узкую, продолговатую ямку... Еще немного. Вот и довольно.

Полные горсти песка. Огромные, непомерно тяжелые горсти... Он нагнулся и набирал полные ладони песка, но когда доносил их до маленьких ног в старых, едва прикрывающих пальцы туфельках — на ладонях оставалось всего три-четыре золотистых крупинки. Он снова набирал песок, и тот снова таял, и так продолжалось бесконечно долго — ровно столько, сколько надо для того, чтобы по три-четыре песчинки насыпать едва заметный холмик. Он почти не возвышался над землей, этот узкий недлинный холмик, — от кончиков ее туфель до плеч. Но не дальше, потому что не было силы, которая бы заставила Артема засыпать ее лицо. Вот и все, что он мог сделать для Дениз. А теперь — опустить голову на этот холмик и ни о чем не думать, потому что раскаленный песок, тонкой пылью проникающий всюду, забился ему под черепную коробку, и достаточно было крошечной, едва шевельнувшейся мысли, чтобы острые горячие песчинки впились в мозг.

Он умирал. Не от любви и не от горя — от этого умирают медленнее, — а от жажды. Но никакая мука не заставила бы его принять хоть бы глоток воды от этого мира лжи, бесчеловечности и холодного любопытства. Проходили, казалось, часы, и дни, и годы, а он лежал и смотрел на ее лицо, и ее смерть была его смертью. Это все, чем поделилась с ним Дениз.

А потом прошли уже тысячи лет, и не стало сил смотреть, и он не увидел, как справа и слева, круша этот игрушечный мир, вздыбились лиловые смерчи. И только грохот исполинских двигателей — пульсирующий, ревущий и остающийся где-то позади — заставил его на мгновение прийти в себя, и он понял, что поздно, слишком поздно, но Юп все-таки вспомнил, как был человеком.

Видно, не дано было ему вспомнить, что такое «любить», — но память горести сильнее, нежели память счастья. Он вспомнил, что значит «потерять», и, движимый горестной и справедливой силой этой памяти, врубил смертоносные фотонные двигатели гигантского корабля, сметая со своей усталой планеты зажившихся богов и всей мощью стартового удара воздавая им богово.

Первое, что он почувствовал, был ветер, настоящий, мокрый и хлесткий. Потом — сырость земли, кое-где прикрытой померзшей куцей лебедой, а возле самой щеки — ледяную кафельную мозаику облицовочной плиты.

Артем приподнялся. Шагах в десяти высился его дом, невероятно громадный, уходящий в утреннее осеннее небо. Но дом уже не был по-

следним в городе. Под его окнами, нахально залезая на узенькую полоску газона, раскинулась строительная площадка с неприменными грудками битого кирпича, щебенки и песка, с заляпан-ными известью и обреченными на сожжение досками, с понурым экскаватором, издали похожим на динозавра с перебитой шеей.

Артем с трудом поднялся на ноги. Что-то странное с ним творилось, а что — он не мог понять, потому что так бывало с ним только в детстве, когда плачешь безудержно и долго-долго, так долго, что засыпаешь. А когда просыпаешься, легкий и горький, то в первые мгновения не можешь вспомнить, о чем же ты плакал.

Он шел по кафельным осколкам, счастливый этим незнанием, этим отрешением от чего-то мучительного и чудом позабытого, шел и молился — только бы не вспомнить, только бы не вспомнить... Но страх был напрасен; все, что лежало между преддверьем весеннего праздника и этим вот сентябрьским утром, было заперто семью воротами, замкнуто семью замками, чтобы никакое усилие памяти даже при желании не могло этого разомкнуть.

Он брел по кирпичной крошке, поддавая носком ботинка чертовы пальцы обломанных угольных электродов, оскальзываясь на льдинках еще не вставленного, но уже разбитого стекла, и каждый шаг по этому захлапленному кусочку земли, рождающему дом, которому суждено будет на недолгое время стать последним в городе, — каждый шаг все больше и больше отдалял его от черного провала будто бы навсегда исчезнувшего лета.

А потом он остановился.

Потому что там был песок, тонкий, изжелта-серый, и сыпучий невысокий холмик, и спокойное лицо Дениз, обращенное к осеннему небу.

Цепкая лапа памяти коснулась его, и стиснула, и сжимала все сильнее и сильнее, пока боль не стала такой, что дальше уже некуда. И тогда, с трудом преодолевая эту возвращенную ему боль, он проговорил:

— Спасибо, Юп.

Никто ему не ответил, и он понял, что последний из богов воздал по справедливости и себе самому.

ЛЕГЕНДА И БЫЛЬ

**Николай
ТОРСКИЙ**

Эта медаль выпущена в честь героев фильма «Четыре танкиста и собака». Фильм сделал поистине знаменитой польскую деревушку Студзянки — первый населенный пункт, освобожденный польскими и советскими танкистами.

Многое в фильме — от легенды. Но легенды рождаются из жизни... В многодневном сражении под Студзянками принял участие капитан Виктор Васильевич Тюфяков, мой земляк, геофизик с Алтая, а тогда он был командиром 1-й танковой роты польской бригады имени героев Вестерплатте. В роте за глаза его звали «цыганом» — был он жгучий брюнет, и еще умел хитро воевать. В сорок первом, в Ржевской операции, он умудрился сменить пять танков. Особый такой метод у него был: хитростью завладеть вражеским танком и громить врага на его же машине.

...Была немецкая артиллерия. Была слепоу. Наши танкисты, сидевшие в лесной засаде, услышали приближающийся гул.

— Заряжай подкалиберным! — приказал Тюфяков. Когда щелкнул оружейный замок, командир припал к прицелу и повернул башню влево, ожидая «тигра»:

лоб у него не пробьешь, авось бок подставит.

Неожиданно слева, где стоял еще один наш «Т-34», раздался выстрел. Тюфяков чертыхнулся, обозлившись, что спугнули фашиста, но снаряд пролетел низко, ударил в гусеницу, разбил ее. Теперь «охромевший» «тигр» будет обороняться: у него два пулемета и орудие 88-го калибра...

Держа палец на спуске, готовый каждую минуту всадить снаряд под башню и заклинить ее, Тюфяков увидел в прицеле, как немцы бросили дымовую шашку. Серая туча окутала танк, немцы стали поспешно скатываться по броне. Тюфяков поторопил их и, чтобы не раздумали, нажал спуск спаренного с орудием пулемета...

— Юзек! К орудию, и будь внимателен! — приказал он. — Врублевский! Бегом к соседям — предупреди, чтобы не трогали «тигра». А ты, Михай, со мной!

Капитан соскочил с брони, побегал к лесу. Сержант бежал за ним с пистолетом в руках. Старшина роты Мицкевич прильнул к перископу, следя за ними. «Вот это командир... — думал он, — настоящий черт!»

Оба бегущих упали на землю перед танком. Через пару минут мотор «тигра» взревел, и огромная машина начала разворачиваться — сошла с разорванной гусеницы, зарылась боком в песок, повернулась кормой к нашим — Тюфяков хотел обезопасить себя толстой передней броней.

«Тигр» поднял ствол и долго обстреливал позиции немцев.

Вдруг из-под брони вырвались клубы дыма, показались огонь. Мицкевич испугался: «Попали в них?

Или что взорвалось внутри танка?» Но тут же понял: наши танкисты израсходовали все снаряды и поджигают танк, ставший ненужным.

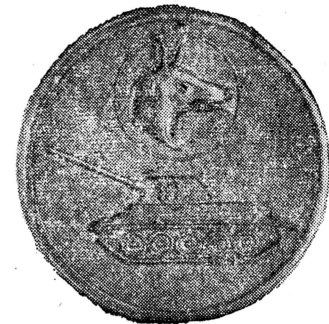
Через некоторое время оба удалца шли к своей «тридцатьчетверке», обнявшись и распевая песни на русско-польском языке — словно опьянев от порохового дыма и удачи...

Сколько раз так было. Тюфяков говорил: «Не дам жесть машины. Полчаса подождать можете?» И начинался «спектакль»: то он приказывал экипажу обмотать тряпками ролики на гусеницах, чтобы двигались бесшумно, то начинал разглядывать на глазах у изумленных немцев вересковую веточку, стоя у танка с непокрытой головой, опершись на броню, а в это время другой «Т-34» тихонько подкрадывался к «тигру»... Но всякий раз в итоге вражеская машина лупила по своим.

После таких документальных эпизодов лихие подвиги героев фильма «Четыре танкиста и собака» не кажутся такими уж неправдоподобными!

Польский писатель Януш Пшимановский, написавший книгу «Студзянки», назвал Тюфякова одним из героев фильма: много общего у капитана Тюфякова с командиром танка Ольдергом Ярошем — легендарные подвиги Яроша словно повторяют реальные подвиги нашего капитана, целые эпизоды напоминают боевую биографию советского танкиста.

«Я вас очень хорошо знаю, Виктор Васильевич, — пишет Пшимановский Тюфякову. — Мне десятки людей рассказывали о капитане, который не боится ни пули, ни осколка, который, подбив «тиг-

ра», завладевает вражеской машиной и стреляет из нее по фашистам, который воюет босиком, потому что «сапоги жмут»...

Среди многих орденов и медалей, которыми Виктор Васильевич Тюфяков награжден за бои на польской земле, есть и медаль «За Студзянки». Он был в Польше, встречался с однополчанами, гостил у Лидии Щепаник (в фильме — радистка Лидка).

Интересно рассказывает о Студзянках Виктор Васильевич Тюфяков:

— В студзянском школе есть клуб «Четыре танкиста», куда принимают самых отличившихся ребят. И есть у школьников традиция: каждый «взвод» должен вырастить и воспитать служебную собаку и передать ее пограничникам. Примечательно, что во всей округе мальчишки называют собак Шарик, и стоит только крикнуть «Шарик!» — как наперегонки мчатся десятки собак...

В Студзянках на мраморных плитах высечены имена погибших бойцов танковой бригады. А на высоком постаменте, в нише которого покоятся останки неизвестного солдата, стоит памятник: один из танков роты Тюфякова...

Песня
родилась
на Урале

● Солдатское
поле

● Подвиг
матери

● Музей
спортивной
доблести

● Адрес:
Звездный
городок

● Деньги
для
«Малютки»

● Героям-
краснодонцам

«...Пионеры участвуют во Всесоюзном походе комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, в экспедиции «Моя Родина — СССР»...

(Из Положения о Всесоюзном марше пионерских отрядов, посвященном XXV съезду КПСС.)

Была такая песня, пели ее в войну и после войны: «Жил в Ростове Витя Черевичкин...» Витя учился в ремесленном училище. Когда немцы заняли Ростов и приказали уничтожить всех голубей в городе, Витя сохранил свою стаю. Витины голуби доставляли в расположение советских частей донесение военного характера. Застигнутый фашистами в момент, когда он подбрасывал голубей в небо, мальчик был расстрелян.

Мужественная и скорбная песня о юном герое долгое время считалась народной. Следопыты Ростовского Дворца пионеров и их руководитель К. Краснова установили, кто автор песни «Голуби». Песню сочинил житель города Днепродзержинска Марк Вениаминович Малкин. Он был механиком на заводе, долгие годы участвовал в художественной самодея-

тельности. Вместе со своим предприятием в войну эвакуировался в уральский город Златоуст. Здесь он услышал сообщение Информбюро о подвиге мальчика из Ростова, здесь написал своих «Голубей».

Песня продолжает жить. Лауреат конкурса комсомольской песни Елена Камбурова включила ее в свой репертуар. В нашей стране знают и поют «Голубей», помнят героя-мальчишку Витю Черевичкина.

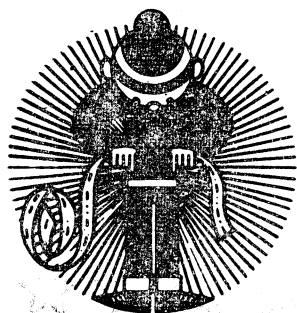
На волгоградской земле, где проходил VII Всесоюзный слет победителей похода по местам боевой славы, следопыты стали свидетелями необычной пахоты на поле, где более тридцати лет стояла грозная табличка «М» — мины. Накануне слета минерско-комсомольцы освободили поле от груза войны. Шесть с половиной тысяч

мин и снарядов извлекли саперы капитана Воронцового — сына фронтовика-сталинградца. Сорок тракторов, за штурвалы которых встали сами делегаты слета, вспахали солдатское поле — оно будет родить хлеб.

В городе Ромны Сумской области школа-интернат носит имя Александры Аврамовны Деревской. Кто эта женщина, чем знаменита? Ребята из школы-интерната знают в подробностях ее биографию, ее судьбу.

...Эта история берет начало еще со времен гражданской войны, когда Саша Семенова, шестнадцатилетняя медсестра, познакомилась в своем отряде с раненым красноармейцем Емельяном Деревским и связала с ним свою судьбу. Тогда же, как-то на перроне, незнакомая женщина попросила их подержать ребенка. Обрато она не пришла... Так у

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

Александр Деревской «появился» первый ребенок. После она приютила еще двух детей-сирот.

Отечественная война застала ее в Грозном, где Александра Деревская работала в госпитале. В город прибывало очень много эшелонов с эвакуированными детьми. Самых слабых Александра Деревская брала к себе домой. За свою жизнь она усыновила 48 детей: русских, узбеков, молдаван, чувашей, украинцев...

В интернате города Ромны состоялась встреча большой семьи Деревских. С большой гордостью рассказывали выросшие теперь уже дети о своей приемной матери, рассказывали о подвиге, которым нельзя не восхищаться.

...Им рукоплескали стадионы, их спортивными рекордами гордилась страна. Но грянула война, и многие спортсмены ушли на фронт, в батальоны и отряды специального назначения. Ловкость и сила помогали им выполнять самые сложные и опасные задания. Они сражались и погибали как солдаты, как герои: ленинградские легкоатлеты В. Себейкин, В. Подъяков, лыжники П. Пирогов, А. Голиков, Б. Сергиев, командир партизанского отряда Б. Косицын, подпольщица Герой Советского Союза К. Назарова...

Материалы о воинах-спортсменах, собранные учащимися Ленинградской школы-интерната № 62 спортивного профиля, ста-

ли первыми экспонатами школьного музея спортивной доблести.

«Прошу Вашего разрешения зачислить меня в школу космонавтов. Имею большое желание отдать этому все свои знания, а если понадобится, и жизнь». Этот рапорт Героя Советского Союза Г. Т. Добровольского хранится в музее космонавтов, в Звездном городке. Здесь три комнаты, и, пожалуй, нет на земле континента, с которого не поступали бы сюда сувениры... Здесь хранятся подарки премьер-министров и скромные октябратские значки, вещи космонавтов, письма, книги, документы, фотографии.

В память о посещении Звездного городка оставляют свои дары люди всех возрастов и национальностей. Одна из самых представительных экспозиций — уральская. Медали, отлитые на уральских заводах, сувениры из яшмы, хрустала, подарки из Челябинска, Перми, Магнитогорска, Свердловска.

Многочисленны подарки от ребят. Записи школьников, экспонаты, сделанные с любовью своими руками, говорят о восхищении мужественными кормильцами космоса.

Это письмо написала маленькая девочка из эвакуированной семьи, и было

оно напечатано в газете «Омская правда», в военное время.

«Я Ада Занегина, мне шесть лет. Пишу по-печатному. Меня Гитлер выгнал из дома, из Смоленска, где я жила. Маленькая я, я знаю, что надо выгнать и разбить Гитлера, и потом мы поедем домой. Моя мама дала деньги на танк. Я тоже копила на куклу — 123 рубля 25 копеек, пусть все маленькие дети собирают деньги на танк и назовем его «Малютка».

В газету пошли отклики на письмо девочки. А Госбанк в Омске открыл специальный счет № 350035. 100 рублей поступило от Светы и Валерика Хлопотовых, 156 — от Волика Найды, 300 рублей — от Марины Тетеревой, 100 рублей — от Вики Грищенко, 138 — от Вовы Денисова...

160886 рублей собрали омские дошкольники на строительство танка. Это было в 1943 году.

Красные следопыты омского клуба «Искатель», узнавшие из архивных материалов об этой истории, нашли и пригласили к себе в гости Аду Александровну Воронец (Занегину), врача из Подмосковья. После этой встречи они узнали все подробности о судьбе девочки, написавшей обращение к малышам.

А вот о судьбе танка «Малютка» удалось узнать пока немного. Похоже, что он все-таки был построен. Свидетельством тому — еще одна старая газетная заметка, «На омских танках в Берлине»: «Пусть знают ребята, что их «Малютка» весом в тридцать тонн, безжалостно давила гитлеровцев, громила их доты...» Автор заметки известен — И. Ф. Титов,

отправил он ее с полевой почты 30710 «Х» — но найти его пока не удалось. Поиск продолжается.

Учительницу зовут Мария Ивановна Сикорская. После окончания Киевского пединститута она работала на туркменской земле, в Чарджоу, и там был создан под ее руководством музей подпольщиков «Молодой гвардии». Возвратившись в Киев, она заново начала собирать материалы о краснодонцах. И теперь в 97-й киевской школе, где М. И. Сикорская ведет уроки языка и литературы, есть прекрасный музей, в котором собрано 5000 экспонатов. Лучшие художники города помогли школе оформить его. Отлично выполненные скульптурные портреты молодого гвардейца — дипломные работы выпускников Киевского художественного института. Школьный музей награжден Почетной грамотой Президиума Верховного Совета Украинской ССР.

Память о народных мстителях всегда живет в сердце М. И. Сикорской. Мария Ивановна потеряла в войну всех родных: отца — партизанского разведчика, братьев, мужа...

МОРСКИЕ ИСТОРИИ

Леонид
ГОРЮНОВ

Рисунки
В. Бубеницкова

Птицы на судне

На большом морозильном траулере мы ходили из Мурманска в Атлантику. Ловили там разную морскую рыбу: сельдь, скумбрию, аргентину, серебристого хека... Весной и осенью грело солнышко, а летом давил туман. Иногда он держался по целым неделям. Тогда ждали ветра. И будто кто-то подслушивал желание: катился шторм, с ним уползал туман. Промысел на это время прекращался. Матросы отсыпались. В коридорах устанавливалась тишина. Не отдыхал только доктор Алексей Михайлович Позднеев. Он выбегал то на кормовую палубу, то на шлюпочную, то появлялся в рулевой рубке, и все осматривал корабль.

— Не видно?— спрашивал он у вахтенного штурмана.

— Несколько есть. Красненькие, зелененькие, пестренькие...

— Куда же остальные девались?— неизвестно у кого спрашивал Позднеев, поспешно отправляясь на поиски. По опыту он знал, что маленькие птицы находят на корабле в такую погоду укромные места и отсиживаются до тихой поры. Заносит их в открытое море сильный ветер. Сначала закрутит смерч, а потом пропадает из виду земля. Они рады-радешеньки, когда, совершенно обессилевшие, заметят под собой островок или траулер...

Моряки на видном месте сыпят крупу, ставят воду. Но птички то ли не видят корма, то ли боятся необычной для них пищи. Многие погибают от голода.

Доктору жаль птиц. Он выслеживает их. Обнаружив, подкрадывается и медленно-медленно протягивает руку. Алексей Михайлович знает, что на очень медленные движения птицы почти не реагируют. Спихиваются тогда лишь, когда окажутся в руках, скребут лапками ладонь, энергично вертят головками, даже клюют в пальцы. А Позднеев, сияющий, бежит в свою каюту и сажает очередную пленницу в клетку. Клетки различных размеров и форм он делает сам. До мозолей доктор трудится ножом, строгает рубанком всевозможные палочки, до-

сочки. И вечно у него в каюте стружка, куски дерева, проволока. Уборщица тетя Оля иногда ворчит:

— Прямо мастерская...

— Я помогу,— говорит Алексей Михайлович, и принимается собирать мусор.

— Ладно уж,— смиряется тетя Оля.

В клетках птицы быстро перестают бояться людей, начинают клевать зерно, пить воду.

В тихую погоду доктор выносит клетки из каюты, расставляет их на шлюпочной палубе, в безопасных местах — дабы не добрался до птиц молодой кот Серый. Птицы выпархивают из открытых клеток, садятся на клотики, радуются свободе. Но держатся около судна, понимают, что до земли им не добраться. В дождь или ветер Позднеев заносит клетки в каюту. Многие птицы летят следом — к своим временным жилищам, к Алексею Михайловичу они уже привыкли.

Бывало, что усталость заставляла снижаться на палубу и больших птиц: гусей, журавлей. Однажды у нас остановилась передохнуть стая скворцов. Доктор быстренько смастерил скворечник и прикрепил его на шесте над кормовой рубкой... Вначале скворцы робко садились на полочку, заглядывали внутрь скворечника. Потом осмелели: стали распевать на утренней и вечерней зорьке. Несколько пар перелетело на другие суда, промышляющие неподалеку. Но на правах друзей нередко навевывались к нам в гости.

Когда скворушки окрепли, то вспорхнули всей своей стайкой, сделали прощальный круг над траулером и отправились в путь. Больше мы их не видели.

Но зато маленькие разноцветные птички оставались с нами. Они неустанно распевали на все лады, радуя моряков. По примеру Позднеева моряки сами принимались мастерить клетки. Да такие ладные — любо глядеть.

К концу рейса почти в каждой каюте качались легкие клеточки с птицами. Звенел и ликовал птичий хор.

Но вот приходит время идти в порт. В погожий день уже виднеется дальний берег. И тогда все выносят свои клетки. Птицы выпархивают на свободу, щебечут и устремляются к земле. А бородатые, истосковавшиеся по дому мужчины долго и молча глядят им вслед.

Необычная гостья

Над океаном черная ночь. Из носового трюма перегружают рыбу на плавучую базу. Кормовая палуба уже убрана, слабо освещена. По ней увалисто пробежал матрос Терешков, пос-

ланной штурманом посмотреть — не ослабли ли швартовы на кормовом кнехте. Его внимание привлекло животное, вползающее на слип. Там было темновато. «Собака! — мелькнуло в голове матроса. — Но откуда?»

Терешкова охватил непонятный испуг. Вместо того, чтобы осмотреть крепление, он повернулся и помчался в рулевую рубку доложить об увиденном вахтенному штурману.

Прибежали, включили большой свет. По слипу взбирался тюлень с открытой раной на спине. Зверь испугался людей, притих.

Моряки начали звать его. Но тот не шевелился.

Весть о необычном госте разнеслась по судну. Доктор первым делом обратил внимание на рану...

— Нужно лечить, и немедленно.

С ним согласились.

Тогда доктор попросил разрешение у старпома соорудить из брезента плавательный бассейн. Рядом с докторской каютой самое подходящее место: пожарный кран и леера, к которым можно было крепить брезент.

Бассейн был готов буквально минут через сорок. Туда и запустили раненого зверя. Набросали ему свежей рыбы. Тюлень сперва не принимал пищу, но потом — только подавай!

— Ребята, — сказал однажды матрос Терешков, — это ж самочка. Вон какие соски...

Промысел подходил к концу. Собирались в порт. Тюленя решили выпустить. Однако тюлениха уползала от воды, забивалась под трапы, лезла на рыбофабрику. Только бы не за борт!

Но что делать? Пришлось все-таки осторожно столкнуть зверя в море.

Тюлениха упорно поплыла за судном. Она приблизилась к слипу, ей снова помогли взобраться на палубу. Будущая мать обвела благодарным взглядом моряков и устало направилась к своему излюбленному месту.

«Рыбачку» (так ее окрестили) отвезли в порт и передали в зоопарк. Теперь, отправляясь в отпуск, моряки непременно заезжают в зоопарк проведать свою старую знакомую. В просторном бассейне ей живется неплохо, а рядом резвится ее симпатичный сынок.

Белый зверек

На старом рыболовном суденышке «Краб» ее первым увидел молодой кок Святослав Макеев.

Было это часов в десять утра. Матросы на палубе убирали улов. Специалисты несли службу на своих рабочих местах. А те, кто сменился с ночной вахты, отдыхали.

В кают-компании стояла тишина. Рядом, на

камбузе, Макеев, задумавшись, чистил картошку. Ему показалось, что кто-то поблизости скребется. Он подумал, что это, наверное, кончик стального троса качается от ветра и трется о переборку. Чистил картошку, мечтал и слушал. А потом надоело, решил проверить — что все-таки скребется. И каково же было его удивление, когда он заметил в углу кают-компания беленького зверька, возившегося с поджаристым сухарем.

На другое утро, когда все ушли обрабатывать рыбу, Макеев положил в угол косточку. Крутит ручку мясорубки. Остановился и слышит легкий хруст. Выглянул из-за двери, а в кают-компания усатенькая тонкомордая гостя крепкими зубами гложет гостиницу.

Кок прямо в колпаке и белой куртке побежал звать капитана и матросов.

Моряки подходили на цыпочках и, вытягивая шею, друг из-за друга с любопытством глядели на белого зверька. Но тот уже насторожился, подергал носиком. И вдруг юркнул в угол, где была дырка.

— Крыса,— сказал бывалый капитан.

— Разве они белыми бывают?— удивились матросы.

— Выходит, бывают.

— А вдруг расплодятся? Беды не оберешься.

Призадумались.

— Подождем,— предложил боцман.

Решили крысу пока не трогать, потому что она была белая.

Кок каждый день подбрасывал зверьку косточки, хлебные корки, ставил в жестяной банке воду. Крыса освоилась — стала появляться в кают-компания даже при людях. И если никто не шевелился, она спокойно разгуливала по палубе, влезала на диван. Моряки замирали, когда она пробегала по их коленям. Старались не пугать.

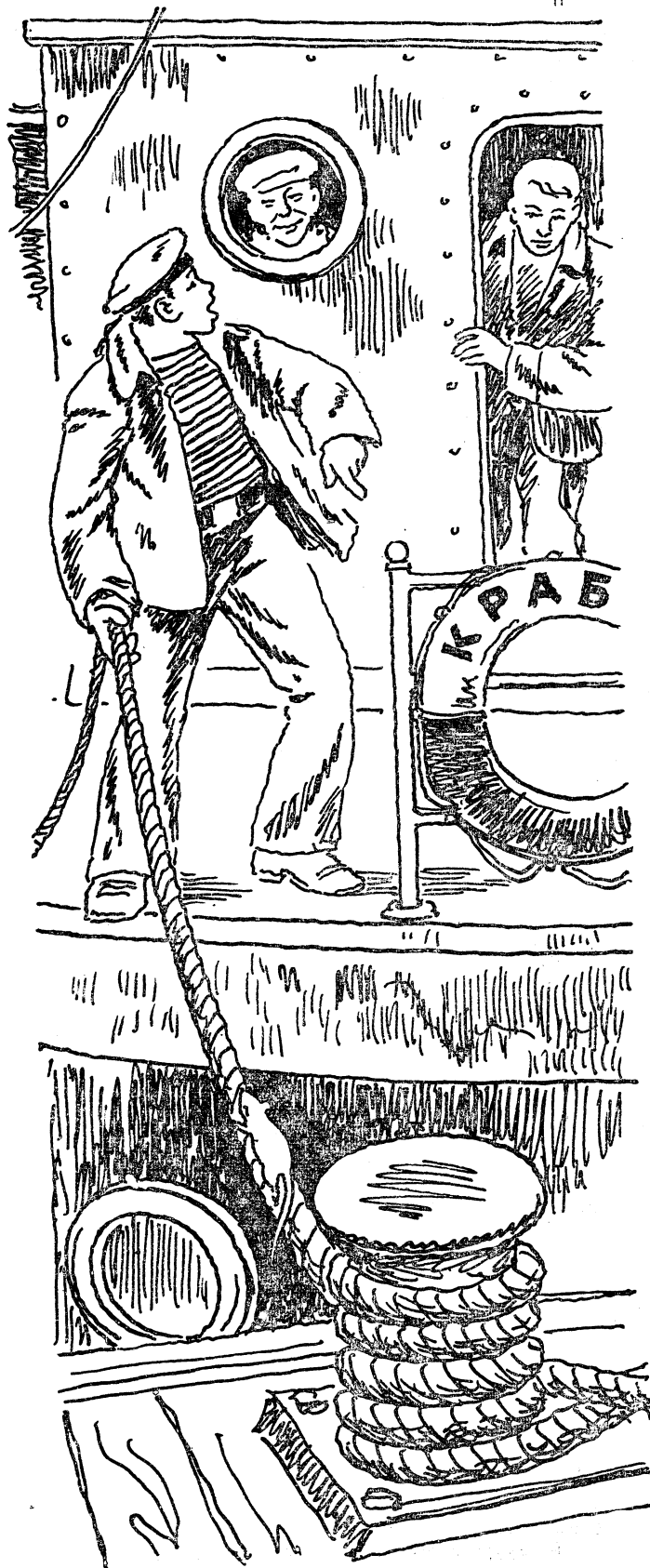
Постепенно белая крыса привыкла к людям. Перестала шархаться в спасительную дыру и от звона посуды.

Когда суденышко заходило в порт, белая крыса сбегала на причал и никогда не опаздывала к отходу.

Как-то любимица моряков не явилась. Уже шли последние приготовления по отдаче швартовых концов, а ее все не было.

Работал двигатель. Капитан из открытого окна рулевой рубки озабоченно смотрел на причал. Береговой матрос на причале снимал с кнехта швартовый конец, чтобы сбросить в воду. И... тут на канат прыгнул белый зверек и стремительно побежал по нему на судно. Радостно расступились матросы. Улыбнулся капитан.

Корабль отходил от причала.

Новые профессии старого аурума

**Виктор
ХОХЛАЧЕВ**

*Рисунки
Н. Павлова*

Мы по привычке называем золото валютным металлом, хотя почти ни в одной стране мира оно уже не используется в качестве денег. Зато индейцы в Перу издавна делали из него домашнюю утварь, а в наше время ежегодно сто тонн золота уходит на изготовление зубных протезов и столько же расходуется на нужды электроники. Из 80 тысяч тонн, которые добыло человечество с XVI века, более половины пошло на промышленное применение либо попало к ювелирам. По данным американского журнала «Ньюсуик» только на изготовление ювелирных изделий ежегодно тратится около 75 процентов добываемого золота. Установлено, что более всего таких драгоценностей накопили француженки: в их личной собственности находятся сотни тонн золота.

Диапазон использования золота довольно широк — от перьев в авторучках до позолоченных частей космических кораблей. А в былые времена букет изделий из него был еще более пестрым — от самых нелепых до самых величественных. Афиняне, к примеру, увенчали свой Акрополь статуей Афины, золотая одежда которой весила более тонны.

Мы называем золото также драгоценным металлом, хотя в древней Африке оно было дешевле меди и из него ковали цепи для рабов, а сибирские эвенки в прошлом веке отливали пули не из дефицитного свинца, а из более доступного им металла — золота.

Ныне разработкой месторождений аурума занимается более сорока стран. Золото, извлеченное за последние полтысячи лет, покрывает футбольное поле слоем толщиной в 23 сантиметра. Или: если можно было бы из этого количества золота отлить один блок, то, как подсчита-

но в издании «Ридерс дайджест», он был бы размером всего с фермерский дом. Даже если включить сюда и ту восьмую часть мировой добычи, что затонула с судами в морях и океанах.

Средневековые алхимики безуспешно пытались с помощью пресловутого «философского камня» добиться в тиглях чудесного превращения обычных металлов в аурум. Современные «алхимики» на циклотронах добились кое-каких успехов. Используя ядерное деление, физики получили из свинца и ртути крохотный кусочек искусственного золота, правда, себестоимость его весьма велика.

Американская фирма «Бейсайд рифайнинг энд кемикл» построила в Гонконге завод, который начал добывать золото из... металллома — из устаревших деталей электронного оборудования. Предприятие ежедневно производит золото в слитках.

В лучшие часы своей истории аурум умел радовать ценителей красоты. Испокон веков он служил луч-

шим украшением лица и платья, венчал и «окольцовывал» новобрачных, был благодатным материалом для прикладного искусства. Он был, по словам К. Маркса, «первым металлом», который открыл человек. Он был первым — этим все сказано.

На нем древние практиковались в паяльном деле. Покрывая носилки египетских фараонов тончайшей золотой фольгой, продлевали срок амортизации этого важнейшего в государстве деревянного инвентаря. Попробовали золотить купола церквей — и убедились, что это покрытие не только нарядное, но и долговечное. С каждым поколением неважное использование денежного металла, считавшегося одним из самых малополезных, приобретало все более внушительные масштабы.

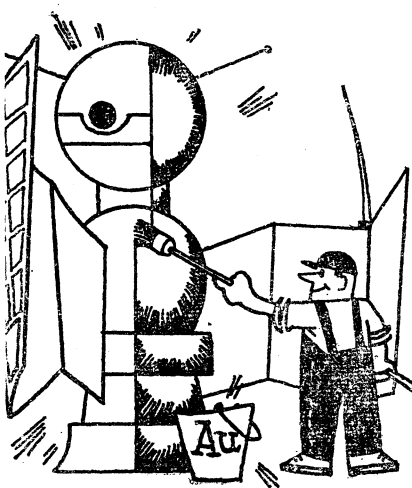
И вот уже мастера позолоты на смену дедовским клеям, лакам и сусальным листам поставили гальванический способ золочения. Он повысил стойкость деталей в высоковольтной радиоаппаратуре и в рентгеновских установках. Новый способ покрытия улучшил работу отражателей инфракрасных лучей. Защитная пленка толщиной всего в один атомный слой предохранила первые искусственные спутники Земли от коррозии перегрева.

Шведские химики надумали вставлять аурум в окна своих сограждан. Вплавив в массу стеклянного полотна прозрачную фольгу, они получили «золотые стекла», не пропускающие тепловых лучей. Зимой за таким окошком не холодно, летом — не жарко. И хоть дороговато обо-

дится новое стекление, но расходы окупаются за счет экономии топлива.

Вроде бы несерьезным занятием увлекся голландский профессор Рабенау — как бы переливал из пустого в порожнее: из некристаллического кусочка золота получил красивый кристалл длиной около сантиметра, но уже — на противоположном конце кварцевой трубки. Ученый собрал этот кристалл в буквальном смысле по атому. А норвежские исследователи разработали целую технологию выращивания крупных кристаллов из золотых растворов. Такие кристаллы могут использоваться в качестве полупроводников, даже при 800-градусной жаре.

Широкое применение нашло жидкое — хлорное — золото, образующееся при растворении металла в царской водке (смесь соляной и

азотной кислот). В начале века Россия расходовала на своих фарфоровых заводах 125 пудов этой драгоценной краски. Но она была долгое время импортной. Лишь в советские годы Дулевский красочный завод освоил производство жидкого золота, которым теперь расписываются чайные сервизы и стеклянные столовые приборы. Кстати, с помощью подобного соединения получают высококачественное красное стекло — «золотой рубин».

Сегодня аурум становится кумиром ученых и инженеров. Его спла-

вы применяются при изготовлении химической посуды и аппаратуры, для производства синтетических волокон. Высокую оценку получили золотые волоски гальванометров и миниатюрные электрические контакты. Из мягкого пластичного металла делают отдельные детали гигантских ускорителей элементарных частиц — уплотняющие кольца и шайбы, этим же металлом паяют стыки камер.

Благодаря защитной пленке, образующейся на поверхности, он не реагирует с большинством кислот. Благородство золота, его нежелание якшаться с другими веществами выдвинуло его в один ряд с самыми дорогими катализаторами — платиной и палладием. Английский профессор Жоффри Бонд, например, предложил высокоактивный золото-кремнеземный ускоритель. То же золото служит катализатором в двигателях сверхскоростных высотных самолетов, а конструкторы подумывают уже о принципиально новых ракетах, которые будут двигаться за счет энергии, выделяющейся при так называемой реакции димеризации атомарного кислорода. И здесь роль катализатора отводится золоту.

Еще в XVI веке использовал золотую микстуру для лечения заразных болезней Парацельс. В настоящее время из соединений, содержащих химический элемент первой группы Периодической системы Менделеева с атомным номером 79, фармацевты готовят эффективные лекарственные препараты против красной волчанки и костного туберкулеза. При помощи радиоактивного золота удается излечивать некоторые формы рака.

Уральский женьшень

Жителю деревни Комарово Артинского района Свердловской области Степану Минеевичу Сыропятову исполнилось 97 лет. Он — глава большого рода, 83 человека насчитывается в нем. С женой Федосьей Федосеевной, которой пошел 95-й год, Степан Минеевич воспитал 11 детей.

И дочь Сыропятовых — Агрипина Степановна — тоже мать-героиня. Она родила и воспитала 12 детей.

Но не только этим известен в округе Степан Минеевич Сыропятов. Он первым на Урале вырастил целую плантацию корней женьшеня. 30 лет назад посадил в огороде пять семян. Через 12 лет выросли корешки, появились семена. Они оказались более устойчивыми к уральским условиям.

Посадил их. Прошло еще 12 лет, и семена второго поколения стали уж совсем уральскими, как бы районированным сортом.

Сейчас на плантации С. М. Сыропятова произрастает 200 корней женьшеня. Агроном И. П. Сорокалетовских и техник-лесовод В. А. Боголепов обобщили опыт старого селекционера. С помощью специалистов на огороде 64-летнего сына С. М. Сыропятова — Павла Степановича заложен питомник женьшеня. Осенью 1975 года высадили 500 своих семян, весной готовят почву еще для 300 семян.

Приживутся ли эти «корни жизни» на уральской земле — станет известно лет через шесть-семь.

Всем хорош!

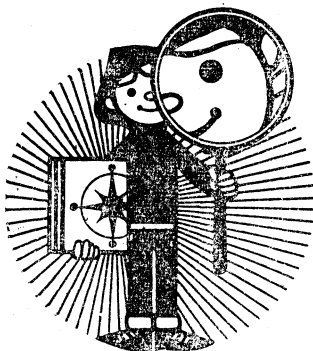
Трубопроводы оросительных систем, шахтную вентиляцию, оборудование химических заводов, панели внутренней отделки легковых автомобилей, пассажирских железнодорожных вагонов и судов, радиотехническую аппаратуру, холодильники и стиральные машины — к чему только не пригоден новый материал металлопласт.

Выпуск металлопласта налажен на заводе «Запорожсталь». Там смонтирован уникальный агрегат для нанесения пластмассового покрытия — полихлорвиниловой пленки — на стальную холоднокатаную полосу. Спроектирован и изготовлен этот агрегат впервые в СССР на Уралмашзаводе в Свердловске.

Металлопласт сочетает в себе лучшие свойства обоих материалов — прочность и жесткость стали, высокую стойкость против коррозии и декоративность пластмассы, его можно сделать тисненым, окрасить в любой цвет.

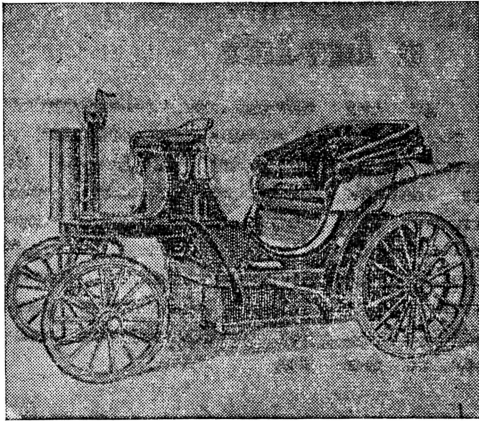
Металлопласт выдерживает все виды обработки. Его можно резать, вальцевать, штамповать, сваривать, клеивать, скреплять болтами...

Новый материал будет широко использоваться взамен нержавеющей стали, алюминия и других цветных металлов.

М И Р

НА ЛАДОНИ

Электрический кабриолет

Пресса непрерывно сообщает о том, как ныне во многих странах конструкторы совершенствуют электромобили. Не просто изобрести бездымный, бесшумный и легкий в управлении электрический автомобиль. Емкость аккумуляторов все еще невелика: у большинства электромобилей энергии батарей хватает лишь на 50—80 километров пробега и только у рекордсменов — на 150.

«Проблема электромобилей» — не новая. Химики и инженеры пытались ее решить еще в прошлом веке. Устраивались гонки электрических карет, которые развивали скорость до 60 верст и пробегали без подзарядки аккумуляторов 50—70 километров. Вес батарей у «самобеглых экипажей» был удручающе большим — двадцать и более пудов.

На снимке: один из электрических автомобилей прошлого века.

Корабль

Из... воды и опилок?

Почему бы не построить корабль из... льда?

Впервые такая мысль пришла в голову одному английскому изобретателю во время второй мировой войны.

Своим энтузиазмом он заразил тогдашнего премьер-министра Великобритании Уинстона Черчилля, и тот в 1942 году приказал начать изыскательские работы для проектирования и строительства первого в мире ледяного авианосца. Но скоро выяснилось, что ни айсберги, ни ледяные поля для этого не годятся.

Казалось, удивительный проект навсегда будет похоронен в архивах технических курьезов. Однако весной 1943 года группа ученых неожиданно открыла, что если в лед добавить немного древесной массы, скажем, опилок, его прочность резко возрастает, приобретая механические свойства бетона. Полученный таким образом материал назвали пукритом.

Работы вновь развернулись полным ходом. Ледяной авианосец планировался поистине гигантским — размеры взлетно-посадочной полосы 600×60 метров, толщина бортов — 9 метров, водоизмещение — 2 миллиона тонн. В корпусе судна проектировалось смонтировать 16 громадных рефрижераторных ма-

шин, которые постоянно бы намораживали изнутри стаяющие стенки бортов. Движение невиданному кораблю должны были придавать 20 электрических двигателей общей мощностью в 32 тысячи лошадиных сил.

Когда проект был отработан во всех деталях, снова возникли трудности. Шутка сказать, нужно было наморозить 1700 тысяч тонн пукрита. В те военные годы в Англии просто не нашлось необходимого

количества труб, не было и морозильной аппаратуры.

Многие считали, что проект ледяного авианосца на этот раз растаял окончательно. Но вот недавно о нем опять заговорили. По мнению специалистов, в теперешних условиях постройка крупного судна из пукрита очень выгодна. Оно будет в десятки раз дешевле металлического и найдет себе применение как плавучий центр по изучению холодных широт.

Травник Семена Епишева

После походов Ерофея Хабарова, Михаила Стадухина, Василия Пояркова, Семена Дежнева и других знаменитых «опытовщиков» в Якутске прославился служилый человек Семен Епишев. Как истинный знаток трав, он усердно собирал их, испытывал полезные свойства, записывал от якутов лекарственную пользу корней и семян.

Посылая царю травник, он писал в 1674 году в своей челобитной: «А около, государь, Якутского лекарственные травы родятся не по все годы, а родятся лекарственные травы: бронец черный и красный, и воронец, изгоны, излюжены жабные и разные травы по Лене не близко, и посторонним рекам, на Собачьей, у моря многие; а таких, великий государь, лекарственных трав, которые растут по тем местам в Сибири, в твоих государевых русских городах нет».

Травник Семена Епишева отличался тем, что в нем не было суеверных толкований трав, растениям не приписывалась чародейная, сверхъестественная сила.

Ботанические изыскания Семена Епишева привлекли внимание властей. В сибирские воеводства была послана царская грамота о собирании и доставке в Москву полезных растений.

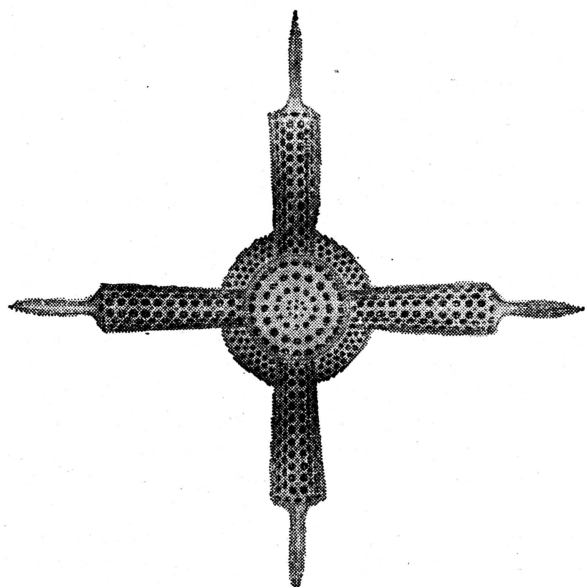
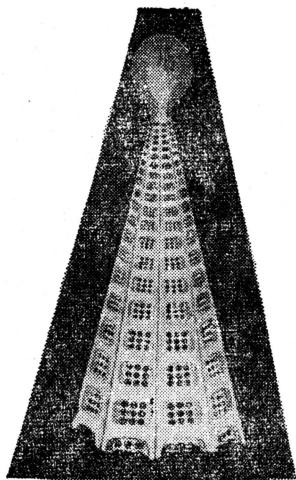
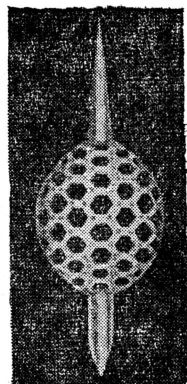

Радиолярии

Эти красивые, поражающие нежностью красок, правильностью форм и тончайшей отделкой фантастические кубки, башенки, звездочки, крылатые диски создавались не резчиками по дереву и кости. Их нашли в соленой морской воде ученые.

Когда доставленные в научно-исследовательские лаборатории удивительные радиолярии были помещены под увеличительные стекла специальных приборов, перед исследователями предстали прекраснейшие творения природы, оригинальные конструкции одноклеточных существ, покрытых ажурными микрокружевами сказочных расцветок.

Мир радиолярий неисчислимо богат красками и фантастическими формами. Их свыше шести тысяч видов. Скелет этих существ — из органических веществ. Но встречаются радиолярии и с минеральным скелетом.

Монетный двор на Ланга-Ланга

Оказывается, до сих пор есть в обращении деньги каменного века. Ими пользуются жители Соломоновых островов.

На крохотном и малодоступном атолле Ланга-Ланга «чеканятся» оригинальные диски-монеты. Мужчины достают со дна океана сырье — раковины, а женщины выпиливают и полируют их. Деньги из моллюсков бывают трех достоинств — белые, черные и красные. Самые дорогие — красные, потому что они делаются из редких глубоководных раковин.

Патриарх уральской тайги

Как долго живет кедр? Пятьсот, тысячу лет?

В лаборатории лесоведения Института экологии растений и животных Уральского научного центра хранится спил кедрового пня, насчитывающий 608 колец. Значит, этот кедр (он срублен в Тюменской области) прожил 608 лет? Больше, потому что специалисты прибавляют к этой цифре 50 лет: именно

это время дерево росло до высоты, на которой было спилено. Итак, возраст кедр-долгожителя — 650—660 лет.

Интересно отметить, что патриарх уральской тайги неприметно стоял у болота, среди деревьев размерами не выделялся. Примечательно и то, что древнее дерево плодоносило не хуже молодых деревьев.

Карстовая воронка

Красноуфимский район Свердловской области — место возникновения частых карстовых воронок. Подземные воды, разрушая известняки, образуют пещеры, и здесь вдруг разверзается земля...

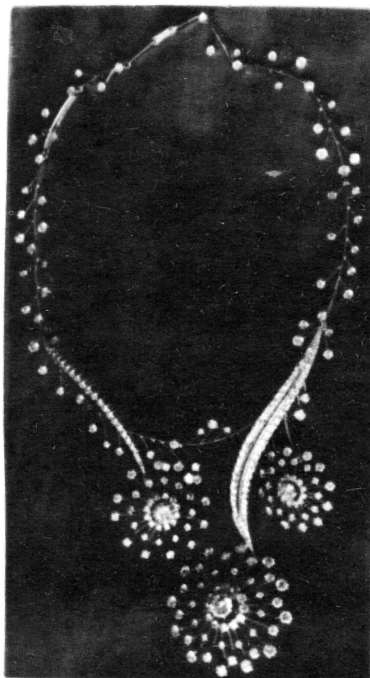
Недавно открылся провал на опушке березового колка близ поселка Натальинского. Яма образовалась солидная — 50 метров в диаметре и 30 метров глубиной. Воронка еще не «потухла» — края ее продолжают оседать, она увеличивается в размерах.

Любопытно, что место это — зона интенсивного карстового «землетрясения». Рядом со свежей воронкой немало и старых — уже потухших, заросших лесом, образовавшихся 10—50 лет назад.

На снимке справа: карстовая воронка близ поселка Натальинского.

Фото Владислава Ветлугина

Бриллиантовое «солнце»

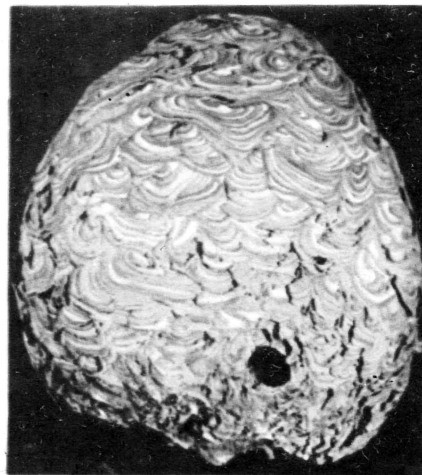
Недавно на Свердловском ювелирном заводе были изготовлены уникальные произведения — кольцо «Солнце» и ожерелье «Уральский сувенир». Автор этих украшений — молодой художник Николай Громыко.

В кольцо закреплено 275 бриллиантов. Они сгруппированы на легких металлических пластинках, напоминающих лучи солнца, и укреплены в оправу на разных уровнях, чем достигается объемность украшения. Изделие кажется легким и как бы сотканым из переливающегося солнечного света.

На конкурсе ювелирных изделий кольцо Н. Громыко получило первую премию.

Как известно, эскиз будущего украшения создается художником. А работу по эскизу выполняет ювелир. Колье «Солнце» изготовил ювелир высокой квалификации Е. И. Некрасов. Несколько лет назад на международной выставке в Италии кольцо, изготовленное Евгением Некрасовым, было признано лучшим. Миланские модницы мгновенно раскупили партию «русских сувениров». Несколько драгоценностей, сделанных руками Евгения Некрасова, хранятся в Выставочном фонде СССР.

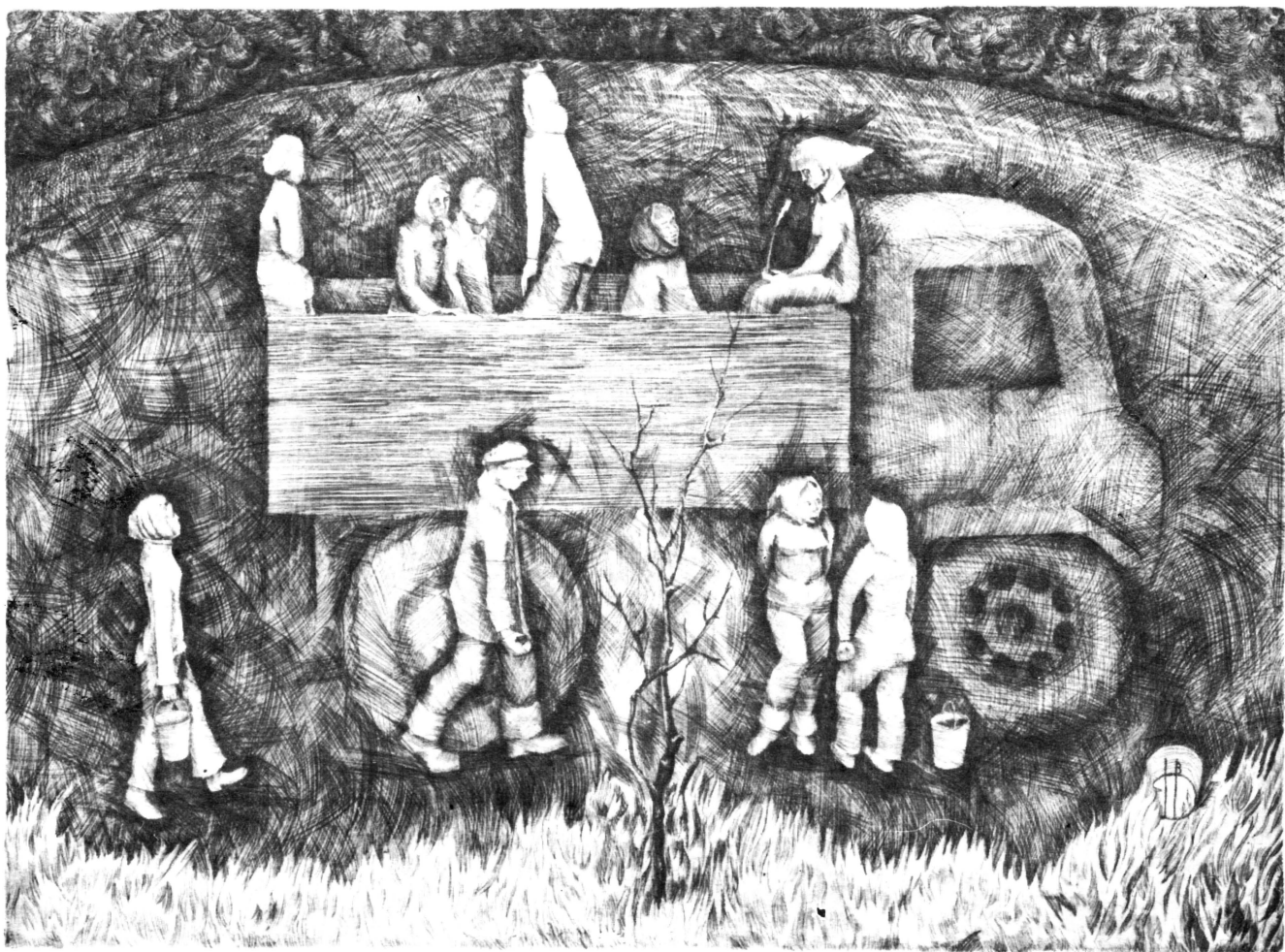
Теремок шершней

Что это — керамическая ваза или ска тулка, сделанная искусными руками мастера? А может быть, это чье-либо дупло, гнездо? находку обнаружили на чердаке клуба в селе Мельники Приморского края. Это домик шершней. Теремок метровой высоты и полметра в диаметре весит немногим более килограмма. Он из розовых лепестков, собранных в бутон. Внутри размещены соты в четыре этажа. Широкой частью, где имеется пятисантиметровая «дверь», гнездо было прикреплено к доскам чердачного перекрытия.

Старожилы рассказывают, что обычно шершни живут в дуплах старых деревьев, а вот чтобы в таких красивых «самодельных» домиках, — никогда не встречали.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ОСЕНЬ. Офорт.
Наташа ДОМРАЧЕВА. г. Свердловск.

Войска Бату-хана вступили на Рязское поле, и князь Рязанский, Юрий Ингваревич, вышел врагу навстречу. Завтра начнется сеча. Горели костры. Спали возле них воины. Знобкий вьедливый ветер гулял над полем.

«Великое испытание послала судьба,— думал Юрий Ингваревич,— и лучше погибнуть, чем дрогнуть перед врагом. Лучше смерть, ибо мертвые сраму не имут...»

**ПОВЕСТЬ С. ГАГАРИНА О ЕВПАТИИ КОЛОВРАТЕ
ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ**